

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

ИСТОРИЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Часть 2

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СБОРНИКИ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Серия «Электронный архив»

Выпуск 4

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

ИСТОРИЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Часть 2

Сборник научных трудов

Санкт-Петербург
Президентская библиотека
2019

УДК 94(47).081

ББК 63.3(2)53

П71

Научный редактор:

Н. В. Дунаева, д-р юрид. наук, Президентская библиотека,
С. Г. Кащенко, д-р ист. наук,
Санкт-Петербургский государственный университет

Рецензент:

А. Н. Цамутали, д-р ист. наук,
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Редакционная коллегия:

Н. В. Дунаева, д-р юрид. наук, *С. Г. Кащенко*, д-р ист. наук,
А. Ю. Петров, д-р ист. наук, *М. Б. Свердлов*, д-р ист. наук,
П. В. Фёдоров, д-р ист. наук, *А. И. Филюшкин*, д-р ист. наук,
Е. А. Багрин, канд. ист. наук, *А. Г. Грушевой*, канд. ист. наук,
С. Л. Алексеев, *Н. М. Казимирчик*

Серия «Электронный архив» основана в 2017 г.

Электронная копия издания находится в фонде Президентской библиотеки

Сборники серии включены в РИНЦ
и размещаются на сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru

Президентская библиотека (Санкт-Петербург).

Сборники Президентской библиотеки / Президент. б-ка. – СПб. :
П71 Президентская библиотека, 2011– .

Серия «Электронный архив». – 2017– .

Вып. 4 : Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие, ч. 2 : сб. науч. тр. / [науч. ред.: *Н. В. Дунаева*, *С. Г. Кащенко*]. – 2019. – 244 с. : ил.

ISBN 978-5-6042137-4-2

Четвертый выпуск серии научных сборников Президентской библиотеки «Электронный архив» посвящен современным исследованиям преобразований государства и общества в период царствования императора Александра II. Вошедшие в две части выпуска научные статьи затрагивают важные аспекты истории России XIX в., вводят в научный оборот новые архивные документы.

Издание предназначено для историков, преподавателей исторических дисциплин, работников архивов и научных библиотек, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется историей России.

УДК 94(47).081

ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-6042137-4-2

© Президентская библиотека, 2019

PRESIDENTIAL LIBRARY COLLECTIONS

“Digital Archive” Series

Issue 4

THE EPOCH OF GREAT REFORMS

HISTORY AND ARCHIVAL HERITAGE

Part 2

Collection of research works

St. Petersburg
The Presidential Library
2019

Scientific editors:

N. V. Dunaeva, Dr. (Law), Presidential Library,
S. G. Kaschenko, Dr. (History), St. Petersburg State University

Reviewer:

A. N. Tsamutali, Dr. (History), St. Petersburg Institute of History
of Russian Academy of Sciences

Editorial Board:

N. V. Dunaeva, Dr. (Law), *S. G. Kaschenko*, Dr. (History),
A. Yu. Petrov, Dr. (History), *M. B. Sverdlov*, Dr. (History),
P. V. Fedorov, Dr. (History), *A. I. Filyushkin*, Dr. (History),
E. A. Bagrin, Ph.D. (History), *A. G. Groushevoy*, Ph.D. (History),
S. L. Alekseev, *N. M. Kazimirchik*

“Digital Archive” Series. Established in 2017

The digital copy of the publication
is transferred to the Presidential Library for use and distribution

The serial collections are included into the Russian Science Citation Index
and available on the website of the Scientific Electronic Library www.elibrary.ru

Presidential Library (St. Petersburg).

The epoch of Great Reforms: History and archival heritage / sci. eds.
N. V. Dunaeva, *S. G. Kaschenko*. – St. Petersburg : Presidential Library,
2019. – 244 p. – (Collections of the Presidential Library. “Digital Archive”
Series, Iss. 4, Part 2).

ISBN 978-5-6042137-4-2

The Issue 4 of the “Digital Archive” Series of the Presidential Library scientific
collections is devoted to modern studies of State and Society transformations during
the reign of Emperor Alexander II. The Issue is published in two parts. The scientific
articles regard important aspects of the history of the Russian State of the 19th century,
introduce new archival documents into scientific circulation.

The publication is intended for historians, teachers of historical disciplines,
employees of archives and scientific libraries, graduate students, students, and anyone
who interested in the history of Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Реформы образования, цензуры, военная, горная

А. В. Овчинников. Социально-политический контекст реформ народного просвещения в годы правления Александра II.....	10
О. В. Кузьмина. Механизм подготовки реформ при Александре II (на примере разработки Положения о начальных народных училищах 1864 г.).....	20
Т. И. Ерёмкина. Законодательная регламентация «учебной службы» в период реформ Александра II.....	34
Н. Г. Патрушева. Цензурная реформа и контрреформа в России (1860–1880-е гг.).....	44
Е. Г. Неклюдов. Подготовка горной реформы 1860-х гг. в России: деятели и проекты.....	52
С. Д. Половецкий. Военно-педагогическая деятельность Д. А. Милютина.....	64

Реформа полиции и обеспечение государственной безопасности

Ю. В. Тот. Реформа уездной полиции Александра II.....	72
Е. В. Линькова. Польское восстание 1863 г. в оценках российских консерваторов.....	85
Т. В. Мусиенко. Политический терроризм в России: историческая ретроспектива.....	95
Г. Н. Мокшин. От «хождения в народ» к царевубийству 1 марта 1881 г. (о причинах рокового выбора «крестоносцев» русского социализма).....	110
В. Н. Лукин. Стратегия и тактика борьбы с терроризмом в период правления императора Александра II.....	120
Н. Р. Славнитский. Участники «хождения в народ» в ссылке в северных губерниях России.....	136

Россия в международных отношениях второй половины XIX в.

А. В. Гринёв. Император Александр II и продажа Аляски США.....	150
А. Г. Грушевой. Россия на Ближнем Востоке при Александре II: создание Русской Палестины.....	164
А. Х. Хизриев. Установление англо-французского «двойственного контроля» в Египте и дипломатия Александра II (1866–1882).....	177
В. В. Носков. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в истории пореформенной России по донесениям американских дипломатов.....	189
В. В. Познахирев. Политика правительства Александра II в отношении турецких военнопленных в 1877–1878 гг.	202
А. В. Манахова. Российская империя и Александр II в статьях британской прессы во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	207

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

А. Ю. Петров, А. Н. Ермолаев, Н. А. фон Глен. Воспоминания	216
---	-----

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

Л. В. Мельникова. Император Александр II и создание Российского общества Красного Креста.....	226
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С. Л. Алексеев, Е. А. Багрин. Всероссийская конференция «Эпоха Великих реформ в Президентской библиотеке».....	240
---	-----

<i>Список сокращений</i>	244
--------------------------------	-----

CONTENT

PAPERS AND MISCELLANEA

Education, censorship, military, mining reforms

Anatoliy V. Ovchinnikov. Social-political context of the of people’s education reforming during the reign of Alexander II	10
Olga V. Kuzmina. The mechanism of preparing reforms of Alexander II (by the example of the Regulations on the elementary folk schools in 1864)	20
Tatiana I. Eremina. Legislative regulation of the “educational service” during the reforms of Alexander II	34
Natalya G. Patrusheva. Censorship reform and counter-reform in Russia (1860–1880s)	44
Evgeny G. Neklyudov. Preparation of the mining reform of the 1860s in Russia: Figures and projects	52
Sergey D. Polovetskiy. Military-pedagogical activity of D. A. Miliutin	64

The police reform and State security

Yuri V. Tot. The reform of the Uyezd police under Alexander II	72
Elena V. Linkova. The Polish revolt of 1863 in estimates of the Russian conservatives	85
Tamara V. Musienko. Political terrorism in Russia: Historical retrospective	95
Gennadiy N. Mokshin. From “going to the people” to regicide of March 1, 1881 (about the reasons for the fatal choice of the “crusaders” of Russian socialism)	110
Vladimir N. Lukin. Strategy and tactics of combating terrorism during the reign of Emperor Alexander II	120
Nikolay R. Slavnitskiy. Participants in “going to the people” in exile in the northern provinces of Russia	136

Russia in international relations in the second half of the 19th century

Andrei V. Grinëv. Emperor Alexander II and the sale of Alaska to the USA.....	150
Alexander G. Grouchevoy. Russia on the Near East during the reign of Alexander II: The creation of Russian Palestine.....	164
Ali Khizriyev. Establishing of the Anglo-French “dual” control in Egypt and the diplo- macy of Alexander II (1866–1882)	177
Vladimir V. Noskov. The Russo-Turkish War of 1877–1878 in post-reform Russian history according to the American diplomats’ reports.....	189
Vitaliy V. Poznakhirev. The policy of Alexander II’s Government for Turkish prisoners of war in 1877–1878	202
Angelina V. Manakhova. The Russian Empire and Alexander II in the articles of British press during the Russian-Turkish war of 1877–1878.....	207

PUBLICATIONS

Alexander Yu. Petrov, Alexey N. Yermolaev. N. A. von Glen’s memories.....	216
--	-----

JUBILEE DATES AND HISTORICAL EVENTS

Liubov V. Melnikova. The Emperor Alexander II and the creation of the Russian Red Cross Society.....	226
--	-----

SCIENTIFIC REPORT

Stanislav L. Alekseev, Egor A. Bagrin. All-Russian conference “The Epoch of Great Reforms in the Presidential Library”	240
<i>Abbreviation list</i>	244

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

**Реформы образования,
цензуры, военная, горная**

А. В. Овчинников

Социально-политический контекст реформ народного просвещения в годы правления Александра II¹

В статье отражены основные социально-политические тенденции, обусловившие ход проведения реформ в области народного просвещения в годы правления Александра II. Основное внимание уделено вопросам социальной обусловленности разработки реформ в области образования. Показано, что государственная власть осознавала, что проведение образовательных реформ в России возможно только на основе оптимального сочетания традиций национальной культуры и государственности с новшествами, привносившимися процессами модернизации, успешная реализация которой была возможна при условии общественного согласия и противостояния проникновению радикальных, антигосударственных идей в общеобразовательную школу.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, народное просвещение, реформы в области образования, модернизация обра-

Овчинников Анатолий Владимирович (Москва) – ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», Лаборатория истории педагогики и образования, заместитель заведующего; доктор педагогических наук.

Anatoliy V. Ovchinnikov – Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Laboratory of the History of Pedagogy and Education, Deputy Head; Dr. (Pedagogy).

anatovch2014@yandex.ru

© А. В. Овчинников, 2019

¹ Статья написана в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 гг. (№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

зования, политический радикализм и просвещение, государственно-общественные отношения в сфере образования.

Anatoliy V. Ovchinnikov

Social-political context of the of people's education reforming during the reign of Alexander II

The article shows the main sociopolitical trends that determined the course of reforms in the field of public education during the reign of Alexander II. The main attention is paid to the social conditioning of the development of reforms in the field of education. It is shown that the state authorities realized that the implementation of educational reforms in Russia is possible only on the basis of an optimal combination of the traditions of national culture and statehood with innovations brought about by modernization processes, the successful implementation of which was possible provided public consent and opposition to the penetration of radical, anti-state ideas into general education school.

Keywords: Russian Empire, Alexander II, public education, reforms in the field of education, modernization of education, political radicalism and education, public relations in the field of education.

Реформы, проведенные в России в годы правления Александра II, по праву считаются эпохальным событием в истории нашего государства. Благодаря энергичной реформационной деятельности российского императора и его окружения страна в те годы уверенно встала на курс модернизации, которая к началу царствования монарха стала настоятельной потребностью для поступательного развития империи.

Практически для всего российского общества эпохи Великих реформ была очевидна необходимость внимательного и постоянного обращения к вопросам развития народного просвещения, только пути достижения этой благородной цели виделись различными. И данное обстоятельство имело объективные причины. В первой половине XIX столетия Александр I и Николай I предпринимали попытки просвещения российского народа, по меньшей мере с ними связывали перспективу развития государства и общества.

Постепенно различные слои российского общества стали воспринимать просвещение как ценность и возможность для достижения личного благополучия.

Если следовать периодизации истории отечественной педагогики П. Ф. Каптерева, которая активно используется в большинстве историко-педагогических работ уже целое столетие, следует обратить внимание на тот факт, что начало правления Александра II совпадает у автора с переходом от государственной к общественной педагогии¹.

Такое деление можно признать условным. Однако оно положило традицию разделения социальных сил в истории отечественного образования. На одном полюсе находилась консервативно мыслящая государственная власть, всячески стремящаяся узурпировать право на определение содержания образования и воспитания подрастающего поколения. На другом — российская общественность. Критикуя все, что исходило от власти, представители ее либерального и радикального течений стремились направить развитие народного просвещения по прогрессивному пути. При этом прогресс понимался не иначе как модернизация жизненного уклада России по западноевропейским лекалам.

Такие оценки повторялись и продолжают повторяться до сих пор в отечественной историографии. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. И время правления императора Александра II — яркое тому подтверждение. К началу его царствования в России уже более полувека существовала система государственного управления образованием, сформировались ее традиции. Одной из них стало внимательное отношение к разработке нормативно-правовых актов, отражению в их содержании реальных потребностей образования и создания механизмов их достижения, адекватных сложившимся социальным условиям.

Александр II помнил о внутренней политике своих предшественников и твердо шел по пути, суть которого сформулировал Н. М. Карамзин, сказав, что российские самодержцы «золотом и честью маня к себе художества, искусства, науки европейские, размножая число людей грамотных, как могли или умели»². И Александр следовал этой традиции, постоянно примеряя ее к реалиям новой эпохи.

¹ *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. 2-е изд., пересм. и доп. Пг.: Земля, 1915. С. 377–378.

² *Карамзин Н. М.* История государства Российского // Profilib: электрон. б-ка. URL: profilib.net/chtenie/44624/nikolay-karamzin-polnaya-istoriya-gosudarstva-rossiyskogo-v-odnom-tome-431.php (дата обращения: 16.05.2018).

К началу правления Александра II в стране сложились необходимые условия для продолжения активной деятельности в области просвещения, прежде всего твердая государственная воля юридически ликвидировать крепостное право, все более становившееся рудиментом общественного развития, и осознание властью необходимости просвещения населения страны.

В российском общественном сознании к тому времени сформировался определенный взгляд на образование. Суть его состояла, во-первых, в уважительном отношении к традиционному российскому просвещению как многовековой парадигме развития российского образования; во-вторых, в восприятии и адаптации на национальный манер образцов иностранного образования, пустившего корни с XVIII в. В правовой сфере это было отражено в нормах либерального образовательного законодательства, сформулированных во время царствования Александра I, и повороте в сторону усиления государственно-охранительных начал, что стало основой образовательного законодательства николаевских времен. К середине XIX столетия две тенденции фактически объединились в образовательном пространстве империи. Поэтому ко времени занятия российского престола Александром II у политической элиты России оставался значительный запас либеральных идей, которые она мечтала воплотить в жизнь. Однако они отличались от тех, что наполняли первые десятилетия XIX в. Теперь основные идеи развития народного просвещения в стране разрабатывали и готовили к реализации представители власти, прошедшие непростую управленческую школу николаевской России.

Как отмечает М. В. Богуславский, «вся политика самодержавия в области народного образования во второй половине XIX в. была направлена на поиск его оптимального стратегического варианта, то есть гарантирующего возможность модернизации страны при сохранении стабильности государства»¹.

Кроме того, сказывались и общемировые тенденции. Либеральные идеи, наполнявшие Европу на рубеже XVIII и XIX столетий, претерпели изменения по сравнению с серединой XVIII в. В силу этого обстоятельства позволим себе утверждать, что реформы начала XIX в. разрабатывались в политически нейтральном российском обществе либерально настроенными людьми, чьи проекты не отвечали реальным потребностям российского народа.

¹ *Богуславский М. В., Кудряшев А. В., Милованов К. Ю.* Стратегии реформирования и модернизации российского образования в первой трети XX века: монография / под ред. М. В. Богуславского. М.: ФГБНУ ИСРО РАО, 2017. С. 55–56.

Разработчики реформ Александра II имели дело с активно формирующимся общественно-педагогическим мнением, учет которого становился непременным условием эффективной реализации запланированных мероприятий.

Кроме того, в первой половине XIX в. как в общественном сознании, так и среди большинства представителей политической элиты развивалось противостояние приверженцев западной и национальной модели развития российского просвещения. Впоследствии оно ярко проявилось в историческом противостоянии «реалистов» и «классиков», которое нельзя сводить к противостоянию западников и славянофилов, консерваторов и либералов. В этой связи отметим, что бытовавшее в историографии многих десятилетий мнение о том, что покушение Д. В. Каракозова существенно изменило образовательную политику Российского государства в сторону ужесточения, давно нуждается в корректировке. Это событие стало лишь поводом, который запустил на социально-политическом уровне более глубокие, существовавшие на ментальном уровне механизмы взаимодействия традиций и новаций в процессе реформирования народного просвещения в стране. И эту тенденцию достаточно быстро осознало окружение российского императора.

Окружение Александра II постоянно извлекало уроки из своей практической деятельности по реформированию российского просвещения. Это определило одну из главных особенностей образовательной политики того времени: допускалось развитие различных типов образования, но приоритет отдавался образованию классическому.

На протяжении длительного периода этот факт трактовался в отечественной историографии не иначе как момент борьбы власти с нарождавшимся инакомыслием. В целом принимая такую точку зрения, необходимо рассмотреть проблему глубже.

Тенденция к ужесточению образовательной политики власти была свойственна и последним годам правления Александра I. По всей видимости, ее следует оценивать как шаг политической власти к российскому традиционализму, который продолжал оказывать влияние на развитие новых отношений в системе образования. Сегодня это обстоятельство не может рассматриваться лишь с точки зрения политической недалекости и даже ретроградства власти.

Приступая к очередному переустройству российской школы, окружение Александра II проводило подстройку традиционной системы просвещения страны под задачи ее модернизации. Этот процесс можно было бы реализовать гораздо проще, если бы он проводился в государстве и обществе, при-

нявших модель образования европейского образца. Особенность российской модели состояла в большом влиянии на образование национально-культурных традиций.

Благодаря такой национально ориентированной стратегии реформа отечественного образования за 40 лет позволила Российской империи осуществить грандиозный прорыв. В 1856 г. в России было всего 8227 начальных школ с 450 тыс. учащихся. В том же году в гимназиях обучалось 19 500 учащихся. В 1896 г. в стране насчитывалось уже 87 080 начальных школ, где обучалось 3 804 262 человека. В 281 гимназии и реальном училище получали среднее образование 78 700 человек¹.

Изменения в управлении народным просвещением способствовали развитию общественно-педагогического движения. Его лучших представителей объединяло одно стремление – сделать российское образование действительно народным, приведя его в соответствие с потребностями реформационной эпохи. За годы правления Александра II это движение приобрело значимый масштаб, став социальной силой, оказывающей реальное влияние на разработку стратегии развития просвещения в стране. Были созданы условия для поступательного развития системы государственно-общественных отношений в образовании, выработана идеология сотрудничества различных социально-общественных сил в этом благородном деле. Отметим, что идеологической основой, на которой власть пыталась объединить различных представителей общественно-педагогического движения, оставалось просвещение.

Идея широкого народного просвещения стала одной из главных в образовательной реформе Александра II. Внутренняя политика была направлена на поступательное развитие системы народного просвещения, превращение ее в государственно-общественный институт, оказывающий существенное влияние на социальное и экономическое развитие России.

В целях развития системы народного просвещения российская власть предполагала объединить усилия всех институтов российского общества, в том числе нарождавшееся земство, отношения с которым в губерниях (где были созданы органы земского управления) складывались по-разному. Как отмечал известный историк образования начала XX в. Н. В. Чехов, «деятельность первых земств 60-х годов была началом той исторической борьбы, которую повело в лице земства русское общество за право владеть школою. Эта борьба и одержанная в ней обществом победа определили характер русской

¹ Педагогика народов мира: История и современность. М.: Педагогическое общество России, 2000. С. 311–312.

народной школы как школы общественной, а не государственной. Этим русская школа резко отличается от школы германской и французской и приближается к школе английской и особенно американской»¹. Безусловно, данный вывод, который с различными вариациями повторялся в отечественной историографии, имеет право на существование. Однако он не может считаться единственно верным, полностью отражающим сложные и противоречивые тенденции российского образования в процессе его модернизации, в том числе в годы правления Александра II.

Император провел масштабную реформу народного просвещения, которая состояла из двух этапов: первый – «либерально-реформационный» (1855–1864), второй – «консервативно-охранительный»². В целом соглашаясь с таким делением А. М. Аллагулова, выразим мнение о том, что различный политический характер реформирования российского образования на этих этапах не изменял общей направленности политической власти на модернизацию образования. Власть лишь регулировала ход реформационного процесса в соответствии со складывающимся политическим режимом в стране, передавая часть прав в определении направленности образования губернаторам и даже самим образовательным учреждениям. Это, наряду с появлением нового участника в развитии народного просвещения в лице земских органов, изменило образовательное пространство Российской империи, фактически создав новую социально-образовательную реальность для оптимального решения задач, выдвигаемых реформой образования.

Традиционно в отечественной историографии главной идеей образовательной реформы Александра II считалось разделение образования на реальное и классическое, что, по мнению многочисленных исследователей, имело прежде всего политический мотив. Однако по сохранившимся архивным данным можно предположить, что решение о выборе классической или реальной формы обучения часто принадлежало самим учебным заведениям. В качестве одного из примеров приведем Третью московскую гимназию. В протоколе заседания Попечительского совета Московского учебного округа от 16 июля 1868 г. имеется запись о том, что директор гимназии представил план ее постепенного превращения в классическую. Выслушав подробные доводы

¹ Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М: Польза, 1912. С. 51.

² Аллагулов А. М. Влияние педагогической науки на становление образовательной политики в России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра пед. наук. Оренбург, 2013. С. 253.

директора, Попечительский совет разрешил ему изменить профиль гимназии по собственному плану, который учитывал традиции образовательного учреждения и позволял провести реорганизацию, существенно не затрагивая процесс обучения¹.

Из этого примера можно сделать вывод о том, что реализация политической воли по разделению классического и реального образования происходила достаточно мягко. По всей видимости, это было вызвано стремлением императора и Министерства народного просвещения не накалять и без того острую политическую ситуацию, вызванную проникновением радикальных идей в учебные заведения Российской империи.

Министерство народного просвещения обращало внимание на необходимость повышать эффективность образовательного процесса, содержание которого оно считало главным оружием в противостоянии политическому радикализму. Тем более что представители радикально настроенных политических организаций всячески стремились проникнуть в систему российского просвещения и сделать ее ареной реализации своих идей. В письме попечителю Московского учебного округа от 25 мая 1875 г. министр народного просвещения граф Д. А. Толстой указывал на необходимость противостояния этому, поскольку радикальные идеи овладевают не только юношеством, но и семьями гимназистов. Показательны слова министра о том, что распространение социалистических идей в 37 губерниях страны показывает, «...до какой степени поверхностна... известная часть нашего общества; она же еще более подкрепляет меня в убеждении, что у нас нередко не семья поддерживает школу, а школа поддерживает семью, чего нет ни в одном европейском государстве и что значительно усложняет и без того нелегкую задачу воспитания»². В этой связи министр просвещения требовал от учительского корпуса России уделять пристальное внимание гражданскому воспитанию учащихся и гимназистов. От педагогов требовалось найти механизмы воздействия на умы и сердца российского юношества, с тем чтобы воспитать в нем разумное и осознанное отношение к «учениям социалистической направленности».

В то же время необходимо отметить, что Министерство народного просвещения до конца не осознавало глубину социального кризиса, а главное, не оценило реальную социальную опасность, которую несла молодежи новая идеология. Всего за пять лет до покушения на императора Александра II

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3112. Л. 46–47.

² Там же. Д. 3684. Л. 7.

министр считал, что российские педагоги смогут противостоять «политическим фанатикам» и будут способны дать молодежи понимание того, что «недоученные юноши затевают провести в народ свои несбыточные фантазии, не гнушаясь... ни воровством, ни грабежом, ни даже убийством, и что именно их-то вознамерились они избрать своим орудием. Это будет достаточно для честной молодежи, все более и более ныне трудящейся для того, чтобы со временем сделаться полезными гражданами»¹. Однако история распорядилась иначе, значительная часть российской молодежи не приняла сторону легитимной власти и оказалась вскоре по другую сторону баррикад.

Высказанные соображения по поводу реформирования отечественного образования в годы правления Александра II диктуют необходимость подвести некоторые итоги, выявить закономерности и извлечь исторические уроки, полезные для сегодняшней российской школы и выработки стратегического курса деятельности воссозданного Министерства просвещения Российской Федерации. Именно с этим укоренившимся в нашей национальной традиции названием связаны лучшие достижения в системе общего образования России.

Важнейший урок образовательной реформы Александра II состоит в том, что любая реформа в социальной сфере, как бы четко она ни была продумана, дает отсроченные результаты. И это заставляет задуматься о просчетах при проведении образовательных реформ, в том случае если они не были полностью воплощены в жизнь, оставшись лишь планами власти, которая не получила деятельной поддержки со стороны политически многоликого педагогического сообщества, особенно в переломные моменты отечественной истории.

Еще один важный урок состоит в необходимости осознания того, что приобщение педагогов к разработке проектов и положений реформы народного просвещения не только повышало их профессиональный уровень, но и способствовало развитию педагогического знания. Формирующаяся в то время педагогика как область научного знания перестала быть лишь преобразователем иностранных методик и собирательницей методик отечественных. Она наполнилась социальным контекстом, пониманием важности образования как элемента развития нации, приобретая, таким образом, общественное значение, повышая свой статус научной дисциплины, развитие которой направлено на совершенствование отечественного образования.

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3684. Л. 7–8.

Реформы образования Александра II были успешными для того времени с точки зрения выбранного российской властью идеологического курса. Взяв за основу либеральные традиции образования, император и его окружение, отвечавшее за развитие народного просвещения в стране, не отторгли исторически сложившиеся основы отечественного школьного обучения, а продолжили использовать их в новых социально-экономических условиях, учитывая требования усиливающейся социокультурной и экономической модернизации страны. Так, благодаря открытому общественному обсуждению реформирования общего образования был обеспечен частичный общественно-государственный консенсус. Однако только что созданные механизмы поиска общественного согласия были нарушены революционно настроенной частью российского общества. Это обстоятельство заставило российскую власть выработать новые, более жесткие правила борьбы за будущее российского просвещения.

О. В. Кузьмина

Механизм подготовки реформ при Александре II (на примере разработки Положения о начальных народных училищах 1864 г.)

В статье дан краткий обзор особенностей начального образования в дореформенной России. Рассматриваются задачи, решавшиеся в рамках реформы начальной школы в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. Анализируется степень ведомственного влияния при разработке Положения о начальных народных школах 1864 г. Основное внимание уделяется механизмам подготовки проектов нормативных документов, а также факторам, повлиявшим на характер этого Положения.

Ключевые слова: начальное образование, сословность, ведомственность, гласность, Министерство народного просвещения, Министерство государственных имуществ, Министерство внутренних дел, Святейший Синод, Западный комитет, либеральная бюрократия.

Кузьмина Ольга Викторовна (Санкт-Петербург) – ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Институт истории, кафедра истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, доцент; кандидат исторических наук.

Olga V. Kuzmina – St. Petersburg State University, Institute of History, Department of History Teaching in the Natural Sciences and Humanities Faculties, Associate Professor; Ph.D. (History).

kuzminao@mail.ru

© О. В. Кузьмина, 2019

Olga V. Kuzmina

The mechanism of preparing reforms of Alexander II (by the example of the Regulations on the elementary folk schools in 1864)

The article provides a brief overview of the features of primary education in the pre-reform Russia. The problems solved within the framework of the reform of the primary school in the late 50s – early 60s of the 19th century are considered. The degree of departmental influence in the development of the Regulations for elementary public schools of 1864 is analyzed. It focuses on the mechanisms for the preparation of draft normative documents, as well as the factors that influenced the character of these Regulations.

Keywords: primary education, estate, department, publicity, Ministry of Education, Ministry of State Property, Ministry of Internal Affairs, The Holy Synod, Western Committee, liberal bureaucracy.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости и предполагавшееся учреждение в стране новых, всесословных институтов поставили перед правительством задачу включения нескольких десятков миллионов человек в гражданскую жизнь. Это было невозможно без распространения грамотности. Отсюда проистекала важность реформ в области народного образования. Отличительной особенностью реформаторского процесса в целом при Александре II было предварительное и гласное обсуждение проектов преобразований. Особенностью сферы народного образования стало реформирование в первую очередь учреждений высшего образования, которое затрагивало существенное меньшинство населения Российской империи.

Применительно к начальному образованию до 1856 г. не было попыток оценить положение в этой области. В изданных в 1858 г. Центральным статистическим комитетом таблицах «Положение народного образования в Империи в 1856 году» указывалось на наличие 8227 училищ в 49 европейских губерниях, Кавказском наместничестве и в Сибири. Учащихся в них в европейских губерниях (без Царства Польского) насчитывалось 450 002 человека, то есть 0,75 учащегося на 100 жителей обоего пола¹.

¹ Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858. С. 215–216.

На 1863 г. из 61 175 923 человек, проживавших на указанных территориях, в начальных школах обучалось 1 024 308 человек¹. Если учесть подсчеты Императорского географического общества, дети 8–10 лет, в первую очередь подлежащие начальному обучению, составляли 5% от населения страны, то есть 3 058 796 человек. Следовательно, две трети детей школьного возраста не посещали официальных начальных школ. В 1860 г. в России на 1000 человек приходилось 13 учащихся начальных и средних школ, тогда как в Австрии этот показатель равнялся 89, в США – 90, во Франции – 108, в Пруссии – 151².

В «Статистическом временнике Российской империи» 1866 г. отмечалось, что чрезвычайно трудно было свести воедино данные по 14 различным ведомствам и учреждениям, для которых народное образование не представляло главного предмета деятельности. При подсчете учитывались данные по училищам следующих ведомств: духовного, министерств народного просвещения, военного, морского, финансов, иностранных дел, почт и телеграфов, ведомства учреждений императрицы Марии, а также заведений, состоящих под покровительством великой княгини Елены Павловны.

В публикации подчеркивалось, что из них Министерству народного просвещения подчинены училища, в которых обучается только 12,5% учащихся, а достоверность данных по другим ведомствам не может быть гарантирована. Кроме того, в вышеприведенном перечне отсутствовало упоминание о таких ведомствах, как Удельное, Министерство государственных имуществ и Министерство внутренних дел.

При этом основным нормативным документом, регламентировавшим деятельность начальных и средних школ к началу реформ Александра II, был Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского, принятый 8 декабря 1828 г. (далее – Устав 1828 г.)

Поскольку основные изменения в жизни государства были связаны с освобождением большей части населения страны: помещичьих, государственных и удельных крестьян, – в первую очередь необходимо остановиться на особенностях начального образования для них.

В соответствии с Уставом 1828 г. обучение помещичьих крестьян зависело от доброй воли их владельцев; зачастую крестьян обучали так назы-

¹ Статистический временник Российской империи. Отд. I. СПб., 1866. С. 4–5.

² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 387.

ваемые грамотники, то есть те же крепостные, умеющие читать. Этот вид образовательной деятельности отсутствовал в отчетности какого бы то ни было ведомства.

Учебные программы и специальные цели, ставившиеся начальным школам различных ведомств, не являются предметом рассмотрения данной статьи. Отдельную тему представляет собой и начальное образование для представителей многочисленных этноконфессиональных групп, проживавших в том числе в европейской части Российской империи. Остановимся лишь на нескольких примерах, характеризующих пеструю картину начального образования для основной массы населения в великорусских губерниях.

Наиболее многочисленными из предоставлявших свои отчеты государству были школы Министерства государственных имуществ (МГИ), функционировавшие в соответствии с Положением о волостных училищах от 24 декабря 1830 г., а также Уставом 1828 г. на основании решения МГИ от 13 июля 1842 г. В 1854 г. насчитывалось 2565 начальных училищ МГИ с 113 351 учащимся¹. Школы для государственных крестьян функционировали в соответствии с вышеприведенными правилами до 1866 г. Публикации, отражающие особенности статистического учета подчиненных МГИ школ, заставляют скептически относиться к приведенным данным.

25 октября 1828 г. был высочайше утвержден Устав сельских училищ в удельных имениях. Они вверялись особому управлению, содержались за счет уравнильных сборов с крестьян каждого имения и были освобождены от надзора со стороны Министерства народного просвещения. Министерство императорского двора и уделов занималось также организацией обучения детей придворнослужителей и мастеровых, подчинявшихся придворной конторе. По Положению от 24 марта 1852 г. была открыта школа, в которой дети получали не только начальное, но и специальное образование, позволявшее впоследствии занять на придворной службе места своих отцов. Численность учащихся этой школы не превышала нескольких десятков человек.

В ведении Святейшего Синода находились как учебные заведения для детей лиц духовного звания, так и школы для крестьянских детей. В соответствии с Правилами, высочайше утвержденными 26 июня 1808 г., предусматривалось существование духовных приходских, уездных училищ, семинарий и академий. Кроме того, в 1836 г. Святейший Синод принял «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе раскольничьих, детей», и вменил православному приходскому духовенству обязанность обучать детей грамоте.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 19. Л. 117–122.

Заведовало школами и Министерство внутренних дел. Оно открывало училища для детей низших канцелярских служащих в соответствии с Уставом, высочайше утвержденным 16 февраля 1828 г. Военному министерству подчинялись училища в казачьих областях. Деятельность этих школ строилась согласно положениям о казачьих войсках, куда периодически вносились изменения и дополнения. При горных заводах существовали школы, открытые в 20–30-е гг. XIX в. по специальным указам и содержавшиеся в основном на средства владельцев заводов.

Деятельность начальных школ, подчинявшихся Министерству народного просвещения, строилась сообразно с общим Уставом 1828 г.

Итак, для начального образования в России перед началом реформ в этой области были характерны следующие особенности.

1. Принципами функционирования начальных школ в целом были сословность, ведомственность, этноконфессиональные отличия.
2. Нежелание государства принимать на себя обязательства по материальному содержанию школ, независимо от ведомственной принадлежности.
3. Недостаток профессиональных учителей, их низкий социальный и материальный статус при контроле и ограничительных мерах со стороны государства.
4. Особая роль Святейшего Синода в деле начального образования и стремление использовать в качестве учителей представителей духовного сословия в школах всех ведомств.
5. Министерство народного просвещения контролировало лишь небольшую часть существовавших в империи начальных школ.

Теперь рассмотрим, как отдельные особенности отразились на механизме подготовки нового государственного документа, регламентировавшего сферу начального образования.

После освобождения крестьян начальное образование должно было стать доступным независимо от сословной принадлежности, места проживания или вероисповедания. При этом правительство хотело осуществлять всесторонний контроль над всеми школами и по возможности сосредоточить его в руках одного учреждения.

Подготовка к проведению реформы образования началась еще в бытность министром народного просвещения Авраама Сергеевича Норова (1853–1858). При нем был написан первый проект реформирования начальных учебных заведений, опубликованный уже преемником Норова Евграфом Петровичем Ковалевским в 1860 г. В соответствии с «Проектом устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения»

предусматривалось существование всесословной народной школы, которая включала бы в себя заведения трех видов: школы грамотности, а также низшие и высшие народные училища. На Министерство просвещения возлагалась обязанность обеспечения народных школ учебными пособиями. Более детальными в проекте были пункты, касавшиеся высших народных училищ, курс которых был рассчитан на четыре года и включал в себя предметы программы уездных училищ. Контроль учебных программ и подбор учителей в этом случае осуществлялся министерскими чиновниками. Для подготовки профессиональных учителей предполагалось открыть педагогические курсы. Отдельные отзывы на этот проект публиковались в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП)¹.

Министерство народного просвещения не было единственным учреждением, разрабатывавшим проект реформы. В процессе приняли участие практически все ведомства, в той или иной степени имевшие отношение к первоначальному обучению. 3 января 1859 г. министр государственных имуществ Михаил Николаевич Муравьев направил письмо министру просвещения в связи с подготовкой проекта реформирования училищ для государственных крестьян². В действовавших тогда правилах 1842 г. для сельских школ имелось много недостатков, это заставило МГИ еще в 1853 г. составить проекты общего положения о сельских школах и инструкций палатам государственных имуществ и духовному начальству. К началу 1859 г. оба проекта находились на рассмотрении Святейшего Синода.

Между тем после 1853 г. возникло много новых проблем в связи с реформированием системы начального образования, поэтому требовался уже основательный пересмотр не только существующих правил, но и подготовленных проектов. М. Н. Муравьев обратился к министру просвещения с просьбой о назначении представителя министерства в комиссию по составлению нового проекта. В нее, кроме уполномоченного от МГИ, должны были войти чиновники Министерства народного просвещения и духовного ведомства православного исповедания, так как последние участвовали в надзоре за училищами государственных крестьян по положению от 23 ноября 1842 г.

Результатом работы вышеупомянутой комиссии был проект документа о мерах к распространению образования в сельском населении, поступивший в Министерство народного просвещения в июле 1861 г.³

¹ Заметки на проект устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1860. Ч. 109; 1861. Ч. 110.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 19. Л. 1.

³ Там же. Л. 51–57.

Проект плана устройства сельских училищ МГИ не был опубликован и обсуждению не подвергался, но послужил одним из отправных документов для разработки нового общего нормативного акта.

Параллельно с разработкой проекта устройства начальных школ в недрах МГИ шла работа еще двух коллективов: Ученого комитета Министерства народного просвещения и Редакционных комиссий по подготовке Положения о выходе крестьян из крепостной зависимости. В особую комиссию (при Редакционных), занимавшуюся вопросом о сельских школах, были приглашены представители Министерства просвещения. В журналах общего присутствия комиссий для составления сведений о крестьянах за 1 и 7 октября 1860 г. изложено рассмотрение вопроса о сельских школах¹. Особая комиссия признала распространение грамотности одной из существенных мер по улучшению крестьянского быта. Губернские редакционные комитеты должны были разработать предложения по распространению грамотности среди крестьян, тем не менее только в восьми проектах, присланных из губерний, эти меры упоминались.

Отличия документа, подготовленного Редакционными комиссиями, от проекта МГИ были обусловлены спецификой деятельности последнего: будучи государственной структурой, призванной заботиться об устройстве быта государственных крестьян, министерство отдавало предпочтение административным методам. Особая комиссия в составе Редакционных рассматривала перспективы жизни освобождаемых помещичьих крестьян, которые большинство повседневных вопросов должны были решать в органах самоуправления. Степень подготовленности крестьян к этому не оценивалась. Государственные учреждения при этом осуществляли бы только поощрительные меры, уделяя особое внимание неправославному населению.

Проект, подготовленный Ученым комитетом Министерства просвещения в 1861 г., нес на себе отпечаток новых веяний в педагогике. В частности, в нем более отчетливо, чем в проекте 1860 г., звучала мысль о необходимости распространения не столько специальных, характерных для определенной сферы деятельности знаний, что было отличительной чертой ведомственных начальных школ, сколько о подготовке человека с устоявшимися нравственными принципами, способного и имеющего желание самостоятельно расширять в дальнейшем свой кругозор². В проекте Министерства просвещения

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 19. Л. 8–21.

² О главных основаниях Положения для народных школ. Объяснительная записка к проекту Положения о народных училищах // Государственный совет. Департамент законов. Материалы. СПб., 1863.

упор делался не на государственную, а на общественную инициативу при открытии народных школ. Министерству в такой ситуации отводилась роль не столько источника средств, сколько научно-методического центра для народных школ.

Параллельно с разработкой проекта положения о начальных школах в Министерстве просвещения и обсуждением проблемы в Редакционных комиссиях вопросы эти поднимались и в других государственных учреждениях, в частности в Комитете министров. Одним из источников сведений о положении начальных училищ в империи, в котором к тому же был наметен ряд необходимых мер по развитию народного образования, были записки, составленные по результатам сенаторских ревизий, в частности записка сенатора А. Дюгамеля о результатах его ревизии в Олонецкой губернии. Данные, содержащиеся в записке, были разосланы в министерства народного просвещения, государственных имуществ, внутренних дел, а также обер-прокурору Святейшего Синода.

Министр народного просвещения Е. П. Ковалевский предложил в этих условиях создать межведомственный комитет, который должен был разработать общий план устройства всех начальных училищ в империи с тем, чтобы подчинить их в учебном отношении Министерству просвещения, а хозяйственную часть оставить в руках ведомств, которым все эти училища до сих пор подчинялись.

В основу проекта межведомственного комитета легли документы, ранее подготовленные Министерством государственных имуществ, особой комиссией в составе Редакционных и Ученым комитетом Министерства просвещения. При разработке обобщающего текста комитет принимал во внимание статистические данные о количестве школ в различных местностях, соотношении числа учащихся и всего населения губерний. При этом использовались публикации в «Записках Императорского Русского географического общества»¹. На основании этих сведений члены комитета пришли к выводу о недостаточности числа начальных школ и их неудовлетворительном положении и подчеркнули, что «возвысить нравственное и хозяйственное положение народа можно только повсеместным распространением в городском и сельском населении элементарного образования или, по крайней мере, грамотности в тесном смысле»².

¹ *Веселовский К. С.* Заметка о распределении народонаселения в России по возрастам // Записки Императорского Русского географического общества. 1861. Кн. 1. С. 175–179 и др.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 19. Л. 253.

В заключении к объяснительной записке, составленной межведомственным комитетом, было подчеркнуто, что проект составлен в преддверии преимущественного устройства начальных училищ для *христианского* (выделено нами. — *О. К.*) населения империи. «По рассмотрении сего проекта и утверждении его полагалось бы возложить на министерство народного просвещения, по соглашению с надлежащими министерствами, заведующими школами нехристианского населения, войти в Главный Комитет с особым представлением относительно организации означенных школ. Равным образом следует предоставить министерству народного просвещения, по соглашению с министерством внутренних дел, войти с представлением и относительно того, будет ли признано удобным и до какой степени распространить действие настоящего проекта на училища Дерптского округа и Кавказского края, имеющие свои особые положения»¹.

Можно выделить следующие принципы, на которых базировался проект межведомственного комитета.

1. Необязательность обучения для крестьянских детей, но поощрение процесса открытия народных школ со стороны правительства при соблюдении обществами определенных условий.
2. Предоставление возможно большей самостоятельности крестьянским обществам при учреждении школ и управлении ими.
3. Осуществление дворянством просветительской миссии, но необязательность материальной поддержки с его стороны.
4. Свободный доступ к учительской деятельности представителей любых сословий без специальных испытаний, но контроль над их деятельностью со стороны государственных органов.

П. Н. Милюков в своем главном труде, созданном на рубеже XIX и XX вв., подчеркивал, что после школьной реформы Екатерины II общественное образование в России было той силой, которую государство могло употребить для служения своим интересам². Важная роль в системе народного образования при этом закрепилась за духовным ведомством православного исповедания. Эта роль определялась, в соответствии с уставами учебных заведений, необходимостью иметь законоучителей во всех, в том числе светских, школах. Существование православной церкви как государственного института, а православной доктрины как официальной государственной идеологии определяли позицию Синода в процессе разработки и реализации

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 19. Л. 260.

² *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 280.

школьной реформы 60-х гг. XIX в. Параллельно с разработкой нового нормативного документа для народных школ, проходившей под эгидой Министерства народного просвещения, аналогичные вопросы рассматривались и представителями духовного ведомства.

Комиссия Синода, занимавшаяся вопросами реформы начального образования, настаивала на том, чтобы основными учителями в народных школах были священники, в ведении которых находились бы и лица, желающие открыть частные школы. Подчеркивалось, что только исключительное заведование школами со стороны духовного ведомства может гарантировать верное направление преподавания в школах и не допустить губительных последствий распространения грамотности без религиозного воспитания. Назначение особых директоров училищ не со стороны духовного ведомства считалось излишним, поскольку нарушало иерархию, характерную для церковной организации.

Сменивший Е. П. Ковалевского на посту министра просвещения Евфимий Васильевич Путятин во всеподданнейшей записке от 13 ноября 1861 г. констатировал, что мнения межведомственного комитета при Министерстве народного просвещения (в лице Ученого комитета) и Святейшего Синода существенно разнятся между собой во взгляде на устройство учебной части народных школ. Сам Путятин при этом более сочувствовал точке зрения Синода, подчеркивая, что духовенство должно принимать *главное* (выделено нами. — О. К.) участие в народном образовании.

Преемник Е. В. Путаина Александр Васильевич Головнин, который возглавлял Министерство народного просвещения в 1861—1866 гг., вынужден был специально остановиться на проблеме участия духовенства в начальном образовании. Связано это было с убеждением отдельных иерархов православной церкви в том, что Министерство народного просвещения переведет в свое ведение школы, основанные духовенством, и пожнет не принадлежащие ему лавры. Новый министр определил это убеждение как следствие недоразумения, подчеркнув, что министерство ни в коем случае не собирается переводить церковные школы под свое управление.

Здесь необходимо отметить, что А. В. Головнин был представителем новой генерации высших государственных чиновников, многим из которых пришлось участвовать не только в подготовке, но и в реализации реформ 1860—1870-х гг. Служивший после окончания Александровского лицея в Морском министерстве под началом великого князя Константина Николаевича, он был представителем новой, либеральной бюрократии и принес в Министерство народного просвещения во многом революционные для своего времени идеи. Безусловно, Головнин был сторонником светских школ, создаваемых

крестьянами по общественной инициативе. При этом он не отрицал необходимости преподавания такого предмета, как Закон Божий.

Незадолго до принятия окончательного варианта Положения о начальных народных училищах (1864) в Государственном совете специально рассматривался вопрос об учреждении в Петербурге центрального попечительного совета для народных училищ. В этом органе предусматривалось обязательное присутствие представителей духовного ведомства.

В результате борьбы двух направлений в правительственных и общественных кругах по вопросу о роли духовного ведомства в организации начального образования была принята компромиссная модель, зафиксированная в Положении о начальных народных училищах 1864 г. Уже в ходе дискуссии определилась позиция руководства Синода, поддержанная рядом высокопоставленных светских чиновников (например, шефом III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и корпуса жандармов В. А. Долгоруковым). Она заключалась в защите ведомственных интересов, иногда расходившихся с государственными (в их понимании представителями высшей бюрократии). С формальной точки зрения православному духовенству отводилась руководящая роль в народном образовании, так как училищные советы возглавляли именно духовные лица. Но, исходя из специфики училищных советов, представители ведомств, в том числе и духовного, задавали тон их деятельности.

Министерство народного просвещения предполагало, что целесообразно запросить мнения представителей местной администрации для того, чтобы лучше учесть особенности каждого края при открытии народных училищ. Об этом А. В. Головнин, возглавлявший министерство с декабря 1861 г., сообщил в своей записке от 21 января 1862 г. управляющему делами Совета министров Ф. П. Корнилову. В записке подчеркивалось, что начальники губерний могут сообщить весьма полезные соображения, касающиеся устройства учебных заведений, в связи с чем было решено разослать им все три подготовленных в министерстве проекта уставов (университетов, средних учебных заведений и народных училищ)¹.

Министерство просвещения планировало получить отзывы губернаторов не позднее 1 мая 1862 г. для того, чтобы, исправив проекты с учетом высказанных замечаний и предложений, внести их на рассмотрение осенних заседаний Государственного совета. Предполагалось, что это время будет потрачено самим министерством на сбор подробнейших сведений о состоянии учебных заведений. Кроме того, все проекты были опублико-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 19. Л. 266.

ваны и разосланы для получения отзывов от педагогических советов учебных заведений, а также авторитетных в деле народного образования светских и духовных лиц как в России, так и за рубежом.

Полученные отзывы были опубликованы в 1862–1863 гг. в специальных изданиях Министерства просвещения¹. Среди них отсутствуют мнения представителей местной администрации. Со своей стороны педагогические советы учебных заведений и отдельные лица затронули в замечаниях широкий круг проблем, по которым высказывались иногда диаметрально противоположные суждения. Речь шла об обязательности начального образования; о степени участия государства и общества в содержании начальной школы; о том, должно ли народное образование подчиняться светскому или духовному ведомству; о частной и общественной инициативе в открытии школ; о программах обучения.

Зарубежная педагогическая общественность была более заинтересована проектами устройства средних и высших учебных заведений: только в 11 из опубликованных 43 отзывов содержались соображения о перспективах начального образования в России.

Большое влияние на разработку Положения о народных училищах оказали события в Царстве Польском и Западном крае. 18 января 1862 г. в связи с обострением политической ситуации в Царстве Польском последовало высочайшее повеление по докладу А. В. Головнина в Совете министров, в котором содержалось указание управляющему Министерством народного просвещения, не ожидая окончательного составления проекта положения о народных училищах, войти в сношение с министром внутренних дел о неотлагательном устройстве народных училищ в западных губерниях. К процессу подключился Западный комитет.

Министр внутренних дел П. А. Валуев подчеркивал, что быстрое учреждение сельских школ может предотвратить развитие враждебных элементов в Западном крае, но для этого необходимо сформулировать принципы и организационные основы деятельности народных школ. Работа Министерства просвещения по составлению уставов учебных заведений была далека от завершения.

В результате Западный комитет вынес постановление: министру просвещения по соглашению с обер-прокурором Синода, министрами внутренних

¹ Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ: в 6 т. СПб., 1862; Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения. СПб., 1863.

дел и государственных имуществ составить проект временных правил на основе имевшихся в министерстве проектов положения о начальных народных училищах с целью предоставления большего участия в этом деле правительству и православному духовенству и меньшего – помещикам и духовенству латинскому.

По сложившейся практике А. В. Головнин составил вопросник, который направил не только заинтересованным министрам и обер-прокурору Синода, но и попечителям учебных округов. Им предлагалось высказать свое мнение о степени взаимодействия ведомств; о том, насколько допустимо в правилах отражение местных особенностей; о языке обучения; о том, должно ли обучение быть обязательным и платным, а также о возможности обучения детей частными лицами.

После рассмотрения в Министерстве народного просвещения всех отзывов был составлен проект Временных правил для народных школ шести северо-западных губерний (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской). Проект рассматривался на нескольких заседаниях Западного комитета, его члены пришли к выводу, что в каждом приходе указанных губерний должна существовать хотя бы одна церковно-приходская школа, где преподавались бы чтение, письмо, Закон Божий и церковное пение. При этом элементарное образование не могло полностью финансироваться правительством, оно было готово выделить средства в первую очередь только на учебные пособия для народных школ и на оплату труда священников, которые будут в них преподавать. Конкретные источники средств в Западном комитете не были названы. 23 марта 1863 г. Временные правила были высочайше утверждены.

Временные правила для народных школ северо-западных губерний во многом предвосхитили утвержденное 14 июля 1864 г. Положение о начальных народных училищах с поправкой на существование в великорусских губерниях земских учреждений. После рассмотрения в Государственном совете и Комитете министров проекта вышеупомянутого положения, исправленного с учетом отзывов педагогов, и Положения о земских учреждениях он был высочайше утвержден 14 июля 1864 г.

Таким образом, главными рычагами власти в деле реформирования начальной школы стали гласность и привлечение общественности к обсуждению школьных проектов; назначение в высшие государственные органы нового слоя чиновников – представителей либеральной бюрократии; включение в режим преобразований различных государственных учреждений при сохранении особой роли императора, стремящегося соблюсти баланс интересов. При этом следует отметить совершенную пассивность, если

не сказать – безразличие, местной администрации в лице губернаторов, которые, видимо, полностью положились на мнения, сложившиеся в центральных государственных учреждениях. Среди последних немаловажную роль сыграли Святейший Синод, Министерство внутренних дел и Западный комитет в связи с обострением обстановки на западе Российской империи еще до восстания в Царстве Польском в 1863 г. Происходившие там события привели к ситуационному реагированию со стороны верховной власти, и некоторые пункты Правил, касающиеся северо-западных губерний 1862 г., разработанные для чрезвычайных обстоятельств, вошли в текст Положения, действие которого распространялось на территории Московского, Казанского, Харьковского, Одесского учебного округов, а также на Санкт-Петербургский (без Витебской и Могилевской губерний) и Черниговскую и Полтавскую губернии Киевского учебного округа¹. В целом в содержании Положения о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г. прослеживались учет ведомственного опыта и интересов, а также связь с другими реформами (в частности земской), представлявшимися зачастую в виде идеальных моделей.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. № 41068.

Т. И. Ерёмина

Законодательная регламентация «учебной службы» в период реформ Александра II

Образовательная реформа была составной частью реформирования социально-экономической и политической жизни России в период царствования Александра II. Она затронула практически все ее уровни: начальное, среднее и высшее образование. Принятые в этот период Университетский устав 18 июня 1863 г., Положение о народных училищах 14 июля 1864 г., Устав гимназий и прогимназий 19 ноября 1864 г. способствовали дальнейшему законодательному оформлению и правовому регулированию «учебной службы» и статуса государственных гражданских служащих учебных заведений.

Ключевые слова: «учебная служба», университет, профессор.

Tatiana I. Eremina

Legislative regulation of the “educational service” during the reforms of Alexander II

The educational reform was an integral part of the reform of the socio-economic and political life of Russia during the reign of Alexander II.

Ерёмина Татьяна Ивановна (Санкт-Петербург) – Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», доцент кафедры теории права и гуманитарных дисциплин; кандидат юридических наук, кандидат исторических наук.

Tatiana I. Eremina – V. B. Bobkov Branch of Russian Customs Academy, Department of Theory of Law and Humanities, Associate Professor; Ph.D. (Law), Ph.D. (History).

tativer@list.ru

© Т. И. Ерёмина, 2019

It affected almost all levels of education: primary, secondary and higher. Adopted in this period, the University Charter June 18, 1863, the Statute on public schools July 14, 1864, Charter schools and schools 19 November 1864 promoted further legislative design and legal regulation “academic educational service” and the status of state civil servants training institutions.

Keywords: educational service, University, Professor.

В XIX в. в России продолжалось активное развитие института государственной службы, обособление статуса государственных гражданских служащих относительно других социальных групп¹. Одним из проявлений этого процесса стало законодательное оформление правового положения преподавателей российских университетов как государственных гражданских служащих. В нормативных правовых актах об университетах, а затем и в законодательстве о государственной гражданской службе оформился ряд положений о государственной службе в учебном ведомстве, в частности университетах. Правовая регламентация статуса университетских преподавателей как государственных гражданских служащих способствовала оформлению и развитию законодательного института «учебной службы» – особой разновидности государственной гражданской службы. В рамках настоящей статьи рассматриваются аспекты законодательных изменений в регламентации учебной службы преподавателей университетов в период осуществления образовательной реформы императора Александра II.

В соответствии с университетским уставом 1863 г. преподаватели университетов могли занимать должности профессоров (ординарных и экстраординарных), доцентов, приват-доцентов и лекторов (должность адъюнкта была отменена). Должности приват-доцентов, допускавшие чтение лекций преподавателями, существовали «за штатом» (вне штатного расписания). Для получения звания доцента кандидат должен был иметь степень магистра, приват-доцентами могли стать кандидаты, защитившие диссертацию по тому отделению факультета, в котором они намеревались преподавать. На должность профессора могли претендовать лица, имевшие степень доктора по разряду наук, соответствующих его кафедре. Избранные советом университета профессора утверждались министром народного просвещения², доценты и лекторы – попечителем учебного округа.

¹ *Шободоева А. В.* Государственная гражданская служба России: историко-правовые и морально-нравственные аспекты. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 41.

² В проекте нового устава Санкт-Петербургского университета, составленном попечителем Санкт-Петербургского учебного округа князем Г. А. Щербатовым

Порядок присуждения ученых степеней в 1860-е гг. определялся на основе принятого 4 января 1864 г. «Положения об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени». Для соискателей ученой степени доктора были отменены экзамены. Присвоение степеней осуществлялось без утверждения министра народного просвещения. В соответствии с уставом 1863 г. (ст. 113а)¹ совет университета имел право производить в степень почетного доктора известных ученых без представления их диссертаций. На основе Положения университеты имели право возводить в ученые степени по 39 разрядам наук². Лица, происходящие из податного состояния, после присвоения им ученых степеней пользовались правами личного или потомственного почетного гражданина даже в том случае, если они не поступали на государственную службу на основании п. 1 ст. 577 и п. 1 ст. 583 Законов о состояниях (изд. 1857 г.)³.

Утверждение в должности и увольнение преподавателей университетов осуществлялось Министерством народного просвещения. Некоторые исследователи усматривают в этом одно из проявлений половинчатости образовательной реформы в целом в контексте либеральных реформ 60-х гг. XIX в.⁴ Но следует помнить о том, что в соответствии с законодательством

и профессором К. Д. Кавелиным в 1858 г., были представлены положения о повышении статуса профессоров (в частности, министр народного просвещения лишался правомочия назначать кого-либо на профессорские должности по своему усмотрению). Проект обсуждался в Санкт-Петербургском, Московском и Киевском университетах, но ни университетские советы, ни министерство не поддержали его. См.: Университетская реформа 1863 года в России / сост. и авт. вступ. ст. В. А. Томсинов. М., 2012. С. LXVIII, LXIX.

¹ 18 июня 1863 г. император Александр II Именным указом, данным Правительствующему Сенату, утвердил новый Общий устав императорских российских университетов. См.: Общий устав Императорских Российских университетов. 18 июня 1863 // ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39752.

² Термин «разряд науки» был впервые зафиксирован в данном Положении. Ранее производство в ученые степени осуществлялось по названиям отделений университетов, затем – по «классам наук» и по «разрядам». См.: Кононова С. В., Якушев А. Н. Развитие разрядов наук в университетах Российской империи // Высшее образование в России. 2010. № 4. С. 130.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1863. № 39752. Ст. 144.

⁴ Панова Л. Н. Исторический смысл буржуазных реформ Александра II в свете современного опыта // Образование и наука в современных условиях. 2016. № 2-1 (7). С. 5.

Российской империи университетские преподаватели определялись как государственные гражданские служащие, что, с одной стороны, подчеркивало статусное положение университетского преподавательского корпуса, а с другой — было неизбежным и закономерным.

«Учебная служба» преподавателей университетов предусматривала исполнение ими определенных обязанностей, установленных нормами университетского законодательства. В соответствии с положениями устава 1863 г. штатные преподаватели университетов могли иметь для преподавания своего предмета столько часов, «сколько на основании представленных ими соображений и по рассмотрении всех обстоятельств назначит им факультет, с утверждения совета». Требования по качественным характеристикам учебной деятельности преподавателей в уставе отсутствовали. В обязанности профессорско-преподавательского состава университетов входило: представление отчета о своем преподавании факультетским собраниям, исполнение поручений факультета и совета, участие в «испытаниях кандидатов на разные учительские места, также домашних учителей и учительниц» (§ 82 устава). Обязанности приват-доцентов¹ определялись добровольным соглашением с факультетскими собраниями, которое утверждалось попечителем округа.

Одно из главных требований к основной служебной обязанности преподавателей университетов — проведению соответствующих учебных занятий со студентами — со стороны Министерства народного просвещения заключалось в своевременности и обязательности их проведения. Даже небольшое число студентов на лекции (особенно в начале и перед окончанием учебных занятий) не должно было служить причиной отмены лекций со стороны профессоров и преподавателей. Высшие учебные заведения обязаны были представлять в министерство полугодовые ведомости (не позже 1 января и 1 июля) о пропущенных преподавательским составом часах учебных занятий. Следует заметить, что ведомости эти, по замечанию министерства, представлялись несвоевременно или не представлялись вовсе. Пропущенные часы занятий подлежали регистрации по рубрикам: болезнь и семейные обстоятельства; командировки и отпуска; служебные обязанности по учебному заведению; неотложные занятия вне учебного заведения (например, экспертизы по приглашению суда, исполнение обязанностей присяжного заседателя). Пропущенные занятия представлялись по каждому предмету и по каждому преподавателю. Восстановительными мерами по нарушенной значительными пропусками «правильности учебных занятий» были назначение дополнительных неоплачиваемых лекций преподавателю в следующем

¹ Приват-доценты университетов не числились на государственной службе.

полугодии; привлечение к чтению лекций приват-доцентов за особое вознаграждение из средств учебного заведения; организация, в случае необходимости, параллельных курсов и др.¹

Для служебной карьеры преподавателей университетов немаловажное значение имели государственные награды. О награждении отличившихся преподавателей ректор университета по уставу 1863 г. ходатайствовал через попечителя. Обладание орденами было нередким явлением в профессорско-преподавательской среде. В послужных списках профессоров университетов, помимо орденов Святого Владимира и Святой Анны (различных степеней), представлены такие формы наград, как награждение бриллиантовым перстнем от императора, пожалование императором денежных сумм (в том числе и на издание своих трудов)².

Карьерный рост представителей профессорской корпорации не исключал возможности стать членом Государственного совета. Участие в выборах членов Государственного совета трактовалось академическим сообществом как право, имеющее политическое значение. Императорская Академия наук и каждый императорский университет избирали по три выборщика. На заседании Советов университетов при избрании выборщиков, по уточнению Правительствующего Сената, могли присутствовать только профессора, имеющие русское подданство. Съезд выборщиков собирался в Санкт-Петербурге (дату съезда определяло Министерство народного просвещения) и выбирал из своих представителей шесть членов Государственного совета закрытым голосованием. Лица, не достигшие сорокалетнего возраста, не могли баллотироваться в члены Государственного совета. Избранными считались получившие более половины голосов в порядке их большинства. Членами Государственного совета от академической курии были профессор Казанского университета Н. П. Загоскин, профессор Санкт-Петербургского университета Д. Д. Гримм и др.³

Увольнение со службы по желанию профессоров и преподавателей университетов по уставу 1863 г. начиналось с подачи соответствующей просьбы ректору университета, который выносил этот вопрос на совет университета. После завершения и сдачи всех порученных дел преподаватели увольнялись «тем же порядком, каким определялись на должность». Решения совета по вопросам увольнения университетских преподавателей вступали в силу

¹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 16, ч. 1. СПб., 1907. Стб. 385–388.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 205. Л. 10об., 32, 35–36, 40, 65.

³ Там же. Оп. 155. Д. 246. Л. 27, 63.

только после утверждения их попечителем. Прекращение преподавательской деятельности приват-доцентом, подавшим заявление об увольнении, производилось по решению ректора.

Университетский устав 1863 г. вновь увеличил оклады содержания профессорско-преподавательского корпуса. Ординарный профессор получал 3000 руб., экстраординарный — 2000 руб., штатный доцент — 1200 руб., лектор — 1000 руб. в год¹. Административные должности предусматривали доплату для ректора — 1500 руб., для декана факультета — 600 руб. в год. Приват-доцентам не полагалось содержания «по штату», но советы университетов могли по представлению факультетов выдавать им «соразмерное их трудам вознаграждение» из специальных средств университета (§ 74 устава). Устав предусматривал дополнительные надбавки к содержанию профессорско-преподавательского корпуса из специальных средств университетов.

По общему правилу занятие должности на государственной гражданской службе было «поставлено в зависимость от имеющегося у служащего чина», но в некоторых ведомствах допускалось как «назначение на должности лиц независимо от их чинов», так и награждение более высшими чинами, минуя низшие (для оканчивающих курс наук в высших учебных заведениях, а также для лиц, занимающих должности по ученой и учебной части)². Это распространялось и на учебную службу профессорско-преподавательского состава университетов. В первую очередь кандидаты на эти должности должны были подтвердить соответствие требованиям определенной научной квалификации.

В 1845 г. был повышен класс чина, необходимого для получения потомственного дворянства, с VIII (чин коллежского асессора) до V (чин статского советника)³, а в 1856 г. — до IV (чин действительного статского советника)⁴. При подготовке нового университетского устава 1863 г. это обстоятельство (немаловажное для разночинного в большинстве своем состава

¹ В среднем оклады в системе высшей школы возросли в два раза. В эти суммы входили полагавшиеся всем представителям профессорско-преподавательского корпуса квартирные и столовые «добавки», без которых оклады профессоров мало бы отличались от окладов директоров и инспекторов гимназий, а оклад доцента — от оклада учителя. При этом жалованье доцентов было ниже, чем у старших учителей гимназий (*Перфилова Т. Б.* «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов Императорских университетов: монография. Ярославль, 2014. С. 225).

² *Евреинов В. А.* Гражданское чиновничество в России. СПб., 1887. С. 60.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 20, ч. 1. СПб., 1846. № 19086.

⁴ Там же. Т. 31, ч. 1. СПб., 1857. № 31236.

профессорско-преподавательского корпуса университетов), очевидно, было учтено¹. Общий устав императорских российских университетов 1863 г. (§ 137) повысил чины служащих в университетах профессоров, доцентов, прозекторов, лекторов «двумя чинами выше присвоенного их должностям класса», что сократило «дистанцию» для достижения чина, необходимого для получения потомственного дворянства. Ординарный профессор теперь производился в чин V класса (статский советник), экстраординарный профессор – VI класса (коллежский советник), доцент – VII класса (надворный советник), лектор – VIII класса (коллежский асессор).

Помимо специальных правил чинопроизводства для профессоров и преподавателей как лиц, находящихся на гражданской службе, был установлен порядок замещения должностей и присвоения ученых степеней². Институт присуждения ученых степеней был одним из инструментов правового регулирования службы в высших учебных заведениях. Наличие двух систем: чинопроизводства и присуждения ученых степеней как регуляторов служебной деятельности преподавателей – было специфической особенностью гражданской службы в университетах Российской империи. При этом научные достижения преподавателей университетов могли и не иметь особого значения для карьерного служебного роста.

Тем не менее в Министерство народного просвещения регулярно поступали ходатайства от попечителей учебных округов о командировании преподавателей университетов с научной целью за границу и внутри империи. В большинстве случаев ходатайства эти удовлетворялись с выделением необходимых средств из казны. Но министерство и этот процесс попыталось отрегулировать в интересах академического преподавания. Специальным министерским циркуляром было рекомендовано срок научных командировок профессорско-преподавательского состава университетов ограничить каникулярным временем. Соответствующие распоряжения должны были издать попечители учебных округов³. На время научных поездок за счет личных денег профессорам сохранялось жалованье.

¹ На это обстоятельство обращает внимание Е. В. Соболева в своей книге «Организация науки в пореформенной России» (Л., 1983. С. 66).

² Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153; Якушев А. Н., Климов А. Ю. Исследование развития законодательства в сфере присуждения ученых степеней в Российской империи // Право и образование. 2006. № 2. С. 208–217.

³ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Стб. 153–154.

Получение чинов и наград преподавателями университетов зависело от учебного начальства. Пассивное исполнение начальственных предписаний было гарантией продвижения по иерархической служебной лестнице. Независимость и самостоятельность суждений могла доставить неприятности по службе. Приверженность правительственному курсу (как служебная обязанность) преподавателей для властных кругов была важнее их научных достоинств. С помощью своих рычагов воздействия (в том числе правовой регламентации служебной деятельности) правительство пыталось формировать верноподданнейших чиновников – специалистов высшей школы. В то же время, как отмечает А. Е. Иванов, чиновничий статус понуждал российскую профессуру постоянно поступаться «своим оппозиционным пылом» не только из-за казенного жалованья (его размер вызывал стойкое недовольство в академической среде), но и из-за возможности заниматься наукой и преподаванием в казенных учреждениях – государственных высших учебных заведениях¹.

По общему правилу приобретенные на службе чины и связанные с ними права сохранялись у гражданского служащего и после его выхода в отставку или увольнения со службы. При увольнении со службы гражданские чиновники награждались производством в следующие чины по правилам ст. 792 «Устава о службе по определению от правительства», но на служащих университетов эти правила не распространялись. Преподаватели университетов, имеющие ученые степени, при отставке получали следующие гражданские чины только в том случае, если они выслужили полное число лет, «определенное на сие для состоящих в действительной службе». Никто из служащих не мог быть лишен классных чинов, приобретенных на службе, кроме как по судебному приговору «на усмотрение Императорского Величества»².

Устав 1863 г. восстановил институт университетского суда. К его подсудности были отнесены дела о нарушении студентами правил внутреннего распорядка и конфликты между студентами и преподавателями. На основе положений устава университетский совет ежегодно избирал трех судей университетского суда из числа профессоров и трех кандидатов в судьи (на случай болезни или отсутствия членов суда). Избранные кандидатуры утверждались попечителем учебного округа. Как минимум один из судей и один из кандидатов представляли юридический факультет, должны были иметь

¹ *Иванов А. Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX в.: общественно-политический облик // История СССР. 1990. № 5. С. 62.

² Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 3. Стб. 518, 519.

юридическое образование и знать российские законы. Председателем суда мог стать только профессор с юридическим образованием, а если таковых было избрано несколько – тот, кто получил больше голосов. Один из судей по предложению председателя исполнял обязанности секретаря.

Университетский суд занимался рассмотрением не только внутри-университетских, но и внеуниверситетских проступков студентов¹. Тем не менее из общих положений устава об университетском суде, как отмечалось его современниками-юристами, нельзя было «составить точного понятия о характере этого суда, об объеме его юрисдикции в связи с прочими университетскими учреждениями и о точных и определенных границах его в столкновениях с общим уголовным судом...»². Компетенция университетского суда конкретизировалась в Правилах о производстве дел в университетских судах, которые разрабатывались в каждом университете, утверждались попечителем учебного округа и отличались в некоторых положениях, в частности по перечню наказаний и взысканий, которым подвергались студенты за нарушение правил³. Правила восполняли отсутствие в уставе 1863 г. положений о правах университетских судов. Резко сократившийся в уставе объем положений, регламентирующих деятельность университетских судов, по сравнению с уставом 1804 г. свидетельствовал о том, что законодатель не считал осуществление судебных функций приоритетным направлением деятельности университетов.

Особой привилегией гражданской службы было предоставление служащим права на отпуск. Университетскими уставами XIX в. определялись сроки и порядок предоставления отпусков преподавателям. По университетскому уставу 1804 г. решение об отпуске преподавателей (не более чем на 28 дней) принимал коллегиальный орган – университетский совет. В период усиления властных полномочий попечителя на основании университетского устава 1835 г. (ст. 53) вопрос о предоставлении не превышающего 28 дней отпуска профессорам решал уже единолично попечитель. Общий университетский устав 1863 г. сохранил этот принцип в решении вопроса об отпусках для профессоров (на срок до 29 дней), но на более низком уровне – на уровне

¹ См.: Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. Стб. 234.

² *Космачев Ф.* Университетский суд // Журнал Министерства юстиции. 1863. Т. 17, № 7. С. 218.

³ Правила и инструкции, составленные советами университетов: Санкт-Петербургского, Харьковского, Казанского и Святого Владимира на основании университетского устава 1863 года. СПб., 1863.

ректора. Разрешение попечителя требовалось только на предоставление более длительных отпусков.

Пенсионное обеспечение в Российской империи было привилегией исключительно государственных служащих (как военных, так и гражданских). В отношении профессоров императорских университетов как государственных служащих правительственных учреждений вопросы пенсионного обеспечения разрешались с момента возникновения российских университетов в начале XIX в. В университетский устав 1863 г. был включен особый раздел о пенсиях и пособиях за службу в университетах, содержащий в части, касающейся пенсионного обеспечения профессоров, отсылочные нормы (ст. 145–147) к соответствующим статьям устава о пенсиях и единовременных пособиях, что, в свою очередь, свидетельствовало об интеграции пенсионных положений университетского законодательства и законодательства о государственном пенсионном обеспечении лиц, находящихся на государственной службе. В отношении появившейся в этот период новой должности университетской службы – доцента – Высочайшим именованным указом 1864 г. было определено, что назначение пенсий и единовременных пособий для таковых осуществляется по окладам жалованья бывших адъюнктов¹. В этом же году другим именованным указом на лиц учебной службы, выходящих в отставку по болезни, были распространены сокращенные сроки назначения пенсий, что было до этого привилегией гражданских чиновников других ведомств².

Привилегии и льготы преподавателей университетов подтверждали специфический характер службы в учебном ведомстве как службы «особого рода», обуславливающей их необходимость. Учебная служба в системе народного просвещения имела как общие черты, присущие государственной гражданской службе Российской империи в целом, так и ряд особенностей (как исключения из общих правил), которые были обусловлены прежде всего социальным значением такой государственной функции, как организация образования и народного просвещения, и оценкой государственной властью роли служащих учебного ведомства в реализации этой функции.

Развивающееся российское университетское законодательство в 60-е гг. XIX в. способствовало формированию основных элементов правового статуса преподавательского состава университетов, юридическому оформлению их статусных характеристик в единой системе гражданской службы со своими особенностями и исключениями из общих правил.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39, ч. 1. СПб., 1867. № 41040.

² Там же. № 41047.

Н. Г. Патрушева

Цензурная реформа и контрреформа в России (1860–1880-е гг.)

В отечественной историографии цензурной реформой принято называть Временные правила о печати от 6 апреля 1865 г., положившие начало переходу от предварительной цензуры к карательной с привлечением виновных к судебной ответственности. Новый устав так и не был создан, а серия законов, принятых в конце 1860-х – начале 1880-х гг., ставшая контрреформой, уничтожила суть новых Временных правил: дела о печати были изъяты из ведения суда и переданы на усмотрение административных органов.

Ключевые слова: история внутренней политики России, история российского законодательства, история цензуры, история печати, реформы, контрреформы, Александр II.

Natalya G. Patrusheva

Censorship reform and counter-reform in Russia (1860–1880s)

In Russian historiography censorship reform, called Temporary regulations on the press on April 6, 1865, which initiated the transition

Патрушева Наталья Генриховна (Санкт-Петербург) – ФГБУ «Российская национальная библиотека», отдел редких книг, заведующая сектором книговедения; доктор исторических наук.

Natalya G. Patrusheva – National Library of Russia, Rare Books Department, Head of Bibliology Sector; Dr. (History).

patrusheva@nlr.ru

© Н. Г. Патрушева, 2019

from preliminary censorship to the punitive liability on the court. The new charter was never created, and a series of laws adopted in the late 1860s and early 1880s, which was a counter-reform, destroyed the essence of the new Provisional rules – the press cases were removed from the jurisdiction of the court and transferred to the administration.

Keywords: history of Russian domestic politics, history of Russian legislation, history of censorship, history of the press, reforms, counter-reforms, Alexander II.

После поражения в Крымской войне, в условиях общественно-политического и экономического кризиса, российское правительство вынуждено было приступить к подготовке реформ. Управление печатью занимало одно из важных мест во внутренней политике. Являясь единственно возможным средством для выражения общественного мнения в стране, где отсутствовали легальные политические партии и парламентские учреждения, печать, завоевывая право на участие в обсуждении важнейших проблем, приобретала все больший вес в обществе. Юридически печать подчинялась уставу о цензуре 1828 г., закрепившему систему предварительной цензуры: сочинения рассматривались в рукописи, ответственность за их содержание после выхода в свет нес цензор. Россия в это время оставалась одной из немногих европейских стран, использовавших предварительную цензуру¹. Александр II, подозрительно относившийся к писателям, видевший опасность в развитии печати и обличительной литературы, осознал необходимость пойти на уступки в области цензурного контроля: «эпоху цензурного террора» сменил период относительной или «регулируемой» гласности. Хотя власть провозгласила независимость государственной системы от общественного мнения, она была вынуждена все больше с ним считаться. Правительству необходимо было опираться на него и черпать информацию. Видя несостоятельность существующей системы и попыток приспособить ее к новым условиям с помощью циркуляров и инструкций, правящие круги вынуждены были поставить вопрос о реформе, которая должна была изменить основной принцип системы: перейти от цензуры предварительной к более прогрессивной – цензуре карательной, при которой издание проходило контроль после напечатания, но до его обнародования.

¹ *Чернуха В. Г.* Цензура в Европе и России // *Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр.* СПб.: РНБ, 2001. Вып. 1. С. 8–14; *Блохин В. Ф.* Все-видящим ли было «цензурное око» государево? Система государственного управления, цензура и проблема становления гражданского общества в России // *Гражданогенез в России.* Брянск: Курсив, 2009. Кн. 1. С. 97.

После работы нескольких комиссий над проектом устава о цензуре и серии преобразований цензурного управления 6 апреля 1865 г. Александр II утвердил в качестве Временных правил закон «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати»¹.

Наряду с предварительной цензурой, функции которой определялись по-прежнему уставом о цензуре 1828 г. и Временными правилами по цензуре от 12 мая 1862 г., для ряда изданий вводилась карательная цензура. От предварительной цензуры в Петербурге и Москве были освобождены периодические издания, получившие разрешение министра внутренних дел, оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов и переводы объемом не менее 20, повсеместно – научные издания, а также чертежи, планы и карты. Освобожденные издания должны были доставляться в цензурное учреждение после их отпечатания, но за несколько дней до предполагаемого выпуска в свет. Цензуре предоставлялось право просматривать книги три дня, а ежемесячные журналы – два, затем или разрешать их выпуск, или задерживать издание и возбуждать против него судебное преследование. Ежедневные и еженедельные газеты и журналы должны были доставляться в цензурные комитеты одновременно с печатью тиража. Власти оставили за собой право немедленно останавливать выпуск в свет сочинения и начинать судебное преследование.

Дела о «преступлениях» печати разбирались судом первой ступени в особых присутствиях уголовной палаты в Петербурге и Москве и поступали на апелляцию в Сенат. Министр внутренних дел имел также право делать периодическим изданиям предостережения с указанием статей, подавших к этому повод. По третьему предостережению выпуск издания приостанавливался не более чем на шесть месяцев. Для изданий, освобожденных от предварительной цензуры, был установлен залог в размере 2500 руб., а для ежедневных или выходящих не менее шести раз в неделю газет – 5000 руб. Чтобы открыть в обеих столицах типографию, литографию, книжный магазин или кабинет для чтения, необходимо было получить разрешение генерал-губернатора. Иностранная и духовная цензура в своих действиях руководствовалась цензурным уставом 1828 г. и более поздними постановлениями. Частное книгоиздание и периодическая печать в провинции по-прежнему подчинялись правилам о предварительной цензуре. Надзор за печатью и книжной торговлей на местах осуществляло губернское начальство. Губернатор давал разрешение на открытие типографий и литографий, надзор за которыми осуществляли назначенные им чиновники особых поручений.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 40. № 41988, 41990.

Первые же судебные процессы по делам печати показали, что обновленное судопроизводство не отвечает интересам власти, которая не привыкла подчиняться законам. Прокурор мог поддерживать обвинение перед судом против автора или издателя только в том случае, если публикация определенного произведения нарушала какую-либо статью законодательства. Часто в ходе судебного процесса судебное преследование прекращалось за недостаточностью оснований, а иногда дело заканчивалось даже оправданием обвиняемых. Министра внутренних дел П. А. Валуева, в чьем ведении находилась цензура, не устраивала независимость суда от администрации, и он призывал судебные органы оказывать содействие в сдерживании стремлений литературы к независимости. В записке императору «О положении дел печати» (8 февраля 1868 г.) Валуев подчеркивал, что пресса стремится к ответственности по суду, так как она научилась объясняться с читателями при помощи «оговорок или недоговорок», а суд «не имеет права догадываться»¹. В отчете Главного управления по делам печати за 1868–1870 гг. подчеркивалось, что бесполезно применять судебное преследование, пока «суды не поймут, что они также учреждения правительственные, а потому в делах печати, возбужденных правительством, должны быть с ним солидарны, то есть при полном беспристрастии разделять его взгляды на смысл и применение законов»².

Новые законы стали применяться крайне односторонне. Цензоры пытались использовать имевшийся арсенал административных рычагов давления и взысканий, не прибегая к суду. Так, И. В. Оржиховский писал, что после введения Временных правил «русская литература и периодическая печать стали не намного свободнее: они по-прежнему зависели не столько от действовавшего законодательства, сколько от „усмотрения“ цензурных органов и произвола администрации»³.

Несмотря на всю ограниченность реформы, процесс ее «свертывания» начался уже в следующем, 1866 году. Был принят ряд законов, сужавших пределы гласности и расширявших возможности экономического воздействия на печать. А самое главное, дела по печати постепенно были изъяты из ведения судов. 12 декабря 1866 г. Александр II утвердил мнение Государственного

¹ О попытках П. А. Валуева договориться о согласованности действий с Министерством юстиции см.: *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л.: Наука, 1989. С. 46, 71–78.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 5. Л. 36.

³ *Оржиховский И. В.* Русское правительство и печать во второй половине 60-х гг. XIX в. // *Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII–XIX вв.: межвузовский сборник.* Горький, 1978. С. 72.

совета, по которому дела о преступлениях печати передавались из ведения окружных судов на рассмотрение судебной палаты и Сената, — таким образом, преступления по делам печати исключались из общей системы судопроизводства и не подлежали рассмотрению суда присяжных¹. Утвержденным мнением Государственного совета от 7 июня 1872 г. министру внутренних дел предоставлялось право запрещать выход в свет «особенно вредных» книг или журналов, изданных без предварительной цензуры. Эти дела были переданы из ведения судебных палат в ведение Комитета министров. Возбуждение судебного преследования становилось необязательным². К этому времени не были решены дела о 36 книгах. Благодаря новому закону 34 из них были запрещены, в том числе второй том собрания сочинений А. Карреля (1866); «Сборник рассказов в прозе и стихах» (1871); «История февральской революции 1848 г.» Луи Блана (1872) и др. В 1873 г. были уничтожены «История американских соединенных штатов» К. Ф. Неймана (1873), «История революции 18 марта» П. Ланжале и П. Коррье (1873), «Артели на Руси» В. Ю. Скалона (1873), «Женское дело в Европе и Америке» И. Алферьева (1873), роман М. А. Филиппова «Скорбящие» (1873) и др. Закон 7 июня 1872 г. сразу же начал широко применяться на практике, а судебные процессы почти прекратились. В отчете Главного управления по делам печати за 1876 г. отмечалось, что «закон 1872 года дал полную возможность цензурному ведомству положить предел появлению в... непериодической печати сочинений, или ублажавших грубые вкусы толпы циничностью своего содержания, или поджигавших молодежь искусственными картинками инога, якобы лучшего государственного строя, иных общественных отношений»³.

В. Ф. Блохин подчеркнул, что прежний судебный порядок по этому закону не отменялся, и предполагалось, что обращение в Комитет министров будет происходить лишь в тех случаях, когда потребуются «решительные, безотлагательные меры к преграждению распространения разрушительных учений». Однако с этого времени судебное преследование «проступков печати» (за исключением клеветы и диффамации) совершенно прекратилось, а рамки случаев, когда Комитет министров выдавал разрешения на уничтожение книг и номеров журналов, значительно расширились⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. № 43978.

² Там же. Т. 47. № 50958.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 11—1877. Д. 1. Л. 350об.

⁴ Блохин В. Ф. Провинция газетная: государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830—1870-е гг.). Брянск: Курсив, 2009. С. 46—47.

27 августа 1882 г. были приняты очередные Временные правила о периодической печати¹. Новый закон состоял из трех пунктов. Согласно первому издания (выходившие не реже одного раза в неделю), возобновленные после временной приостановки, должны были каждый номер представлять в цензурный комитет накануне дня выхода в свет, не позднее 23 часов, хотя они и считались освобожденными от предварительной цензуры. Цензурному комитету разрешалось приостанавливать выпуск этих изданий без возбуждения судебного преследования. Срок действия наказания устанавливал министр внутренних дел. Таким образом, после приостановки газеты как бы вновь подчинялись предварительной цензуре, да еще ставились в тяжелые условия, так как после 23 часов никакие материалы уже не попадали в номер и издание теряло оперативность в освещении событий. Согласно второму редакции газет и журналов, выходящих без предварительной цензуры, обязаны были сообщать по требованию министра внутренних дел фамилии авторов анонимных или подписанных псевдонимами статей. И согласно третьему вопрос о совершенном прекращении или приостановке периодических изданий решала Верховная комиссия по печати, в которую входили министры внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Святейшего Синода при участии руководителя ведомства, по инициативе которого рассматривался данный вопрос. Так называемое Совещание четырех министров имело право лишить редактора и издателя возможности когда-либо в будущем редактировать или издавать другое периодическое издание. Таким образом, наказание, которое раньше мог наложить только суд, причем на срок не свыше пяти лет, было переведено в разряд административных взысканий. Закон распространялся на все периодические издания, в том числе и на арендуемые у владельцев частных и учебных заведений, и тут же получил широкое применение². В записке для комиссии по изменению штатов цензурного ведомства (1896–1898) указывалось, что эти Временные правила были призваны «восполнить существующий в цензурном законодательстве 1865 г. недостаток административных мер воздействия на прессу»³. Совещание четырех министров запре-

¹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 2. № 1072. О подготовке закона см. подробнее: *Патрушева Н. Г.* Законодательство о печати // Книга в России, 1881–1895 / под ред. И. И. Фроловой. СПб.: РНБ, 1997. С. 32–40.

² См.: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. С. 280–298; *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. С. 43–52.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 21 (1897). Д. 102. Л. 16.

тило 17 изданий: «Московский телеграф» (1883), «Отечественные записки» (1884), «Светоч» (1885), «Дрозба» (1885), «Здоровье» (1885), «Заря» (1886), «Сибирская газета» (1889), «Квали» (1890), «Русская жизнь» (1895), «Новое слово» (1897), «Ардзаганг» (1898), «Начало» (1899), «Русский труд» (1899), «Северный курьер» (1900), «Жизнь» (1901), «Россия» (1902), «Русская земля» (1904)¹.

Таким образом, в 1882 г. правительство завершило контрреформу: в законодательном порядке была уничтожена суть правил 1865 г. – судебная ответственность за нарушение закона. В дальнейшем, несмотря на неоднократные попытки упорядочить цензурное законодательство и осуществить переход к карательной системе, новый цензурный устав так и не был разработан. В таком виде цензурные законы просуществовали вплоть до 1905 г.²

В исследовательской литературе цензурную реформу принято считать самой ограниченной в ряду реформ 1860–1870-х гг. Ее оценивали по-разному: от «крепостнической» (в советское время)³ до признания «шагом вперед» в истории цензурного законодательства в 1990–2000-е гг.⁴ Отметим, что новые правила о цензуре сразу после появления были раскритикованы в периодической печати разных идеологических направлений, но важно, что эта критика стала возможной именно благодаря проведенной реформе. Характерно, что публицист М. А. Антонович в известной статье «Надежды и опасения» писал, что цензурная реформа освободила «часть прессы от крепостной цензурной зависимости в такой мере, в какой освободило крепостных кре-

¹ См.: Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: справочное издание / сост. Н. Г. Патрушева, ред. М. А. Бенина. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 53–56.

² Патрушева Н. Г. Цензурная реформа в России 1865 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1990; Патрушева Н. Г. Цензура и печать в России в конце 1860-х – начале 1880-х гг.: (история цензурной контрреформы) // Solanus. New Series. 1997. Vol. 11. P. 63–89.

³ Герасимова Ю. И. Правительственная политика Александра II в области печати в годы первой революционной ситуации (конец 1850-х – начало 1860-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974.

⁴ См., например: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века: учеб. пособие. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2000; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. М.: Аспект пресс, 2001; Горбачев И. Г., Печников В. Н. Институт цензуры в Российском законодательстве XVI–XIX веков: историко-правовое исследование. Казань: Универсум, 2010.

стьян Положение 19 февраля»¹, тем самым подчеркивая недостатки и других реформ.

Наиболее полно оценку реформы дала В. Г. Чернуха, один из ведущих специалистов в области истории внутренней политики и печати. Она утверждала, что «цензурная политика была одной из самых консервативных сторон политического курса в целом»². Цензурную реформу она называла наиболее консервативной, а наиболее радикальной – судебную.

Подчеркнем, что цензурная реформа была завоеванием общественного движения 1860-х гг. и отразила соотношение прогрессивных и реакционных сил в русском обществе. Она была несомненным шагом вперед в истории цензурного законодательства, поскольку впервые ввела принцип судебной ответственности печати за нарушение закона. Несмотря на то что в процессе реализации цензурного закона администрация систематически добивалась сокращения его юридической силы, он оказал большое влияние на развитие журналистики и книжного дела в России. В целом, если оценивать реформу как законодательный акт, отвлекаясь от процесса ее реализации, следует считать, что цензурная реформа на пути к правовому государству была не менее значительным шагом, чем новые судебные уставы, и создавала возможности для развития общественной деятельности в стране, как земская и городская реформы. Именно поэтому процесс «свертывания» цензурной реформы правительством начался вскоре после ее принятия.

¹ Антонович М. А. Надежды и опасения: (по поводу освобождения печати из предварительной цензуры) // Современник. 1865. № 8. С. 173–196 (2-я пагинация).

² Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. С. 33, 71. См. также: Чернуха В. Г. Эпоха «великих реформ» – шаг на пути от полицейского к правовому государству // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 года. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 105–121; Власть и реформы: от самодержавной к советской России. М.: Олма-Пресс Экслибрис, 2006. С. 307–309 и др.

Е. Г. Неклюдов

Подготовка горной реформы 1860-х гг. в России: деятели и проекты¹

Статья посвящена подготовке в 1860-е гг. малоизвестной горной реформы, которая была направлена на улучшение правовых условий развития горнозаводской промышленности – одной из основных отраслей экономики Российской империи. Определяются базовые основы двух проектов Горного устава и прослеживается их зависимость от состава участников Горной и Податной комиссий, разрабатывавших эти проекты.

Ключевые слова: горнозаводская промышленность, горная реформа, Горная комиссия, Податная комиссия.

Неклюдов Евгений Георгиевич (Екатеринбург) – ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук», главный научный сотрудник; доктор исторических наук.

Evgeny G. Neklyudov – Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher; Dr. (History).

ntplant9@mail.ru

© Е. Г. Неклюдов, 2019

¹ Статья выполнена в рамках конкурсного проекта комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН № 18-6-6-20 «Институциональные практики в государственном строительстве и социальная интеграция в России XVII – начала XX в.».

Evgeny G. Neklyudov

Preparation of the mining reform of the 1860s in Russia: Figures and projects

The paper is devoted to the preparation of a little-known mining reform in the 1860s, which was aimed at improving the legal conditions for the development of the mining industry – one of the main branches of the economy of the Russian Empire. Determine the basic foundations of the two projects of the Mining Charter and traced their dependence on the composition of the Mining Commission and Tax Commission members who drafted these projects.

Keywords: mining industry, mining reform, Mining Commission, Tax Commission.

В ходе подготовки Великих реформ при Министерстве финансов, отвечавшем тогда за экономическое развитие страны, действовали три правительственные комиссии, которым было поручено разработать проект нового кодекса горного законодательства. Он должен был заменить действующий Горный устав, с 1835 г. регулировавший правовые отношения в сфере добычи и переработки полезных ископаемых и признанный во многих отношениях устаревшим. В 1852–1857 гг. Комиссия для изыскания средств к развитию железного производства в России осуществляла исторические и экономико-статистические исследования, которые были призваны определить основные направления предстоящих преобразований. В 1857 г. ее преобразовали в Комиссию по пересмотру Горного устава (или Горную комиссию), которая сначала отвлеклась от своей основной цели и выступила в качестве одной из высших инстанций по подготовке законопроектов крестьянской реформы 1861 г., касавшихся зависимого горнозаводского населения. Только в 1861–1866 гг. она занялась своим прямым делом. В 1866–1868 гг. предложенный комиссией законопроект проходил экспертизу в Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (или Податной комиссии), действовавшей при Министерстве финансов с 1859 г. В результате этой многолетней работы были созданы проекты реформы, существенно изменившие облик одной из основных отраслей российской экономики¹.

¹ Неклюдов Е. Г. Забытая горная реформа 1860-х гг.: замысел и реализация // Российская история. 2018. № 1. С. 59–68.

Сложившаяся к середине XIX в. система управления и функционирования горнозаводской промышленности, по оценке самих участников подготовки реформы, представляла собой «полный строй отдельного управления», включавший «особые права и законы по имуществу, состоянию, общественному устройству, полиции, суду... имевший свои горные города и селения, особую военную команду»¹. Вертикаль власти – в виде центрального Департамента горных и соляных дел при Министерстве финансов, региональных Уральского, Московского и Олоневского горных правлений в основных металлургических центрах и местных окружных управлений в горнозаводских округах – осуществляла управление довольно обширным казенным сектором горнозаводской промышленности. Центральный и региональные органы через посредство особых горнополицейских чиновников контролировали деятельность посессионных округов, владельцы которых были существенно ограничены в своей хозяйственной практике, и надзирали за владельческими заводами. «Полный строй» включал также особую систему горных податей, распространявшуюся на все частные предприятия.

Именно этот устаревший «строй» и должен был подвергнуться изменениям в ходе предстоящей реформы, необходимость которой вызывалась как наличием серьезных недостатков в развитии самой горной отрасли, так и необходимостью привести ее организацию в соответствие с социальными и экономическими условиями, менявшимися в ходе начавшихся системных реформ в России. Вектор перемен, как показывает анализ подготовленных проектов, зависел в первую очередь от состава подготовительных комиссий и представлений их участников о будущем устройстве промышленности.

Горная комиссия, которой принадлежал начальный законопроект, была образована исключительно из отраслевых специалистов, большей частью имевших практический опыт руководства предприятиями, достигших высших чинов и должностей, членов Совета и Ученого комитета Корпуса горных инженеров. Возглавил ее начальник штаба корпуса генерал-лейтенант В. Е. Самарский-Быховец, сделавший карьеру в этой управленческой структуре. Изначально членами комиссии были бывший начальник Олоневских заводов и Санкт-Петербургского монетного двора генерал-лейтенант Р. А. Армстронг; геолог, директор Департамента горных и соляных дел генерал-майор А. Р. Гернгросс; директор Горного департамента Царства Польского, профессор металлургии и горного искусства генерал-майор Г. А. Иосса;

¹ Объяснительная записка // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 3: Проект Горного устава, составленный Особой комиссией. С. 33.

бывшие горные начальники Алтайских заводов генерал-майоры Л. А. Соколовский и А. Р. Гернгросс (брат директора Департамента горных и соляных дел); профессор минералогии и статистики генерал-майор А. Д. Озерский (после назначения главным начальником Алтайских заводов в дальнейшем выбыл из состава комиссии); начальник Инспекторского отделения штаба корпуса полковник А. А. Перетц, работавший прежде на уральских казенных заводах (в 1860 г. он заменил В. Е. Самарского-Быховца в должности начальника штаба); начальник Отделения частных горных заводов департамента действительный статский советник В. А. Лонгинов; начальник Отделения частных золотых промыслов действительный статский советник Ф. И. Раселли (с 1862 г. — вице-директор департамента) и директор канцелярии Министерства императорского двора и уделов действительный статский советник И. П. Арапетов. По спискам 1861—1862 гг. новыми членами комиссии стали сменивший в 1862 г. А. Р. Гернгросса в должности директора Департамента горных и соляных дел генерал-майор В. К. Рашет, ученый-металлург, прежде работавший на казенных и частных заводах Урала; бывший горный начальник Олонецких заводов генерал-лейтенант Н. Ф. Бутенев; бывший начальник Воткинского завода генерал-майор В. И. Романов и молодые делопроизводители комиссии капитаны А. И. Антипов, Н. И. Михайлов и штабс-капитан Н. Н. Аксаков¹.

Заочно в работе Горной комиссии принимали участие региональные горные руководители, в том числе были получены записки от генерал-майора А. И. Арсеньева, находившегося тогда на частной службе в Нытвенском округе Голицыных на Урале, главного механика уральских заводов А. А. Грамматчикова, главного начальника уральских заводов Ф. И. Фелькнера и его сына, инспектора каменноугольных разработок в Земле Войска Донского И. Ф. Фелькнера. Объемный «Проект Горного устава» подготовил уральский берг-инспектор генерал-майор А. П. Стрельман².

Организаторы комиссии пригласили к сотрудничеству и предпринимателей в лице проживавших в столице горнозаводчиков. Деятельное участие последних было реализовано в 1864 г. в форме подачи письменных предложений и непосредственного обсуждения насущных вопросов на нескольких майских заседаниях. От имени Строгановых тогда выступал их уполномоченный Н. Н. Анцыферов, от лица владельца Чёрмозских заводов Х. Е. Лазарева — его зять князь С. Д. Абамелек, от лица владелицы Благовещенского

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 184. Л. 18об.—23об.; Оп. 5. Д. 939. Л. 18, 18об.

² РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 86; Д. 7. Л. 4, 4об., 6—15, 17, 19, 26—30; Д. 87; Д. 102. Л. 1, 44; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 399. Л. 1—2об.

медеплавильного завода Е. В. Дашковой – сын Д. Д. Дашков. Нижнетагильские заводы представлял главноуполномоченный по делам П. П. Демидова профессор С. М. Добровольский; Кыштымские – Г. В. Дружинин, поверенный своей жены-совладелицы О. П. Дружининой; Верх-Исетские – граф А. А. Стенбок-Фермор, поверенный своей матери, владелицы заводов графини Н. А. Стенбок-Фермор; Алапаевские – К. Н. Манзей, сын совладелицы заводов С. С. Манзей; Кнауфские – директор правления акционерной компании Г. В. Лерхе. Лично присутствовали заводчики Д. Е. Бенардаки (владелец Авзяно-Петровских, Троицких и Кирсинско-Кажимских заводов), А. В. Пашков и Н. М. Пашков (совладельцы Воскресенского, Верхоторского и Богоявленского медеплавильных заводов) и сибирский рудопромышленник (и, как он сам представлялся, «сын первооткрывателя рудного промысла в области сибирских киргизов» коммерции советника С. И. Попова) А. С. Попов¹. Все эти участники, оказавшиеся в то время в столице, представляли владельцев уральских предприятий, как посессионных, так и владельческих (за исключением А. С. Попова). Поэтому большинство их замечаний и предложений касалось в основном организации заводского хозяйства в крупнейшем металлургическом регионе страны.

Судя по составленной в Горной комиссии Объяснительной записке, алгоритм работы включал «разбор действующих постановлений и применения их на практике», изучение «предположений о преобразованиях в правительственной сфере и мнений частных лиц, заявленных ими по приглашению Комиссии» и «обзор иностранных законов», составленный специалистами в виде особых тематических записок².

Подготовленный комиссией к 1866 г. проект Горного устава отменял прежние сословные и национальные ограничения на поиск и разработку полезных ископаемых. Особое горное управление сохранялось, но его функции были сведены к организации горного промысла и контроля над его «правильной постановкой»; надзор за заводским населением передавался общей полиции, а прежний «горно-судебный порядок» ликвидировался. Сохранив в существующем виде центральное горное управление в форме особого департамента Министерства финансов, комиссия упростила структуру регионального управления, оставив лишь Уральское горное правление, и предоставила больше власти низовому окружному управлению, отменив действие прежних «штатов» (жестко фиксированных норм производства, количества служащих и рабочих) казенных заводов, «стеснявших местную распорядительность».

¹ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 78; Д. 6. Л. 114–125.

² Вступление // Труды Комиссии... С. 8.

Ориентируясь на опыт Франции и Бельгии, комиссия заменила непрофессиональный контроль частной горнопромышленности в лице заводских исправников системой специального горного надзора в виде института окружных инженеров и предусмотрела деление страны на горно-административные области и округа, образующиеся по мере распространения горного промысла по территории империи. Опыт Англии и желание заводчиков подсказали введение отдельного права собственности на недра при сохранении действовавшего в стране правила акцессии (принадлежности недр владельцу земли), что расширяло права землевладельцев распоряжаться недрами и должно было способствовать развитию промысла.

Пример Пруссии и Швеции определил отмену действовавшего в России принципа нераздельности горнозаводских имуществ, что могло бы привести к дроблению округов и самостоятельному развитию отраслей сложноорганизованной горнозаводской промышленности. Частный горный промысел был допущен на «свободных казенных землях» (при упрощенной процедуре получения отводов для горной разработки), а также на «общественных землях», принадлежащих сельским и казачьим обществам и некоторым категориям «инородцев».

Корректировке подверглась и действующая налоговая система: ее ограничили сбором подати лишь с тех металлов, производство которых уже получило широкое распространение (железо, медь, золото, платина и серебро). Был сохранен способ сбора горной подати с объемов выплавлявшегося или добывавшегося металла, но при этом величина подати сокращалась, а ее натуральная форма сохранялась только для драгоценных металлов. Комиссия отменила и прежние «карательные» формы наказаний за нарушение горных законов, признав более действенными преимущественно меры «денежного взыскания». Впервые вводились и правовые меры воздействия на предпринимателей за нарушение разработанных комиссией правил найма рабочих на заводы и рудники и правил безопасности работ. Был также подготовлен проект устава о горнозаводских товариществах, призванных регулировать отношения трудовых коллективов с владельцами предприятий и заботиться о благополучии своих членов¹.

Важнейшим в работе Горной комиссии стал вопрос о посессионном праве и судьбе посессионного сектора горнозаводской промышленности, включавшего тогда до половины частных округов Урала и значительную группу заводов Замосковского района и Закавказья. Благодаря участию горнозаводчиков в обсуждении этого вопроса комиссия признала посессионное право

¹ Проект Горного устава // Труды Комиссии... С. 317–426.

и связанные с ним ограничения предпринимательской деятельности не соответствующими современным потребностям развития промышленности. Она подготовила подписанный 9 декабря 1863 г. закон «О порядке перечисления посессионных горных заводов в разряд владельческих», который выводил из-под влияния этого права заводы, не пользующиеся «вещественными» казенными пособиями, и разработала проект выкупа заводчиками таких посессий у казны. До момента выкупа было предложено отменить большинство «посессионных ограничений» в пользовании природными ресурсами горнозаводских округов и связанные с этим ограничения самого «заводского действия»¹.

То обстоятельство, что проект устава подготавливался в самом горном ведомстве, безусловно, повлияло на его содержание. Несмотря на то что заводчики смогли высказать свое мнение, в проекте отразились в первую очередь представления «горных генералов» о путях дальнейшего развития отрасли. Это нашло выражение в сохранении самой системы отраслевого горного управления, необходимость которого не подвергалась сомнению и обосновывалась спецификой промысла, требовавшего профессионального отношения. Но благодаря научному подходу, включавшему изучение отечественного исторического опыта, действующего европейского законодательства и достижений современной горной науки, а также искреннему желанию членов комиссии достичь поставленной цели заложенные в проект идеи должны были привести к сокращению излишней государственной регламентации отрасли, к совершенствованию управления казенным сектором промышленности и расширению возможностей для развития владельческого и особенно посессионного секторов (с перспективой «уравнения» их в правах).

Податная комиссия в 1866–1868 гг. была призвана разработать «окончательную редакцию» проекта Горного устава «по связи его с системой налогов вообще и по отношению к делам общего управления». Хотя комиссия тоже действовала при Министерстве финансов, ее статус был на порядок выше Горной, поскольку ее возглавлял министр М. Х. Рейтерн (заседания вел товарищ министра А. К. Гирс), она имела более широкие полномочия и состав участников, представлявших несколько центральных ведомств.

Определение состава приглашенных участников началось в мае 1866 г., когда председатель Горной комиссии В. Е. Самарский-Быховец предложил, кроме директора Горного департамента В. К. Рашета и вице-директора Ф. И. Раселли, кандидатуры активно участвовавших в составлении проекта

¹ Объяснительная записка. С. 135–152; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. № 40358; *Неклюдов Е. Г.* Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011. С. 133–152.

генерал-лейтенанта Л. А. Соколовского, тайного советника И. П. Арапетова и капитана (вскоре подполковника) Н. И. Михайлова. Впоследствии в заседаниях Податной комиссии участвовали члены Горного совета генерал-майоры А. А. Иосса, А. Д. Озерский и Н. А. Фелькнер, начальник Отделения частных золотых промыслов Горного департамента П. Н. Николаев; от Уральского горного правления выступал Н. Г. Мальгин¹.

В Горном департаменте составили список владельцев уральских и замосковных заводов и их уполномоченных на случай приглашения кого-либо из них в Податную комиссию при рассмотрении проекта Горного устава. В него вошли (и затем были включены в состав членов-экспертов) Д. Е. Бенардаки, Г. В. Дружинин, С. М. Добровольский, Н. Н. Анцыферов и генерал-майор А. В. Пашков (впоследствии его сменил сын В. А. Пашков), а также совладелец Илевского и Вознесенского заводов в Нижегородской и Тамбовской губерниях полковник Д. П. Шипов и владелец Людиновских заводов в Калужской и Орловской губерниях генерал-майор С. И. Мальцов. В ноябре – декабре 1866 г. добавились поверенный владелицы Верх-Исетских заводов графини Н. А. Стенбок-Фермор надворный советник Д. А. Огородзинский и член попечительства над совладельцем Сысертских заводов П. Д. Соломирским капитан Генерального штаба Г. Д. Корибут-Кубитович². В отличие от Горной комиссии в Податной представители заводчиков получили право голоса, равное праву приглашенных представителей ведомств и постоянных членов комиссии, и могли участвовать на всех заседаниях при обсуждении проекта Горного устава.

По просьбе оренбургского генерал-губернатора в состав комиссии был включен его представитель титулярный советник В. В. Лукошков (будущий пермский губернатор); от Министерства финансов – чиновник по особым поручениям (затем заведующий Горным департаментом Царства Польского) подполковник А. И. Антипов; со стороны Государственного контроля – статский советник Е. И. Адагуров и чиновник по особым поручениям М. Н. Островский (будущий министр государственных имуществ), а после его отъезда – старший ревизор коллежский ассессор Ф. В. Тугендгольд. Членами-экспертами от Военного министерства стали А. М. Беляев, И. А. Вышнеградский (будущий министр финансов) и О. П. Резвой, от Морского министерства – А. А. Пешуров, от Министерства внутренних дел – В. К. Ржевский. Пригласили также директора Горного института знаменитого геолога Г. П. Гельмерсена; почетным членом стал президент Императорского

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 939. Л. 23–24.

² Там же. Л. 25–27, 51, 70.

Санкт-Петербургского минералогического общества герцог Н. М. Лейхтенбергский, в 1866 г. совершивший поездку на Урал для знакомства с положением заводов.

В обсуждении проекта Горного устава участвовали постоянные члены Податной комиссии директор Департамента неокладных сборов К. К. Грот и чиновник по особым поручениям Н. Н. Тютчев, директор Департамента окладных сборов К. И. Домонтович, управляющий общей канцелярией Министерства финансов Д. Ф. Кобеко, член Совета министра финансов А. А. Абаза (будущий министр финансов), управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский, директор Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел П. П. Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) и др. Были приглашены также «лучшие экономические деятели» того времени – В. П. Безобразов, И. В. Вернадский, А. П. Заблоцкий-Десятовский и М. П. Веселовский¹. Эти участники обсуждения были преимущественно представителями экономического либерализма, которого придерживался в своей политике и министр финансов М. Х. Рейтерн².

Судя по опубликованным журналам Податной комиссии, проект Горного устава обсуждался на 44 заседаниях, на каждом из них присутствовали около 20 членов. По количеству зафиксированных выступлений из представителей государственных ведомств наибольшую активность проявляли финансист Е. И. Ададунов и статистик П. П. Семенов, позицию Горного департамента отстаивали Л. А. Соколовский и Н. И. Михайлов, а также главный лесничий уральских заводов Н. Г. Мальгин. Интересы горнозаводчиков чаще других представляли Д. А. Огородзинский и Г. В. Дружинин, находя, как правило, поддержку у последовательного сторонника предпринимательской свободы экономиста В. П. Безобразова. Расширенный состав участников обсуждения привел к тому, что приглашенные разработчики проекта из Горной комиссии остались в меньшинстве. Это во многом предопределило результат работы Податной комиссии. Она не просто отредактировала представленный проект, а, по сути, создала альтернативный вариант Горного устава, существенно отличавшийся от начального.

В соответствии с откорректированным в Податной комиссии проектом горный промысел полностью лишился своего «особого значения» и по правовым условиям был приближен к другим отраслям российской промышленности. Это выразилось в первую очередь в сломе управленческой вертикали и рассредоточении функций горного ведомства между несколькими

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 939. Л. 31–32, 39, 49, 55, 58об.

² Степанов В. Л. Министр финансов М. Х. Рейтерн и Александр II: история отношений и сотрудничества // Александр II: Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012. С. 70–83.

министерствами. Полностью ликвидировался региональный уровень горного управления при сохранении лишь местного управления казенными горнозаводскими округами в лице горных начальников, подчинявшихся непосредственно министру финансов. Центральная власть была представлена только несколькими горными инспекторами, курировавшими окружные управления. Ведомство полностью освобождалось от функции содержания обширной социальной инфраструктуры казенных округов. Надзор за частными предприятиями был признан бесполезным и отменен, а наблюдение за безопасностью рудничных и заводских работ предоставлено общей полиции; сбор горных податей возложен на действующие в стране акцизные учреждения. Еще более упрощались правила для горных разработок и возведения заводов на свободных казенных и общественных землях, где по примеру Северо-Американских Соединенных Штатов предпринимателям предоставили право выкупа отводов. Поддержав предложение Горной комиссии о дроблении земельной собственности, Податная комиссия поставила вопрос о возвращении к принципу «горной свободы» на частновладельческих землях, вызвавший протесты заводчиков. Обсуждался и был положительно решен вопрос о предоставлении владельцам заводов и рудопромышленникам по примеру некоторых европейских стран возможности устраивать съезды «для совещаний о нуждах и пользах горной промышленности и для представления о них правительству»¹.

Острейшую проблему посессионного права Податная комиссия решила в том же ключе, что и Горная, поддержав его ликвидацию путем выкупа посессий заводчиками у казны. Была лишь несколько упрощена методика выкупа с целью облегчить эту операцию. Если Горная комиссия стремилась только определить пути совершенствования управления казенными заводами, то Податная получила санкцию верховной власти и на отчуждение части казенных горных имуществ, располагавшихся в то время на Урале и Кавказе, в Олонецком крае, Донбассе и Царстве Польском. Она оставила за казенными заводами исключительно оборонную специализацию (ею были разработаны еще и правила предоставления им военных заказов) и составила проект Правил о продаже и перечень заводов и золотых промыслов, подлежащих отчуждению².

¹ Проект Горного устава (исправленный и дополненный по заключению общего собрания Податной комиссии) // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 4: Проект Горного устава, составленный общим собранием Комиссии. СПб., 1868. С. 1–40.

² Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1: О передаче некоторых казенных горных заводов и золотых приисков в частные руки. СПб., 1867; Т. 13, ч. 2: О нарядах, делаемых казенным горным заводам военным и морским ведомствами. СПб., 1867.

Таким образом, на этом этапе подготовительной работы горная реформа, можно сказать, приобрела законченный вид. Проект Горного устава, включавший общие правовые условия развития отрасли, был дополнен смежными проектами правил выкупа посессий и продажи казенных горных заводов. В результате их реализации частновладельческий сектор горнозаводской промышленности должен был сохраниться и получить стимул к развитию, посессионный – подлежать полной ликвидации, а казенный – ограничиться несколькими оборонными предприятиями и обслуживавшими их металлургическими заводами.

Однако на этом этапе прежнее согласие разработчиков реформы сменилось противостоянием между представителями горного ведомства и другими участниками заседаний Податной комиссии. Столкнувшись с иными мнениями, выходящими за пределы их профессиональных представлений, горные чиновники смогли отстоять далеко не все свои предложения. Позиция заводчиков, стремившихся к максимальному облегчению правовых и экономических условий для предпринимательской деятельности и в то же время к получению льгот от казны, прозвучала на заседаниях комиссии более отчетливо. В главном ее поддержали влиятельные либеральные экономисты, пытавшиеся со своей стороны минимизировать вмешательство государства в экономику, в том числе в частное предпринимательство. Позиция представителей других государственных ведомств определялась не столько интересами развития горной промышленности или современными экономическими теориями, сколько стремлением предотвратить дополнительные бюджетные затраты или имущественные потери казны, поэтому во многих аспектах она тоже не совпадала с мнением горных чинов. Широкий состав Податной комиссии предопределил конечный результат ее работы в виде самостоятельного проекта Горного устава, в котором возобладали интересы предпринимателей.

Если проект Горной комиссии 1866 г. был направлен в основном на совершенствование существующих условий функционирования горнопромышленности и в этом смысле выглядел продолжением предыдущего пути ее развития, очищенного от устаревших явлений и норм, то проект Податной комиссии 1868 г. предлагал кардинальное изменение традиционных институтов и действующей системы горного управления, сложившейся в начале XIX в. Судя по содержанию проектов, Горная и Податная комиссии разработали две модели организации горной промышленности. Первая предполагала, что частный сектор будет успешно развиваться под направляющим и контролирующим влиянием горных специалистов, объединенных в рационально организованные государственные структуры; вторая тоже предусматривала динамичное развитие частного горного промысла, но при отсутствии

казенной регламентации, благодаря лишь здравомыслию и ответственности предпринимателей и профессиональной помощи им со стороны наемных горных инженеров.

Эти представления и отразились в двух вариантах реформы. Основное различие между ними заключалось в решении фундаментального вопроса о степени и формах участия государства в развитии отрасли. Этот вопрос закономерно возникал как в связи с приоритетным значением горно-заводской промышленности в экономике страны и наличием особой формы горного налогообложения, так и вследствие органичной связи промысла с природными ресурсами, имевшими государственное значение. Хотя в этом отношении проект Горной комиссии 1866 г. выглядел более консервативным, а проект Податной комиссии 1868 г. — более радикальным, для своего времени оба они являлись либеральными, поскольку при всех различиях в определении роли государства отдавали предпочтение частному предпринимательству в развитии промышленности и стремились оградить его от излишней казенной регламентации. В этом отношении оба проекта были разработаны в духе Великих реформ царствования Александра II.

В сложившейся ситуации, когда руководители горной отрасли выступили против проекта Устава Податной комиссии, не подписав его, министр финансов М. Х. Рейтерн предпочел отказаться от единовременной реформы в пользу постепенных преобразований. В результате обновление горного законодательства пошло эволюционным путем «частичных изменений», определявшихся «по указанию опыта». Эта стратегия не могла не привести к победе первого варианта реформирования отрасли, поскольку текущая работа по совершенствованию законодательства оставалась в компетенции действующего горного ведомства, которое возглавляли бывшие члены Горной комиссии и их преемники. Ориентация на базовые принципы этого проекта, на наш взгляд, позволяет говорить о последующей эволюции горного законодательства во второй половине XIX в. как об осуществлявшейся (в одном из двух разработанных в 1860-е гг. вариантов) горной реформе, которая приобрела особую форму раздробленного на части и растянутого во времени процесса. В этом отношении она отличалась от других объявленных реформ царствования Александра II. Причиной реализации такого механизма реформирования правовых условий развития горнозаводской промышленности оказалась несогласованность общей концепции реформы, прежде всего из-за разных представлений о путях развития отрасли, сложившихся у членов Горной и Податной комиссий.

С. Д. Половецкий

Военно-педагогическая деятельность Д. А. Милютина¹

Статья посвящена выдающемуся государственному и военному деятелю, одному из виднейших реформаторов эпохи Александра II, ученому, историку, последнему российскому генерал-фельдмаршалу графу Д. А. Милютину (1816–1912), в 1861–1881 гг. военному министру Российской империи. Освещается роль Д. А. Милютина в подготовке и проведении военной реформы, его военно-педагогическая деятельность, высоко оценивается личный вклад, внесенный в реформирование системы обучения и воспитания личного состава армии и флота, в перестройку всей деятельности военно-учебных заведений.

Ключевые слова: Александр II, Д. А. Милютин, военная реформа, армия, флот, обучение, воспитание, военно-учебные заведения.

Половецкий Сергей Дмитриевич (Москва) – ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», ведущий научный сотрудник Центра истории педагогики и образования; доктор исторических наук, профессор.

Sergey D. Polovetskiy – Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Center of History of Pedagogy and Education, Leading Researcher; Dr. (History), Professor.

polovez53@mail.ru

© С. Д. Половецкий, 2019

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 гг. (№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

Sergey D. Polovetskiy

Military-pedagogical activity of D. A. Miliutin

The paper is devoted to the outstanding state and military figure, one of the most prominent reformers of the era of Alexander II, the scientist, the historian, the last Russian General Field Marshal, Count D. A. Miliutin (1816–1912) – military minister of Russia in 1861–1881. Highlights the role of D. A. Miliutin in the preparation and conduct of the military reform, the military-pedagogical activity, highly appreciated the personal contribution made to the reform of the system of training and education of personnel of the Army and Navy, in the restructuring of all activities of military schools.

Keywords: Alexander II, D. A. Miliutin, military reform, Army, Navy, training, education, military schools.

По вкладу, внесенному в переустройство отечества, Александра II можно поставить в один ряд с Петром I. В историю России этот выдающийся государственный деятель по праву вошел под именем Освободителя. Он открыл новую историческую эпоху – эпоху Великих реформ второй половины XIX в. Они стали важнейшим событием в России не только XIX в., но и всей многовековой российской истории.

Исследователи этой темы обоснованно подчеркивают: «Сегодня, с высоты исторического опыта, можно с уверенностью сказать, что благодаря реформам, проведенным по инициативе Александра II, за тридцать – сорок лет российское государство и общество сделали мощный прорыв в своем социально-экономическом, политическом, духовном развитии»¹.

Имя Александра II неразрывно связано с Москвой. Здесь он родился 17 апреля 1818 г., стал вторым и последним после Петра Великого императором, появившимся на свет в Первопрестольной. Здесь же, выступая перед представителями московского дворянства 30 марта 1856 г., Александр II впервые заявил о необходимости отмены крепостного права. 26 августа 1856 г. состоялась его коронация в Успенском соборе Кремля.

¹ Овчинников А. В. «Великие реформы» и модернизация образовательного законодательства России (вторая половина 60-х – начало 70-х гг. XIX вв.) // Модернизационные процессы в российском и зарубежном образовании XVIII – начала XXI века: сб. науч. трудов Всеросс. науч.-практич. конф. СПб.: СПб АППО, 2014. С. 62–67.

Москва стала экспериментальной площадкой для проведения всех реформ Александра II. Именно здесь реформы прошли наиболее безболезненно и плодотворно.

С реформами Александра II неразрывно связана деятельность Дмитрия Алексеевича Милютина. Исследователи разных поколений называли его самым ярким и влиятельным деятелем эпохи Великих реформ, центральной личностью царствования Александра II¹. Именно ему в первую очередь адресовал свои слова Александр II: «Мой папа был гений и мог позволить себе роскошь окружать свой трон остолопами. А я – простой человек, и мне нужны умные люди»².

Дмитрий Алексеевич Милютин родился 28 июня 1816 г. в Москве, в царствование Александра I, рос и мужал в николаевскую эпоху, расцвет его государственной и реформаторской деятельности пришелся на правление Александра II. Он пережил императора Александра III и скончался при Николае II, всего за два года до начала Первой мировой войны.

Анализируя долгий жизненный путь Д. А. Милютина, следует отметить, что он был всесторонне одаренным человеком. Например, с детских лет он проявил выдающиеся способности к точным наукам. Первую научную работу по математике он написал в 16 лет, последнюю – когда ему уже было за 90. Перу Д. А. Милютина принадлежит и «Опыт литературного словаря». Весьма обширно и ценно, особенно как исторический источник, эпистолярное и мемуарное наследие Дмитрия Алексеевича³.

Разносторонне одаренными и талантливыми были и братья Дмитрия Николай и Владимир: первый стал одним из основных разработчиков крестьянской реформы, второй обладал великолепными способностями ученого-экономиста.

Также Д. А. Милютин был боевым русским офицером. В 23 года он добровольцем отправился на Кавказ, где был тяжело ранен и направлен в годичный отпуск за границу для лечения. За это время Милютин объехал

¹ *Носков Н. Д.* Попытки ограничения самодержавия в XVIII и XIX столетиях. СПб., 1906. С. 49; *Миронов Г. Е.* Государи и государевы люди: Портреты в контексте истории. М.: МАРТ, 1999. С. 122 и др.

² Цит. по: *Осинов Г.* Фельдмаршал либеральной закваски // Культура. 2008. № 207. 2 марта.

³ *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1816–1843. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1997; *Его же.* Воспоминания. 1843–1856. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 2000; *Его же.* Воспоминания. 1860–1862. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999; *Его же.* Дневник. 1876–1878. М.: РОССПЭН, 2009; и др.

практически всю Европу, где ознакомился с опытом военного строительства. Тогда же он познакомился со своей будущей женой 18-летней Натальей Понсет, дочерью русского генерала французского происхождения М. И. Понсета (1778–1829)¹.

В должности начальника Главного штаба Кавказской армии Д. А. Милютин разработал план войсковой операции и обеспечил его выполнение, что дало возможность успешно завершить многолетнюю Кавказскую войну и взять в плен Шамиля.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Дмитрий Алексеевич проявил себя как весьма подготовленный и дальновидный стратег. После трех неудачных попыток штурма Плевны большинство командующего состава русской армии высказалось за снятие осады крепости. Д. А. Милютин настоял на продолжении боевых действий и оказался прав – Плевна пала. За заслуги в Русско-турецкой войне в 1878 г. Д. А. Милютин был возведен в графское достоинство.

Д. А. Милютин был видным военным историком, автором классического труда «История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I», вышедшего в свет в 1852–1853 гг. За него Дмитрий Алексеевич был удостоен Демидовской премии и ученой степени доктора русской истории. Опубликовав фундаментальную монографию «Первые опыты военной статистики», Д. А. Милютин стал основоположником военной статистики как самостоятельной и весьма важной военно-научной и практической дисциплины.

В 1898 г. император Николай II присвоил Д. А. Милютину звание генерал-фельдмаршала. Это произошло в рамках торжеств, посвященных 80-летию со дня рождения Александра II. В Московском Кремле был торжественно открыт памятник императору. Д. А. Милютин стал последним генералом дореволюционной русской армии, получившим это высокое воинское звание².

Вклад Д. А. Милютина в реформирование армии и флота, их строительство на принципиально новых началах огромен. 30 августа 1860 г. Александр II назначил начальника Главного штаба Кавказской армии генерала

¹ Дмитрий Алексеевич Милютин всего на три дня пережил свою супругу, скончавшуюся 22 января 1912 г. в возрасте 89 лет. Портрет участника наполеоновских войн генерал-лейтенанта М. И. Понсета находится в Военной галерее Зимнего дворца.

² 15 августа 1910 г. звание генерал-фельдмаршала получил Николай I, король Черногории (1841–1921); 17 сентября 1912 г. – Кароль I, король Румынии (1839–1914).

Д. А. Милютина товарищем военного министра, а 9 января 1861 г. — военным министром. Милютин занимал этот пост почти 20 лет.

15 января 1862 г. он представил Александру II свой знаменитый доклад «Программа работ по Военному министерству», который император сразу же одобрил и утвердил. В рамках реализации данной программы был разработан ряд важных документов, имеющих в том числе и ярко выраженную военно-педагогическую направленность.

В контексте темы статьи следует подчеркнуть, что новое Положение о всеобщей воинской обязанности предоставляло призывникам значительные льготы в зависимости от образования. По положению в сухопутных войсках срок действительной военной службы составлял 15 лет — 6 лет в строю и 9 лет в запасе, во флоте — 7 лет действительной службы и 3 года в запасе. Однако для имевших начальное образование срок действительной службы сокращался до четырех лет, окончивших городскую школу — до трех лет, гимназию — до полутора лет, а получивших высшее образование — до полугода. Некоторые категории призывников полностью освобождались от военной службы: лица духовного звания, врачи, преподаватели учебных заведений, представители наук, искусств и др.¹

В 1867–1868 гг. по предложению Д. А. Милютина были введены в действие новые общевоинские уставы, в которых был заложен принцип защиты чести и достоинства военнослужащего. В соответствии с этими нормативными документами в армии и во флоте ликвидировалась существовавшая ранее жестокая, бесчеловечная система телесных наказаний. Вместо муштры, основанной на страхе взысканий и наказаний, внедрялся новый процесс воспитания солдата, не несущего простую сословную воинскую повинность, как раньше, а сознательно выполняющего священный долг защиты отечества.

По инициативе Д. А. Милютина кроме военной составляющей усилия командиров и начальников направлялись на формирование у солдат сознательного отношения к своему патриотическому долгу защитника отечества. В результате в стране с самодержавно-монархическим строем, где совсем недавно была отменена крепостная зависимость, была успешно реализована демократическая по сути военная реформа, введена система «вооруженного народа», в которой защитник отечества занимал почетное место.

Благодаря этому в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. победила преобразованная армия, построенная на демократическом принципе всеобщей воинской обязанности, обученная и воспитанная в новых условиях, при

¹ Военная история: Учебник для высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации. М.: Воениздат, 2006. С. 178–179.

отсутствии жестоких телесных наказаний. Кроме того, во все программные документы военного реформирования, основным разработчиком которых был сам министр, были заложены ярко выраженные и весьма эффективные при их реализации идеи образовательного и просветительного содержания.

Среди мероприятий, проведенных под руководством созданного в 1863 г. в организационной структуре Военного министерства Главного управления военно-учебных заведений, особо следует отметить реформу военно-учебных заведений. Была создана разветвленная сеть военных гимназий и прогимназий, военных и юнкерских училищ, куда принимали молодежь вне зависимости от принадлежности к определенному сословию. Это в известной степени служило изменению к лучшему военного, образовательного уровня, социальной структуры офицерского корпуса.

Реформирована была и система высшего военного образования: создавались новые академии, открывались различные офицерские курсы. В целом следует признать высокую эффективность проведенных мероприятий. Например, ряд современных исследователей ставят созданные военные гимназии в ряд лучших средних учебных заведений России второй половины XIX в.¹

Было положено начало созданию системы учебных заведений военно-педагогического профиля для подготовки преподавателей и воспитателей военно-учебных заведений. В 1865 г. при Второй военной гимназии в Санкт-Петербурге были открыты двухгодичные Высшие педагогические курсы, куда принимали обладателей высшего и среднего образования. Курсы стали своеобразной педагогической академией, которая готовила высококвалифицированные военно-педагогические кадры².

По инициативе Д. А. Милютинина было принято решение о создании Педагогического музея военно-учебных заведений. Он был открыт 9 февраля 1864 г. в Санкт-Петербурге и стал уникальным образовательным, научно-методическим и культурно-просветительным центром дореволюционной России. По масштабам и характеру своей деятельности музей вышел далеко за рамки военной области знаний, стал своеобразным университетом для всего российского учительства, получил международную известность и признание. В работе музея использовались самые передовые педагогические технологии

¹ См., например: *Кудряшев А. В.* Подготовка педагогических кадров для низших и средних военно-учебных заведений России в 1860–1870-е гг. // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 362.

² В настоящее время в этом историческом здании размещается Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского.

того времени, с ним сотрудничали многие выдающиеся представители российского образования, педагогической науки, культуры и искусства.

В итоге проведенной реформы военной школы заметно улучшилась подготовка офицерских кадров, увеличилось их число и качество. К концу XIX в. ежегодно в кадетских корпусах обучалось около 12 тыс. чел., в военных училищах — 5,5 тыс. чел., в юнкерских — 2,8 тыс. чел., в военных академиях — до 850 чел. В результате среднегодовой выпуск офицеров достигал 2 тыс. чел., что позволяло обеспечить за их счет до 80% вакансий в армии и во флоте¹.

Большое внимание уделялось повышению общеобразовательного уровня рядового состава. В дореформенное время только 10% солдат умели читать и писать. Чтобы удовлетворить потребность в образованных солдатах, в армии стали создавать ротные школы — преподавали в них командиры взводов и рот, массово открывались солдатские библиотеки. В результате предпринятых усилий к середине 1870-х гг. доля грамотных солдат в пехоте увеличилась почти в четыре раза — до 36%².

Среди мероприятий образовательного характера можно отметить инициированное Д. А. Милютиным резкое увеличение тиражей книг и журналов для солдатского чтения, различные мероприятия культурно-массового и просветительского характера.

При выполнении исторических задач, поставленных временем, нравственным ориентиром для потомков может служить величественная фигура императора Александра II. Актуальным примером является тщательная подготовка, решительность и постепенность, продуманность реформ, в том числе проводимых в сфере образования и просвещения, прогнозирование их социальных последствий. А самое главное заключается в том, что реформы, начатые Александром II, стали необратимыми, они значительно изменили облик России. Император любил свою родину, он сделал для нее все, что было в его силах, свято веря в ее великое предназначение. Таким же было и его ближайшее окружение, в круг которого по праву вошел выдающийся государственный и военный деятель, последний фельдмаршал России, патриот и ученый Дмитрий Алексеевич Милютин.

¹ Военная история: учебник. 2-е изд., доп. и испр. М.: Воен. ун-т, 2003. С. 138–139.

² Военная история: Учебник для курсантов... С. 175.

**Реформа полиции
и обеспечение
государственной безопасности**

Ю. В. Тот

Реформа уездной полиции Александра II

В статье рассматривается деятельность правительства по реформированию уездной полиции в эпоху Великих реформ. Автор анализирует проекты реформы, подготовленные специальными комиссиями и Министерством внутренних дел, устанавливает взаимосвязь полицейской реформы с другими реформами эпохи, раскрывает причины борьбы либеральных и консервативных представителей правительства вокруг законопроектов о полиции.

Ключевые слова: реформы, уездная полиция, Александр II, проекты, Министерство внутренних дел, Государственный совет, Главный комитет об устройстве сельского состояния, губернаторы, местное управление.

Yuri V. Tot

The reform of the Uyezd police under Alexander II

The paper deals with reforming of the Uyezd (district) police in Russia in the sixties and seventies of the 19th century in the time of the Great

Тот Юрий Викторович (Санкт-Петербург) — ФГБОУ «Санкт-Петербургский государственный университет», Институт истории, заведующий кафедрой истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах; доктор исторических наук, профессор.

Yuri V. Tot — St. Petersburg State University, Institute of History, Head of the Department of History for Faculties of Natural Sciences and Humanities; Dr. (History), Professor.
y.tot@spbu.ru

© Ю. В. Тот, 2019

Reforms. The author investigates the reforms projects, working out by special commissions and by the Ministry of Interior, discovers the connection of the of the Uyezd police reform with other reforms of Alexander II, shows the fight of liberal and conservative statesmen around legislative proposals.

Keywords: reforms, Uyezd police, Alexander II, projects, Ministry of Interior, State Council, Main Committee on the Rural Status, governors, local government.

Уездная полиция, помимо охраны правопорядка, выполняла весьма разнообразные функции (административные, судебные, следственные, хозяйственные и др.), являясь исполнительной структурой в системе местного управления. При этом в официальных документах второй половины XIX в. неоднократно отмечалась неэффективность именно этого государственного учреждения.

В «Отчете о внутреннем управлении государством в 1855 г. по ведомству министра внутренних дел» С. С. Ланской указывал на неудовлетворительное исполнение полицией своих обязанностей. «От этого произошло крайнее недоверие народа к полиции, — заключал министр, — которое достигло до того, что каждый почти обыватель в случае какого-либо происшествия в его доме не спешит за помощью в полицию, а заботится о том, нельзя ли как-нибудь скрыться от нее дома. По понятиям народа наезд полицейских чиновников в деревню считается бедствием наравне с пожаром»¹.

В конце июля 1856 г. отчет был представлен Александру II. «Читал с большим любопытством, — резюмировал свои впечатления император, — и благодарю в особенности за откровенное изложение всех недостатков, которые с Божьею помощью и при общем усердии, надеюсь, с каждым годом будут исправляться. (...) Обратить особенное внимание на все сии недостатки и сообразить, как сему помочь»².

В правительственных кругах проблема реформы уездной полиции рассматривалась как часть общего реформаторского направления внутренней политики Александра II. Влиятельный сановник, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор А. Г. Строганов писал министру внутренних дел С. С. Ланскому: «Преобразование управления полицией нашей может достигнуть своей цели тогда только, когда правительство наше, не ограничиваясь созданием новых учреждений и полицейских властей, решится

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 66. Д. 21. Л. 27–27об.

² Там же. Л. 1.

вести в местах производство дел, основанное на юридически современных началах...»¹

Успех крестьянской реформы Александр II не в последнюю очередь связывал с реорганизацией полиции, поскольку именно полиция призвана была обеспечить спокойствие деревни во время ее проведения. Высочайшим повелением от 27 марта 1859 г. составление проектов реорганизации местного управления и полиции возлагалось на Комиссию о губернских и уездных учреждениях под руководством министра внутренних дел С. С. Ланского. Председательствовать в комиссии был назначен товарищ министра внутренних дел Н. А. Милютин².

В начале апреля 1860 г. комиссия завершила подготовку проектов «Общего учреждения уездной полиции» и «Учреждения следственных судей». Ограничение деятельности полиции рамками закона, а не административными распоряжениями, формирование правовых основ защиты подданных от произвола полиции были отличительными чертами проектов. Существенно сокращались судебные, следственные и хозяйственные функции полиции. Тем самым закладывались основы для трансформации полиции из всеобъемлющего исполнительного органа местного управления в учреждение, обеспечивавшее безопасность населения. Проекты предусматривали объединение городской и земской полиции, образование уездного полицейского управления и назначение чиновников уездной полиции (уездного исправника и его помощника) губернской администрацией³.

Проекты были составлены ранее окончательного варианта крестьянской реформы, поскольку реорганизация полиции должна была предшествовать отмене крепостного права. Именно это условие позволило сторонникам радикальной полицейской реформы придать проектам либеральную направленность.

Консервативная часть бюрократии, ярким представителем которой был директор Департамента полиции исполнительной в 1861–1863 гг. Д. Н. Толстой, критически восприняла проект полицейской реформы, подготовленный комиссией. «Этот проект... начертан особой Комиссией, в большинстве составленной из „передовых людей“, под председательством Милютина, – писал Д. Н. Толстой. – Мысль, лежавшая в его основании, могла быть выражена словами: „ограждение общества от полиции и полиции от губернатора“. Сколь анархично это основание, столь же непрактично, чтобы

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 123. Д. 23. Л. 381об.–382.

² Труды Комиссии о губернских и уездных учреждениях. СПб., 1860. Ч. 1, кн. 2. С. 1–2.

³ Там же. С. 5–129.

не сказать нелепо. (...) Отсутствие всякого знания практической жизни и потребностей народа и всецелая подражательность иноземцам, особенно французским учреждениям, были очевидны в каждом параграфе»¹.

С. С. Ланской 15 апреля 1860 г. представил Александру II всеподданнейший доклад «О проектах нового учреждения полиции». Министр отмечал, что полицейская реформа представляет собой и часть крестьянской реформы, и центральное звено в общей цепи преобразования всей системы государственного управления. «Сие важное дело, — подчеркивалось в докладе императору, — от которого зависит общее спокойствие и благоприятный исход крестьянского вопроса, тесно связано с будущностью всей государственной жизни»².

17 мая 1860 г. проект «Общего учреждения уездной полиции» рассмотрел Главный комитет по крестьянскому делу. Решительно отстаивали проект великий князь Константин Николаевич и С. С. Ланской. Но проект не получил поддержки комитета. Большинство его участников полагали, что преобразование полицейских институтов накануне крестьянской реформы осложнит ее проведение, так как полиция не сможет противостоять крестьянским выступлениям. Государственный совет на заседаниях 19–26 мая 1860 г. поддержал мнение комитета, ограничив реформу полиции изъятием у полиции следственных функций и учреждением должности судебных следователей³.

После отмены крепостного права министр внутренних дел П. А. Валуев, сменивший на этом посту С. С. Ланского, вновь инициировал вопрос о реформе полиции. 22 июня 1861 г. он представил в Главный комитет об устройстве сельского состояния «Записку о порядке рассмотрения проектов преобразования уездных и губернских учреждений». П. А. Валуев предлагал изменить принципы назначения сотских, привести нормы полицейского законодательства в соответствие с положениями крестьянской реформы и внести в полицейское законодательство (до начала реализации земской и судебной реформ) изменения, исключавшие как законодательные, так и практические препятствия на пути реализации этих реформ. При этом министр отмечал, что поместное дворянство должно иметь рычаги влияния на органы крестьянского общественного управления, а полиция — сохранить часть судебных функций в отношении крестьян⁴.

¹ Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2, № 5. С. 47–48.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 26. Л. 64.

³ РГИА. Ф. 1180. Оп. 15. Д. 5. Л. 49, 51–53, 55–56, 56–59; Ф. 1149. Оп. 5. Д. 41. Л. 37, 67–68.

⁴ РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. Д. 78; Ф. 1149. Оп. 5. Д. 87а. Л. 168–237.

В ходе рассмотрения предложений П. А. Валуева в марте – апреле и декабре 1862 г. в Главном комитете об устройстве сельского состояния и Государственном совете было принято решение не издавать «Общее учреждение полиции», а ввести временные правила, определявшие организационную структуру, состав и финансирование полиции. Государственный совет обосновал проведение такого варианта реформы необходимостью осуществить в первую очередь судебную и земскую реформы. Временные правила упразднили принцип выборности дворянством полицейских чиновников. Исправника, помощника исправника и станowego пристава назначал губернатор. Однако заседателей полицейского управления и низших полицейских служащих (сотских, десятских и представителей волостной и сельской администрации, исполнявших полицейские функции) по-прежнему избирали сословные собрания¹.

25 декабря 1862 г. Александр II утвердил «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых»². Новый закон о полиции опирался на положения проекта «Общего учреждения уездной полиции».

Посредством введения «Временных правил...» правительство намеревалось изменить к лучшему состояние и деятельность полицейских институтов. Этот оптимизм основывался на двух положениях указа: отказе от принципа выборности полицейских чиновников и повышении должностных окладов чиновникам и служащим полиции³.

«Временные правила...» завершили семилетний цикл (1855–1862) подготовки и проведения полицейской реформы. Характер и направленность реорганизации полиции определялись подготовкой и проведением крестьянской, судебной и земской реформ. Видный петербургский историк В. Г. Чернуха справедливо отмечала, что покушение Д. В. Каракозова на Александра II, обращение правительства к вопросам текущей политики и борьба в высших эшелонах власти привели в середине 1860-х гг. к замедлению реформ⁴.

Правительство стремилось упрочить собственное влияние на местах, ослабленное, в представлении части высшей бюрократии, за годы реформ. Свое видение решения этой проблемы предложил министр внутренних дел П. А. Валуев. 27 августа 1866 г. он представил в Государственный совет записку «О некоторых мерах к улучшению уездной полиции». По мнению

¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 5. Д. 87а. Л. 376–377.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. Отд. 1. № 39087. С. 588–593.

³ РГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 290. Л. 99об.–100.

⁴ Чернуха В. Г. Внутренний кризис: 1878–1881 гг. // Власть и реформы. СПб., 1996. С. 341.

министра, после проведения крестьянской, судебной и земской реформ следовало отказаться от сословно-выборного принципа формирования уездной полиции, коренным образом реорганизовав институт десятских и сотских и преодолев практику избрания последних на крестьянских сходах¹.

Слабой стороной в деятельности полиции П. А. Валуев считал отсутствие мобильных полицейских команд (полицейской стражи или полицейских объездчиков) во главе с уездным исправником. Личный состав такого подразделения должен был обладать соответствующими профессиональными навыками, чтобы выполнить функции «подвижных исполнителей полицейских распоряжений». С этой целью 10–15 стражников распределяли по населенным пунктам уезда, находившимся друг от друга в нескольких часах пути. Подобная схема дислокации позволяла создавать, в терминологии П. А. Валуева, подобие «живой сети», обеспечивавшей скорую передачу приказов и служебной информации².

Конкретные меры по реорганизации уездной полиции были сведены министром к следующим положениям:

- 1) предоставить уездным полицейским управлениям право назначать и увольнять низших полицейских служащих;
- 2) увеличить число дворов, находившихся в ведении сотских и десятских: первым – от 150 до 500, вторым – от 20 до 75;
- 3) назначить, по усмотрению губернской администрации, денежное содержание сотским (от 60 до 100 руб. в год) за счет жителей местечек и селений, находившихся в их ведении. Сумму денежного вознаграждения десятских определял крестьянский сход;
- 4) наделить сотских и десятских правом действовать в рамках компетенции полиции, минуя «сельских начальников»;
- 5) при уездных полицейских управлениях учредить особые команды полицейских объездчиков³.

Предложение П. А. Валуева формировать корпус сотских из лиц, не принадлежавших к «волостному союзу», преследовало цель создать независимую от сельского мира полицейскую инстанцию, подчиненную уездной полиции, а не волостной администрации, что на практике устанавливало контроль уездной полиции над выборными крестьянскими органами.

¹ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (Т. 15). Д. 107. Л. 1–30об.; Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии. Отдел полицейский. Ч. 1: Отделение III–V. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1870–1872. С. 480–500.

² РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (Т. 15). Д. 107. Л. 6–8.

³ Там же. Л. 9–9об.

К записке прилагалось «Положение об уездных командах полицейских объездчиков». Обязанности объездчиков (подробно их предполагалось изложить в специальной инструкции) заключались в постоянном наблюдении за порядком в уезде и своевременном исполнении всех распоряжений уездного полицейского управления. В инспекторском и хозяйственном отношении команды подчинялись губернской администрации и уездному полицейскому управлению, а по службе — уездному исправнику. Численность команды в каждом уезде определялась в зависимости от местных особенностей. Срок службы для полицейских объездчиков устанавливался не менее трех лет, годовое жалованье вахмистра составляло 216 руб., нижних чинов — 114 руб.¹

Важным элементом полицейской реформы П. А. Валуев считал введение в уездах новой территориально-административной и полицейской единицы. 13 августа 1864 г. он представил в Главный комитет об устройстве сельского состояния проект «Об учреждении из волостей государственных, удельных и временнообязанных крестьян и из других долей поземельной собственности, не входящих в состав волостей, новых территориальных округов»².

В объяснительной записке к проекту отмечалось, что административно-судебное и полицейское деление на станы, мировые участки и волости имело недостатки. Станы и мировые участки были излишне крупными единицами, а волости — единицами разнотипными, малыми и дробными. Границы мировых участков не совпадали с границами станов. Волости временнообязанных крестьян составляли часть мировых участков и не соответствовали волостям государственных крестьян. Отсутствовало деление станов на административные части (десятки и сотни не выполняли этой функции). Другой тезис, выдвигавшийся Министерством внутренних дел (МВД) в обоснование своей позиции, заключался в том, чтобы «различные доли поземельной собственности, ныне разрозненные», объединить в рамках единой административно-полицейской и хозяйственной территориальной единицы³. Необходимо подчеркнуть, что при реализации этого предложения все крестьянское население попадало под юрисдикцию уездной полиции.

Новое территориальное образование в составе «волости, сельских обществ и частных долей землевладения» предлагалось назвать «выть». Согласно проекту судебные и судебно-полицейские функции осуществлялись в пределах мирового участка и стана, а полицейские, административно-распорядительные и хозяйственные — в стане и выти. Возглавлял выть

¹ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (Т. 15). Д. 107. Л. 9–11.

² Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии... С. 159–195.

³ Там же. С. 186–189.

голова, избравшийся на вытном сходе из числа местных землевладельцев и утверждавшийся в должности министром внутренних дел. Вытный голова наделялся правами, сопоставимыми с правами полицейского чиновника¹.

Проект П. А. Валуева о всеобщей территориальной единице следует рассматривать в контексте готовившейся земской реформы, которая не предусматривала образование земских учреждений в волостях. Создание новых территориальных округов отчасти восполняло отсутствие волостных земских учреждений (принципы формирования руководящих органов выти дублировали статьи положения о земствах). Образование новой территориальной единицы рассматривалось во взаимосвязи с другими направлениями реформы (реорганизацией института сотских и десятских, формированием команд полицейских объездчиков). Министр внутренних дел утверждал, что при реализации положений предлагаемого им проекта «уездное полицейское устройство могло бы быть приведено в состояние настолько удовлетворительное, что, по всей вероятности, оно долго не потребовало бы дальнейшего развития»².

Предложения П. А. Валуева (проект формирования «выти» не обсуждался) не получили поддержки в правительственных кругах. Негативные оценки преобладали в отзывах министра юстиции Д. Н. Замятина, министра финансов М. Х. Рейтерна, военного министра Д. А. Милютина и главноуправляющего II отделением В. Н. Панина. Министры выражали сомнения относительно источников финансирования реформы, отмечая, что реорганизация института десятских и сотских потребует значительных средств, а значит, приведет к увеличению налогов с крестьянского населения. Вызывали вопросы и принципы комплектования, организации и служебных полномочий личного состава команд полицейских объездчиков³.

Департаменты государственной экономики и законов Государственного совета на заседании 19 января 1867 г. рассмотрели предложения П. А. Валуева. Центральным предметом дискуссии, как и ожидалось, стал вопрос о финансовом обеспечении полицейской реформы. Участники заседания поддержали позицию М. Х. Рейтерна, В. Н. Панина, Д. Н. Замятина и Д. А. Милютина, отмечая преждевременность повсеместной организации в России команд полицейских объездчиков. При этом участники заседания отмечали ограниченность сил полиции в уездах. Министру внутренних дел было поручено представить свои соображения по увеличению численности нижних чинов

¹ Там же. 188–195.

² РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (Т. 15). Д. 107. Л. 8.

³ Там же. Л. 8–13об.

уездной полиции. П. А. Валуев должен был предварительно согласовать свои предложения с Министерством финансов¹.

Отзывы министров о проектах П. А. Валуева позволяют отметить важное обстоятельство. В правительственных кругах не оспаривался вывод о необходимости увеличения полицейских сил в уездах. Однако предложение о расширении полномочий чиновников и служащих полиции было отвергнуто главами министерств, видевших в нем намерение МВД усилить свои позиции в системе местного управления.

Проекты П. А. Валуева отражали сформировавшиеся в пореформенный период противоречия между старыми и новыми административно-полицейскими принципами, определявшими положение крестьян, деятельность судебных, земских учреждений и местного управления. В этой ситуации обострилось противостояние представителей различных течений в правительстве по определению способов разрешения этих противоречий. Одним из проявлений такого противостояния являлась проблема реорганизации полиции.

26 декабря 1869 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев, сменивший в этой должности П. А. Валуева, представил Александру II всеподданнейший доклад о проекте административно-полицейской реформы. Министр утверждал, что административное и полицейское законодательство не соответствовало требованиям времени, так как судебная и земская реформы пока не стали локомотивом реформы административно-полицейских учреждений. Поэтому своевременное проведение этой реформы – единственное условие обеспечить «спокойное преуспевание общественное, благоустройство и безопасность государственную»².

В рамках реформы А. Е. Тимашев считал необходимым подчинить полицейские учреждения губернатору, предоставить ему право назначать чиновников уездной полиции и налагать на них взыскания, упразднить институт сословных заседателей, пересмотреть действовавшее административное деление губерний на уезды, а уездов на станы³.

В объяснительной записке министр указывал на «ничтожность» наличных сил уездного полицейского управления. По его мнению, неэффективность деятельности сотских, десятских, а также волостных и сельских старост как «исполнительных агентов» полиции привела к тому, что единственными представителями власти в уезде и исполнителями распоряжений местной администрации являлись исправник и максимум четыре станowych. Изменить

¹ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1 (Т. 15). Д. 107. Л. 24об.–25, 28об.–29об., 30об.

² РГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 290. Л. 3–4об.

³ Там же. Л. 6–6об.; Ф. 1286. Оп. 30. Д. 60. Л. 13.

ситуацию к лучшему он предлагал посредством «образования дельных и способных низших исполнительных чинов», то есть специальной вооруженной полицейской стражи¹.

Численность стражников определялась в 17 251 человека. Они подчинялись исправнику и станovým приставам. Функции стражников заключались в том, чтобы следить за порядком и «благочинием» в уездах. Согласно проекту упразднялись тысяцкие, пятисотские, сотские и десятские. Их обязанности возлагались на полицейскую стражу².

Военный министр Д. А. Милютин, министр финансов М. Х. Рейтерн, министр юстиции К. И. Пален и главноуправляющий II отделением С. Н. Урусов не поддержали общей концепции реформы. Они, как и при обсуждении проектов П. А. Валуева, подвергли критике статьи проектов, обеспечивавшие, по их мнению, доминирование МВД в местном управлении, и выступили против административного подчинения служащих полиции губернатору, как в дореформенный период, что выводило чинов полиции из сферы действия пореформенного законодательства. По мнению оппонентов А. Е. Тимашева, этому способствовали следующие положения проекта: закрепление за уездным исправником, помимо полицейских, административных функций; ограничение права судебных учреждений вмешиваться в действия исправника; наделение губернатора правом подвергать полицейских чиновников административным взысканиям, которое предоставляло чиновникам уездной полиции определенный судебный иммунитет³.

Комитет министров рассмотрел проект «Основных положений административно-полицейской реформы» 7 апреля 1870 г., отметив временный характер указа 1862 г. и настоятельную необходимость преобразования полиции. А. Е. Тимашеву рекомендовалось не затягивать подготовку реформы полиции и разработать соответствующий проект, при составлении которого следовало обратить особое внимание на материальные затраты⁴.

В конце 1870-х гг. Россия вступила в полосу внутривластного кризиса, вызванного сложной ситуацией в деревне, финансовыми издержками Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., противоречиями между различными группами российской бюрократии, давлением общества на власть, политическим террором радикальных революционных организаций⁵.

¹ Там же. Ф. 1286. Оп. 30. Д. 60. Л. 13об.

² Там же. Л. 6об., 14, 378об.

³ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 290. Л. 84, 88–89, 94, 108–109, 113, 135, 205, 208, 213.

⁴ Там же. Л. 225–226.

⁵ Чернуха В. Г. Внутренний кризис: 1878–1881 гг. С. 350–367.

31 марта 1878 г. Александр II распорядился «ввиду постоянно усиливающегося социально-революционного движения» образовать под председательством П. А. Валуева Особое совещание для изыскания мер к лучшему охранению спокойствия и безопасности в империи¹. Совещание констатировало, что в результате реформ произошло «ослабление административной и преимущественно полицейской власти». Вследствие этого предлагалось принять «хотя бы временные меры по усилению личного состава полиции, как в городах, так и в уездах, дабы там иметь большую возможность подавлять могущие возникнуть беспорядки и замешательства». Подготовка соответствующих предложений возлагалась на министра внутренних дел А. Е. Тимашева².

Основываясь на ранее подготовленных в МВД проектах образования мобильных полицейских подразделений, А. Е. Тимашев внес в Государственный совет предложение об увеличении штата полиции. Законом от 9 июня 1878 г. была введена должность полицейского урядника. Предполагалось, что численность урядников в 46 губерниях составит 5000³.

В полицейской реформе отразились черты, присущие всем реформам эпохи Александра II: чередование либеральных и консервативных тенденций в правительственной политике, зависимость преобразований от внутрисполитической обстановки, позиции монарха, его окружения и представителей высшей бюрократии. «Новые общественные явления» в виде земств, органов крестьянского самоуправления если и принимались в расчет при подготовке полицейской реформы, то с учетом особой роли полицейских институтов в системе местного управления и самоуправления. Несмотря на то что полиция реорганизовывалась в эпоху реформ, ее многочисленные обязанности не были существенно изменены, а тем более сокращены. Как правило, итогом обсуждения проектов полицейской реформы в высших государственных учреждениях становилось решение об «улучшении» какого-то одного направления деятельности полиции. Объяснение этого факта только политическими причинами означало бы существенное упрощение проблемы реформы уездной полиции.

На рубеже 1850–1860-х гг., в период активной фазы подготовки отмены крепостного права, одним из приоритетных направлений реформы являлось

¹ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. С. 59.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 416. Л. 87об.–88об., 93об.; Ф. 1286. Оп. 53. Д. 271. Л. 19.

³ Временное положение о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему учреждению управляемых // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 53. Отд. 1. № 58610. СПб., 1880. С. 398–400.

обеспечение законности в действиях полиции и правовое, а не административное регулирование взаимоотношений между личностью и государством. Замедление реформ в середине 1860-х гг., активизация революционеров-террористов привели к тому, что эта тенденция в проектах полицейской реформы ослабевает, но не исчезает.

Со второй половины 1860-х гг. среди направлений реформы преобладает идея увеличения численности полиции и упрочение ее полномочий в административно-правовой сфере. В связи с этим предлагалось реорганизовать институт сотских и десятских, сформировать в уезде мобильные полицейские подразделения, установить контроль полиции над органами крестьянского самоуправления, наделить чиновников и служащих полиции особым, отличным от положения других чиновников местного управления правовым статусом. Рост преступности в пореформенный период (см. табл.) перевел проблему увеличения правоохранительных (полицейских) сил в плоскость насущных государственных задач¹.

Таблица

Рост преступности в пореформенный период

№	Тип преступления	Количество случаев		Увеличение, %
		1863 г.	1868 г.	
1	Убийство	1005	1232	22,6
2	Грабеж	567	1078	90,1
3	Воровство	3254	8163	150,9

Судьба проектов в значительной степени зависела от финансового обеспечения реформы. МВД, готовившее значительную часть проектов полицейской реформы, предполагало осуществить их либо за счет государственного бюджета, либо посредством введения новых налогов. Большинство проектов было отклонено именно по финансовым соображениям (ограниченные возможности государства, отягощенность населения различными податями и т. п.).

Отсутствие в казне средств было главной причиной, по которой правительство так и не решилось отказаться от натуральной повинности при комплектовании низшего звена полиции – сотских и десятских. В конечном итоге из двух возможных вариантов преобразования полиции – милицейского

¹ Эти данные приводил министр внутренних дел А. Е. Тимашев, отстаивая проект административно-полицейской реформы (РГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 290. Л. 210–210об.).

(сотские, десятские и представители крестьянского самоуправления) и собственно полицейского (замена выборных назначенными полицейскими служащими, получавшими жалование и находившимися на государственной службе) – предпочтение было отдано первому.

Разумеется, в качестве основного оппоненты проектов полицейской реформы приводили финансовый аргумент. Однако существовали и другие, не менее значимые причины: противодействие МВД, стремившемуся усилить позиции министерства в системе местного управления, несогласованность положений проектов с действовавшим законодательством о полиции, отсутствие у представителей правительства (как и в юридической науке) единого подхода к определению роли и места полиции в государственном управлении. Так, одни (А. Е. Тимашев и в меньшей степени П. А. Валуев) видели в полиции прежде всего исполнительный орган местного управления, обеспечивавший общественную безопасность. Другие (Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн) выступали за проведение реформы полиции, сообразуясь с духом реформ 1860–1870 гг.

Широкомасштабная полицейская реформа не могла быть претворена в жизнь без существенного ограничения круга деятельности полиции, пересмотра законодательства, принципов комплектования полицейского корпуса. Проведение такого варианта реформы было возможно только в рамках реформы местного управления, обеспечившей передачу большей части обязанностей полиции прежним и вновь образованным учреждениям, с сохранением за полицией главным образом правоохранительных функций.

Подготовка проектов полицейской реформы и их обсуждение в высших государственных учреждениях характеризовалось противостоянием либеральных и консервативных представителей бюрократии. Вследствие этого законы о полиции носили компромиссный характер, что не могло не отразиться на организации и деятельности самой полиции. Усиление «противоправительственной агитации» в среде интеллигенции и террор народников внесли определенные коррективы в политику правительства в полицейском вопросе.

Признанный специалист по истории внутренней политики России второй половины XIX в. В. Г. Чернуха выделяла три периода в эпохе Великих реформ Александра II: 1859–1866 гг. – активное реформаторство; 1866–1878 гг. – замедление реформ; 1878–1881 гг. – внутренний кризис¹. Нам представляется, что предложенная периодизация применима и к реформе уездной полиции.

¹ Чернуха В. Г. Внутренний кризис: 1878–1881 гг. С. 304–367.

Е. В. Линькова

Польское восстание 1863 г. в оценках российских консерваторов

Польский вопрос традиционно находился в сфере внимания российских общественно-политических и государственных деятелей. С конца XVIII в. польская проблема становится ключевой темой дискуссий как вследствие особого исторического контекста, геостратегического положения польских земель, так и в результате активного вмешательства западноевропейских стран в обсуждение данного вопроса. Отечественные консерваторы – современники Польского восстания 1863 г. – предлагали свое видение польской темы. Исходя из всестороннего анализа польской истории и действительности, М. Н. Катков, Ф. И. Тютчев, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков и другие консервативные мыслители определяли движущие силы польского выступления, его истоки и перспективы. В событиях 1863 г. консерваторы усматривали реализацию интересов польской шляхты и католического духовенства, а также вмешательство стран Западной Европы, угрожавшее территориальной целостности России.

Ключевые слова: Польское восстание 1863 г., консерватизм, М. Н. Катков, Ф. И. Тютчев, М. П. Погодин, славянофилы, славянское единство.

Линькова Елена Валентиновна (Москва) – ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кафедра истории России, доцент; кандидат исторических наук.

Elena V. Linkova – Peoples' Friendship University of Russia, Department of Russian History, Associate Professor; Ph.D. (History).

e.v.linkova@yandex.ru

© Е. В. Линькова, 2019

Elena V. Linkova

The Polish revolt of 1863 in estimates of the Russian conservatives

The Polish problem has traditionally been in the sphere of attention of Russian public, political and state figures. Since the end of the 18th century, the Polish problem has become a key theme of polemics, because of the special historical context, the geostrategic position of the Polish lands, and as a result of the active intervention of Western European countries in the discussion of this question. Russian conservatives who were contemporary of the Polish insurrection of 1863 offered their vision of the Polish theme. M. N. Katkov, F. I. Tutchev, M. P. Pogodin, Yu. F. Samarin, I. S. Aksakov, and others based on a comprehensive analysis of Polish history and reality and they have identified the driving forces of the Polish revolt, its origins, and prospects. The conservatives saw the realization of the interests of the Polish nobility and Catholic clergy in the events of 1863, as well as the intervention of Western Europe, which threatened the Russia's territorial unity.

Keywords: The Polish insurrection of 1863, conservatism, M. N. Katkov, F. I. Tutchev, M. P. Pogodin, the Slavophiles, the Slavic unity.

Польский вопрос становится значимым для России еще во времена Средневековья. Приграничные конфликты между молодым Московским государством и Речью Посполитой (а до ее возникновения – Польшей и Великим княжеством Литовским), борьба за роль центра объединения русских земель, Смутное время, русско-польские войны середины XVII в., а также решение польского вопроса в годы правления Екатерины II, использование польской проблемы Наполеоном Бонапартом в своих целях в начале XIX в. – все эти аспекты неразрывно связали историю польского народа и Россию, оставили глубокий след в развитии русско-польских отношений. Таким образом, обращение российских мыслителей XIX в. к польской теме было обусловлено рядом объективных факторов. После Отечественной войны 1812 г. и Венского конгресса 1813 г., когда польские земли вошли в состав Российской империи, а также событий 1830–1831 гг. вопрос о статусе Польши, ее «особом» положении стал неотъемлемой частью общественно-политических дискуссий в России.

Польская тема приобретает особую значимость в том числе вследствие активного вмешательства западноевропейских государств в и без того сложные взаимоотношения между Россией и Польшей, а точнее, представителями той части польского населения, которая выступала за автономию или, более того, независимость польских земель и восстановление суверенитета государства. Исторически в Польше сходились интересы многих европейских держав: России, Пруссии, Австрии, Саксонии, Франции. На протяжении всего XVIII в. деятельность французской дипломатии была направлена на поддержание в Польше сил, противостоящих России и ее все возрастающему влиянию в этом государстве. Так, политика «восточного барьера», которую реализовывала Франция в отношении Австрии в XVII в., стала неотъемлемым компонентом во взаимоотношениях между Россией и французским королевством в XVIII столетии. Одно из звеньев «восточного барьера», наряду с Османской империей и Швецией, польское государство стало своеобразной точкой напряженности, которую использовали французские дипломаты для ограничения влияния России в Восточной Европе, ставшего особенно заметным в середине XVIII в.

Впоследствии польскую тему активно использовал Наполеон Бонапарт, который отмечал, что «Польша – это естественный барьер между Западной Европой и Россией»¹. Более того, французский император открыто заявлял о своих намерениях, явно противоречивших российским геополитическим интересам: «Если я выйду победителем из военной кампании с Россией, Польша станет великой державой, хорошо организованной, с армией в двести тысяч человек; она станет неприступным барьером для России»².

Польская проблема вновь приобрела актуальность в посленаполеоновскую эпоху. Особенно острыми были противоречия во время польских восстаний 1830 и 1863–1864 гг. Франция оказала ощутимую поддержку католическому духовенству и шляхте, что не осталось незамеченным российским обществом и правительством. Поэтому польский вопрос не только превратился для России в острую внутривнутриполитическую проблему, но и повлек за собой борьбу с Западной Европой за геополитическое пространство, единство и целостность империи.

Согласно решениям Венского конгресса 1815 г., Великое герцогство Варшавское стало частью Российской империи под названием Царство Польское. Впоследствии оно получило Конституцию, а также признание

¹ Napoléon. Pensées politiques et sociales, rassemblées et présentées par A. Dansette. Flammarion, 1969. P. 359.

² Там же. P. 338.

польского языка в качестве государственного, право на создание войска, свободу печати, независимость суда и т. д. Император Николай I в первые годы своего правления старался следовать положениям Конституции 1815 г., демонстрировал лояльность к полякам, предоставив им льготные условия для развития польской промышленности и торговли, и т. д. Однако эти меры не могли удовлетворить польскую шляхту, мечтавшую о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г.

Вполне логично, что вопрос о независимости Польши нашел отклик в общественном мнении России. Свое решение польской проблемы предлагали представители консервативного направления, для которых польская тема стала одной из ключевых как в геополитических, так и в общественно-политических дискуссиях. В 1819 г. Н. М. Карамзин в своей записке «Мнение русского гражданина», поданной Александру I, писал о недопустимости предоставления Польше независимости: «Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское, но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости?.. Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли (т. е. Белоруссия, Литва, Волынь и Подолия) уже были Россией, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина отвечает Богу, отвечает истории за свое дело, но оно уже сделано, и для Вас – свято уже: для Вас Польша есть законное Российское владение. Старых крепостей нет в политике: иначе мы должныствовали бы восстановить Казанское и Астраханское царства, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волыния, Подолия вместе с Галицией были некогда коренным достоянием России...»¹

Во многом содержание карамзинской записки было близко к тем идеям, которые выражали по отношению к Польше консервативные представители западноевропейской мысли. В этом смысле небезынтересно обращение к наследию французского консервативного деятеля Ж. де Местра, а также дипломата Ш.-А. Поццо ди Борго. Оба состояли на русской службе в первой

¹ Карамзин Н. М. Мнение русского гражданина // ЛитМир – электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=281112&p=1> (дата обращения: 28.05.2018).

четверти XIX в. и не только были популярны в придворных кругах, но и имели возможность оказывать определенное влияние на императора Александра I.

Поццо ди Борго не поддерживал либеральные помыслы императора, в частности конституционные проекты в отношении Польши. В ходе работы Венского конгресса Поццо ди Борго представил Александру I записку, в которой уточнял, что «реставрация» Польши приведет к «задержке развития нравственности, образования, искусства и либеральных идей»¹, нарушению политического баланса в Европе.

И. С. Аксаков, А. Ф. Гильфердинг, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Тютчев, М. Н. Катков, М. П. Погодин и другие мыслители предлагали рассматривать польский вопрос сквозь призму идеи славянского единства, обращали внимание на негативную роль Западной Европы в его разрешении. Вмешательство западноевропейской дипломатии, общественно-политических деятелей лишь подогрело обстановку вокруг Польши, способствовало появлению суждений о начале новой войны Запада против России, отправной, «идейной» точкой которой стала Польша. Когда в 1863 г. в Польше вспыхнул новый мятеж, как и в 1830 г. получивший поддержку со стороны европейских государств, опасения консервативных мыслителей усилились.

Необходимо отметить, что даже после подавления восстания в 1830-х гг. революционные настроения в Царстве Польском не утихали. С восшествием на престол Александра II политика правительства в отношении Царства Польского постепенно менялась и представляла собой цепочку уступок, ведущих к восстановлению Конституции 1815 г. В результате политическая ситуация в регионе обострилась, увеличилось число поляков, эмигрировавших из страны, а в 1860 г. прошли первые антироссийские выступления в Варшаве. Как и 30 лет назад, представители польской шляхты вновь потребовали восстановления Польши в границах 1772 г., а также обратились за помощью к западноевропейским державам, в частности к Франции. Польское восстание 1863 г. привело к заметному осложнению русско-французских отношений. Франция настаивала на реализации основных требований восставших, согласно которым России предлагалось предоставить Польше автономию, создать национальное представительство в Варшаве и объявить амнистию всем участникам восстания.

События 1863–1864 гг. заставили русских мыслителей обратиться к истокам противоречий между Россией и Польшей, выдвинуть проекты урегулирования этой проблемы. Польская тема стала составной частью геополитических построений отечественных консерваторов, выступавших

¹ Цит. по: *Парсамов В. С.* Декабристы и Франция. М., 2010. С. 76.

за единую и неделимую Россию, за решение польского вопроса как внутри-политического.

Российское государственное руководство предлагало различные способы решения польского вопроса. Например, великий князь Константин Николаевич рекомендовал дать Польше определенные политические права, в результате чего царское правительство приобрело бы опору среди польской шляхты. Н. А. Милютин, выступавший против подобной «примирительной» позиции, настаивал на необходимости проведения аграрных реформ для привлечения на российскую сторону польского крестьянства.

А. Ф. Гильфердинг в статье для «Русского инвалида» (16 и 17 ноября 1863 г.) «Положение и задача России в Царстве Польском» именовал польскую шляхту «организмом разложившимся и уже не способным к новому развитию». Решение польского вопроса мыслитель видел в политике, направленной на подъем польского крестьянства, призывал «дать ему (крестьянству. — *Е. Л.*) независимость материальную... открыть крестьянству самостоятельное участие в общественной жизни страны посредством крепкой организации крестьянских общин»¹.

Польский вопрос, вмешательство в него западноевропейских государств, в особенности во время правления Наполеона III, — все это нашло живой отклик в поэзии, переписке и публицистическом наследии Ф. И. Тютчева. Он выражал надежду на то, что Польша вернется в лоно славянских народов:

...А помирятся ж эти две,
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...²

И. С. Аксаков отмечал, что «польский вопрос решался для Тютчева степенью верности польского народа славянской народности и славянским церковным, то есть восточным или вселенским, преданиям. Но изо всех ветвей славянского племени польская сильнее всех отторглась от славянского братства, — отрекшись от существеннейших стихий славянства, изменив духу славянскому, предавшись на сторону Запада, приняв в душу, в кровь и плоть своей национальности латинство и таким образом связав свою судьбу с судьбою всего латинствующего западного мира»³.

¹ Цит. по: *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 6. М., 2005. С. 442.

² Там же. Т. 2. С. 17.

³ Цит. по: *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений... Т. 2. М., 2003. С. 351.

Движущей силой восстания Ф. И. Тютчев считал польскую шляхту и польских эмигрантов, которые преследовали собственные, зачастую материальные, интересы. В угоду Западной Европе они искажали идею славянского единства, отнюдь не стремясь к равноправию славянских народов. Мыслитель отмечал, что Россия готова сочувствовать той части польского народа, которая могла бы «высвободиться из-под своей антиславянской истории»¹, более того, «Россия для примирения своего с поляками не ждет и не требует, чтобы они сделались русскими, а чтобы они сделались славянами – чтобы славянская Польша окончательно заменила латинскую»².

Ю. Ф. Самарин указывал на религиозную составляющую русско-польских противоречий, то есть борьбу между православием и католицизмом. Истоки притязаний Польши на особую роль и доминирование в славянском мире лежат в исторической роли польского государства, ставшего своеобразным оплотом латинской церкви в Восточной Европе. Ю. Ф. Самарин предлагал два варианта решения польской проблемы: «...нераздельное сочетание Польши с Россией...» либо в «добровольном и полном отречении России от Царства Польского»³. Важно отметить, что польский вопрос вызывал у славянофилов серьезные опасения, так как польская шляхта не ограничивалась требованиями национального суверенитета, предъявляя территориальные претензии, которые распространялись на белорусские и украинские земли, что, в свою очередь, подрывало российскую государственность.

Консервативные мыслители отмечали, что за польским сепаратизмом стоят не только национальные интересы Польши, но и дипломатические усилия европейских держав. Русская интеллигенция, настроенная, как правило, очень либерально, в том числе и по отношению к полякам, резко изменила свои взгляды после народных выступлений 1863–1864 гг. В данном случае России угрожала не только потеря отдельных национальных окраин, но и столкновение с европейскими державами, равнозначное Крымской войне 1853–1856 гг.

Консервативные мыслители призывали к правильному пониманию польской проблемы, указывая на целый комплекс вопросов, неразрывно связанных с ее решением. Так, обращал на себя внимание тот факт, что Польша, не желая ограничиваться обретением независимости от России, а требуя возвращения исторических границ, нарушала тем самым интересы и западных

¹ Там же. Т 6. С. 231.

² Там же. С. 232.

³ Цит. по: Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2005. С. 483.

славян, и православных, проживающих на литовских, белорусских и украинских землях (речь идет о польском государстве «от моря до моря»).

А. Н. Попов, один из представителей славянофильского лагеря, отмечал, что восстановленная в границах 1792 г. Польша станет «семенем раздора для славян»¹. Он высказывал мысль, близкую точке зрения Ф. И. Тютчева: «Русские не враги полякам как племени славянскому, но не могут быть друзьями той Польши, которая, обливая кровью всю Малороссию и Литву, всеми народными благами жертвовала для выгод своей аристократии»².

Весьма интересной представляется трактовка польского вопроса М. П. Погодиным, который еще в 1854 г., в разгар Крымской войны, опубликовал две статьи, посвященные польской проблеме. В частности, мыслитель предлагал создать союз славянских государств и дать свободу Польше, мотивируя это тем, что для России выгоднее не «держат ее при себе»³, «...быть во главе двадцати дружеских государств, нежели питать у своей груди одно враждебное...»⁴.

М. П. Погодин полагал, что Польша, находясь в составе России, создает очаг напряженности в самом государстве, а деятельность польских эмигрантов способствует осложнению внешнеполитической ситуации. Вопрос о границах польского государства, столь неоднозначный и вызывающий острые дискуссии, М. П. Погодин предлагал решить, оставив Польше лишь те области, где был распространен польский язык.

Свое решение проблемы предлагал и М. Н. Катков, чье понимание польского вопроса было близко воззрениям Ф. И. Тютчева. При анализе переписки Ф. И. Тютчева становится очевидным идейное сближение двух мыслителей, которое пришлось как раз на начало 1860-х гг. Так же как и Ф. И. Тютчев, М. Н. Катков не допускал польского и украинского сепаратизма и настаивал на необходимости сохранения целостности России.

Примечательно, что М. Н. Катков, анализируя польские события, представлял их не только в качестве опасной для России тенденции, но и некой

¹ Письма к В. Ганке из славянских земель // Изд. В. А. Францев, проф. Императорского Варшавского университета. Варшава: тип. Варшавского учебного округа, 1905. С. 865.

² Там же.

³ *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М.: тип. В. М. Фриш, 1874 // Электронная библиотека ГПИБ. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/8608#mode/inspect/page/142/zoom/4> (дата обращения: 31.05.2018).

⁴ Там же.

«грозы, очищающей атмосферу»¹. Позиция мыслителя отличается решительностью в отношении восставших, он требовал принятия жестких мер (в частности, предлагал установить в Польше военную диктатуру, провести «скорый и суровый военный суд и немедленную расправу»²). Подавление восстания, по мнению М. Н. Каткова, – это скорее военный, нежели политический вопрос, решение которого будет иметь существенные последствия как для Польши, так и для России. Польское восстание «делает необходимым соединение Царства Польского с Россией»³, то есть речь идет о ликвидации всех особых прав поляков. Более того, М. Н. Катков, как и Ф. И. Тютчев, усматривал в польском вопросе сильное западноевропейское влияние, выражающееся прежде всего в требованиях Англии и Франции к России. Мыслитель настаивал, что польский вопрос – это вопрос внутривнутриполитический, который недопустимо выносить на международное обсуждение.

Решение польской проблемы М. Н. Катков видел в ликвидации обособленного положения Царства Польского, существование которого являлось своеобразным «раздражителем» российского общества и провоцировало антиправительственные и антироссийские дискуссии, а также распространение идей о независимости в среде польской интеллигенции: «Оставлять за Польшей какую-либо политическую особенность значило бы понапрасну питать в польской национальности несбыточные надежды на восстановление польского королевства и тем поставлять ее в враждебные отношения к России, делать ее смертельным нашим врагом и подготавливать для будущего возможность новых восстаний, новых кровопролитий»⁴.

Более того, М. Н. Катков в духе воззрений отечественных консерваторов подчеркивал, что истоки польских выступлений связаны с интересами отдельных социальных групп польского общества, например шляхты: «Не польский народ – враг наш. Не польскую национальность поражаем мы, подавляя восстание. Мы боремся с интригой, которую затеяло властолюбие шляхты и ксендзов»⁵.

Таким образом, отечественным консерваторам середины XIX столетия свойственна крайне негативная оценка деятельности европейских стран

¹ Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. М.: тип. В. В. Чичерина, 1897 // РГБ. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003946882#?page=45> (дата обращения: 31.05.2018).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

в отношении польской проблемы, а поддержка, которую Франция оказывала польской шляхте, рассматривалась как прямое вмешательство во внутренние дела, угроза территориальной целостности России. В этой связи подавление Польского восстания 1863 г. представлялось консерваторам единственно правильным решением, направленным как на сохранение целостности Российского государства, противостояние историческим претензиям католичества на западные регионы России, так и на борьбу с революционными тенденциями и отстаиванием права России на самостоятельную внутреннюю политику.

Т. В. Мусиенко

Политический терроризм в России: историческая ретроспектива

Раскрыты сущность и содержание терроризма как социально-политического явления. Дана историческая ретроспектива возникновения элементов политического терроризма в Российской империи. Показаны террористические методы решения политических вопросов в российской истории и их влияние на содержание политического курса.

Ключевые слова: политический терроризм, террористические методы, политический розыск, агенты, инициативники, следствие, пособничество, теракт, опричнина, политический курс, самодержавие.

Мусиенко Тамара Викторовна (Санкт-Петербург) – ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России», заместитель начальника университета по научной работе, профессор кафедры философии и социальных наук; действительный член Международной академии исследования будущего; действительный член Академии геополитических проблем; действительный член Петровской академии наук и искусств; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук»; доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент.

Tamara V. Musienko – St. Petersburg University State Fire Service EMERCOM of Russia; Deputy Head of the University for Scientific Work, Acting member of the International Futures Studies Academy (IFRA); Full member of the Academy of Geopolitical Problems; Full member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts; Associate Scientific Researcher of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; Dr. (Political Sciences), Ph.D. (History), Associate Professor.

tvm7777@mail.ru

© Т. В. Мусиенко, 2019

Tamara V. Musienko

Political terrorism in Russia: Historical retrospective

The essence and content of terrorism as a socio-political phenomenon are revealed. The historical retrospective of the emergence of elements of political terrorism in the Russian Empire is given. Terrorist methods of solving political issues in Russian history and their impact on the content of the political course are shown.

Keywords: political terrorism, terrorist tactics, political investigation, agents, initsiativniki, consequence, aiding and abetting, the attack, the oprichnina, the political course, the autocracy.

Терроризм как явление социально-политического развития отражает конфликтное взаимодействие различных сил в обществе. В этом качестве элементы политического терроризма в Российском государстве присутствуют с давних времен. Страна, постоянно находившаяся под угрозой внешней агрессии, раздираемая внутренними междоусобицами, накопила большой опыт разрешения острых политических противоречий путем использования радикальных, жестких форм политической борьбы, к которым в первую очередь следует отнести террористические методы.

Сущность и цели такого рода акции устрашения и решения политических задач не претерпели существенных изменений до настоящего времени. В этом смысле элементы политического терроризма отражены в истории нашего Отечества.

В настоящее время масштабы политического терроризма приобрели глобальный характер, противодействие ему зачастую требует помощи дружественных стран или коалиций, использования регулярных вооруженных сил¹. По определению Организации Объединенных Наций терроризмом «во всех его формах и проявлениях является деятельность, которая направлена на уничтожение прав человека, основных свобод и демократии, создает угрозу территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизируют законные правительства»².

¹ См., например: Расширенное заседание коллегии Министерства обороны 22 декабря 2017 года // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56472> (дата обращения: 23.05.2018).

² Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. Резолюция 60/288 от 08.09.2006 // Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 23.05.2018).

С учетом современной ситуации Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 82-ФЗ внесены соответствующие изменения в Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹.

Эти и ряд других обстоятельств актуализируют проблему политического терроризма.

Силовое давление верховной власти (в ряде случаев на отдельных исторических этапах по сути в форме государственного террора) по отношению к оппозиционно настроенным согражданам, злоумышления последних против власти, ожесточенная борьба за трон – в основе таких действий всегда находился либо конфликт интересов претендентов на верховный государственный пост, либо конфликт классов или социальных групп с антагонистическим мировоззрением.

По подсчетам отечественных исследователей, начиная с Киевской Руси в нашей стране 28% правителей умерли насильственной смертью².

Автор уже обращался к проблеме терроризма, исследуя в том числе исторические аспекты проблемы³. Российскую ретроспективу политического терроризма можно начать с террористического акта против великого князя Киевского Ярополка, уничтоженного по приказу родного брата Владимира, во время правления которого состоялось Крещение Руси. Владимир, поименованный на Руси впоследствии Святым, женился на беременной жене убитого им брата, поэтому родившегося мальчика Святополка современники называли сыном двух отцов⁴.

¹ См.: Федеральный закон от 18 апреля 2018 года № 82-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 5.1 Федерального закона „О противодействии терроризму“» // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/42965> (дата обращения: 23.05.2018).

² См.: *Галкин Е. Б.* Некоторые историко-социальные черты российской монархии // Социс. 1998. № 5. С. 14–15.

³ *Мусиенко Т. В., Лукин В. Н., Журавлев В. А. и др.* Международный терроризм: Политический анализ рисков и стратегий обеспечения безопасности: в 3 т. / гл. ред. А. А. Оводенко. СПб.: Наука, 2008; *Мусиенко Т. В., Лукин В. Н., Пиджаков А. Ю.* Международный терроризм: вызовы и противодействие: в 3 т. / глав. ред. В. Л. Михеев. СПб.: Архей, 2011; *Мусиенко Т. В., Лукин В. Н., Бунаков М. Ю.* Концепты и критерии модели политического анализа силовых контртеррористических стратегий А. Долника // Таможенные чтения – 2014. Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела (к 20-летию Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2014. С. 295–303; и др.

⁴ *Иорданов М.* Дело № 666. Террор. Махачкала: Юпитер, 2002. С. 62.

Хотя великий князь Владимир усыновил племянника Святополка, он не любил его. По летописным сведениям, Святополк, княживший в Турове, был женат на дочери польского короля и хотел при его содействии отделиться от Руси. Обрадованный кончиной дяди, он созвал киевлян, щедро одарил их из казны и объявил себя великим князем. Законный же наследник, сын Владимира князь Борис, находился в походе¹.

Первым в русской истории случаем террористического акта, который зафиксирован в летописях, является политически мотивированное убийство князей братьев Бориса и Глеба, совершенное в борьбе за киевский трон дружинниками Святополка (XI в.)².

Сын Владимира Святого князь Борис был моложе Святополка и отличался от него смиренным нравом и набожностью. Возвращаясь из похода против печенегов, он получил известие о смерти родителя и призыв идти на княжение в Киев. Чтобы не допустить этого, Святополк послал наемных убийц с заданием убить Бориса.

Другой жертвой наемников Святополка стал муромский князь Глеб, брат убитого Бориса. Святополк отправил к нему гонца с известием о болезни Владимира. Но по пути Глеба и его малой дружины в Киев на берегу реки Смядыни под Смоленском на них напали посланные Святополком убийцы. В результате террористического акта погиб и третий сына Владимира – древлянский князь Святослав, убитый у Карпатских гор.

Свою жизнь Святополк, проклятый русскими людьми и прозванный в летописи Окаянным, окончил «в пустынях Богемских».

Следует отметить, что история убийства Святополком братьев Бориса и Глеба – одно из первых летописных сообщений о политическом розыске. Подробно описывается процедура подготовки Святополком убийства братьев: требование присяги от вышегородских бояр, постановка боевой задачи и требование секретности как основного условия ее выполнения, указаны имена командира боевой группы Горясера и убийцы Глеба – повара Торчина, наконец, упомянуто об опознании трупов на месте убийства Бориса³.

У князя был любимый слуга – венгерский отрок Георгий, носивший на шее золотую гривну. Убийцы не смогли ее снять и, чтобы сделать это, отрубили несчастному голову. Имена убийц сохранились в летописной памяти – Путша, Талец, Елович и Ляшко. Они завернули тело Бориса в холст

¹ Кошель П. А. История российского терроризма. М.: Голос, 1995. С. 214.

² Там же. С. 214–215.

³ Жаров С. Н. По следам политического розыска в Киевской Руси // Правоведение. 2009. № 2. С. 208.

и привезли Святополку. Тот, увидев, что князь еще дышит, велел двум варягам прикончить его, и слуги вонзили меч в сердце юноши. Из текста летописи неочевидно, что тело Георгия нашли среди трупов. Но ясно, что уже тогда проводились следственные действия, а именно осмотр места происшествия и опознание. Случайно это произойти не могло, поскольку тело Бориса, в отличие от тела Глеба, убийцы вывезли в Вышгород.

Методы политического террора стали использоваться на Руси не только против правителей, но и князей, бояр и купцов. В ночь с 28 на 29 июня 1174 г. был убит сын Юрия Долгорукого великий князь Суздальский Андрей Боголюбский. Князь Андрей был женат на дочери боярина Кучки, казненного Юрием Долгоруким. По преданию, из имени этого боярина, конфискованного Долгоруким, выросла Москва. Братья жены Боголюбского, находившиеся при нем, задумали заговор и подготовили убийцу¹.

Дело об убийстве Андрея Боголюбского также пример организации расследования теракта. Летописец подробно описывает причины и замысел убийства, состав заговорщиков, дословно цитирует их разговоры, шаг за шагом фиксирует слова и действия всех участников события — князя, слуги и убийц.

Князья-наследники или ближайшее окружение князей не могли не быть заинтересованы в проведении тщательного расследования совершенных убийств как с целью покарать виновных, так и для извлечения и использования опыта организации теракта и совершенствования системы собственной безопасности.

Полнота проведения розыска, позволившая летописцу с абсолютной уверенностью указать на организатора и заказчика убийства Бориса и Глеба — Святополка, более чем через 150 лет дала возможность другому летописцу охарактеризовать замысел убийства Андрея Боголюбского как «дияволим наущением»², не обозначая участие кого-либо из князей в его организации.

Далеко не всегда розыск по факту политического убийства был успешен. Пример тому приведен в летописном описании событий 1078—1086 гг.

После гибели Изяслава Ярославича киевский великокняжеский престол занял его брат Всеволод, вознаградивший своего племянника вышгородского князя Ярополка Изяславича Владимиро-Волынским княжеством.

¹ *Иорданов М.* Дело № 666. С. 63.

² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 219.

Ярополк принял при своем дворе изгоев, сыновей тмутараканского князя Ростислава Владимировича – Рюрика, Володаря и Василька. Неблагодарные Ростиславичи в 1084 г. изгнали Ярополка. Великий князь послал войско во главе с сыном Владимиром. Восстановив на владимири-волынском престоле Ярополка, Владимир Всеволодич урезал княжество в пользу еще одного изгоя, Давыда Игоревича, отдав ему Дорогобуж на Волыни. Ярополк остался этим весьма недоволен и пытался силой изменить это решение, но Всеволод вновь послал войско, и Ярополк бежал в Польшу, а Давыду Игоревичу досталось уже все княжество.

В 1086 г. Ярополк вернулся, помирился с дядей и вернул себе владимири-волынский престол, но через несколько дней по пути в Звенигород его проткнул саблей собственный дружинник Нерадец. Летопись явно указывает на политический характер этого заказного убийства: Нерадец «от диавола научень и оть лукавыхъ человекъ»¹.

Анализ этого летописного сюжета дает основание предположить, что в ближнем окружении Ярополка имелась агентурная (внедренная или завербованная) группа, которой было поручено отслеживать враждебные намерения князя относительно Ростиславичей, а в случае реализации этих намерений – воспрепятствовать этому.

Группа успешно выполнила задание. С. М. Соловьев отмечал: «Посидевши мало времени во Владимире, Ярополк отправился к Звенигороду; мы не знаем, зачем предпринял он это путешествие? Мы не знаем еще, кому принадлежал в это время Звенигород? Очень вероятно, что Ростиславичам; очень вероятно, что выражение летописца „Идее Звенигороду“ означает поход воинский»². Естественно, что после убийства князя поход не состоялся.

Автор упомянул о группе агентов или единомышленников Нерадца. Убить князя, окруженного войском и верными боярами, а затем скрыться целым и невредимым можно лишь при наличии группы поддержки.

Что же касается заказчиков этого убийства, то Н. М. Карамзин, оправдывая Ростиславичей, полагал, что они, «приняв изменника, навлекли на себя гнусное подозрение, более несчастное, нежели справедливое»³.

Напротив, С. М. Соловьев прослеживает вероятность вины именно Ростиславичей, хотя не исключает заинтересованности и Давыда Игоревича.

¹ Летописный сборник... С. 114.

² *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 кн. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993–1998. Кн. 1, т. 2. С. 394.

³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 4 кн. Кн. 1. Ростов н/Д., 1997. С. 232.

М. Х. Алешковский указывает на возможность инициативы или заинтересованности в этом убийстве самого киевского князя Всеволода Ярославича¹.

На основе анализа летописных описаний примеров политического терроризма можно определить наличие техники политического розыска. Основным и наиболее эффективным средством получения информации и проведения тайных операций была уже в те времена существовавшая внутренняя агентура. Приобретение ее сегодня именуется вербовкой. Летопись представляет нам два примера вербовки, где вербовщиками или инициаторами вербовки выступали князья.

Так, Святополк Владимирович, решив убить братьев, обратился к боярам: «...и рече имъ: „Прияте ми всемъ сердцемъ“. Рече же Путша с вышгородскими боярци: „Можем главы своя сложити за тя“»².

Святополк к этому времени уже занимал великокняжеский престол, и бояре и без того были обязаны хранить ему верность. Но великий князь потребовал особой присяги в верной службе в тайном деле и лишь после такой присяги выдал своим агентам задание на убийство Бориса.

Гораздо тоньше и искуснее провел Владимир Святославич вербовку Блуда, воеводы Ярополка. «Володимеръ же посла къ Блуду, воеводе Ярополчю, съ лестью глаголя: „Поприрай ми! Аще убью брата своего, имети ты хочю во отца место, и много честь возьмешь от мене: не язъ бо почаль братью бити, но онъ. Азь же того убоявьясь придох на нь“. И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: „Азь буду тебе в сердце и въ приязньство“»³.

В вербовочном предложении ясно выделяются несколько частей: цель тайных действий (убийство Ярополка), убеждение в правоте и справедливости своего дела (он первый начал убивать братьев) и обещание вознаграждения (сыновнее уважение и многие почести). В ответ та же присяга, но иначе сформулированная. И еще одна тонкость: здесь вербовка проведена не лично князем, а через посредничество специальных послов-вербовщиков.

И Владимир, и сын его Святополк озаботились приобретением тайных пособников лишь тогда, когда в их услугах возникла потребность. А вот Ярослав Владимирович приобрел агентуру заранее, и в нужный момент ему было к кому обратиться: после смерти отца и убийства Бориса сестра Предслава сообщила ему не только о происшедшем, но и о намерениях Святополка.

¹ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 61.

² Новгородская первая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 170.

³ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. С. 54.

А когда потребовалось определить точное время и место нападения на Святополка, у Ярослава уже имелся в окружении брата «муж в приязнь». Заблаговременно подвел Ярослав агентов и к остальным братьям, и как только он получил сведения, давшие основание усомниться в благонадежности Судислава, тот немедленно угодил в «поруб». Правда, в этом случае летопись не указывает на источник доноса, вполне возможно, его составил и «инициативник».

Кроме завербованных агентов, в некоторых случаях летопись уверенно показывает нам «инициативников» и первого среди них – Анастаса Корсунянина, благодаря предательству которого Владимир смог сломить сопротивление осажденного Корсуня.

Социальный состав агентуры характеризуется близостью к престолу и, соответственно, возможностью доступа к информации. В роли агентов выступали родственники князей, воеводы и дружинники.

Специализация агентуры в то время еще не устоялась, и если Предслава была информатором в чистом виде, а Горясер и его команда – «боевиками», то Блуд успешно сочетал функции агента влияния и боевика. Об информации, поставляемой Нерадцем, летопись не сообщает, но можно предположить, что и в нем сочетались функции осведомителя и боевика.

Различны и судьбы агентов. Воевода Блуд, послуживший Владимиру Святославичу в борьбе с его братом Ярополком, обрел почет и уважение, был назначен дядькой (воспитателем) Ярослава Владимировича и мог наслаждаться жизнью. Но при встрече русского и польского войск на Буге 22 июля 1017 г. именно он стал насмехаться над королем Болеславом Храбрым и после разгрома Ярославова войска был убит¹.

Известно и другое имя этого воеводы, спровоцировавшего своей несдержанностью встречный бой, в котором войско его князя и покровителя было разбито. Автор «Повести временных лет» в Софийской летописи именует воеводу Будолом.

Судьба Предславы Владимировны также сложилась печально. Вскоре после вышеописанных событий Болеслав и его союзник Святополк заняли Киев. Ранее сватавшийся к Предславе, но получивший отказ, Болеслав изнасиловал ее. Брат Святополк не заступился за девушку, видимо зная или догадываясь о ее агентурной деятельности. В качестве королевской наложницы Предславу увезли в Польшу².

¹ Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. М., 2000. Ст. 130.

² Там же.

Анастас Корсунянин не имел оснований жаловаться на судьбу. После триумфального возвращения Владимира из ограбленного Корсуня и строительства Десятинной церкви в 996 г. он был поставлен во главе ее и получил в свое распоряжение десятую часть всех доходов великого князя, пожалованную этой церкви: «„Даю церкви сей святей Богородици от имени моего и от градъ моихъ десятую часть“. И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: „Аще кто сего посудить, да будетъ проклять“. И власть десятину Настасу Корсунянину»¹.

Когда в 1017 г. «Болеславъ же побеже ис Києва, възма именье и бояры Ярославле и сестре его», Анастас сумел подольститься к польскому королю, и тот приставил его кладовщиком к награбленным сокровищам.

Д. С. Лихачев, анализируя текст «Повести временных лет», отмечал, что «широкое отражение получила в летописи и специальная терминология: военная, феодальная, юридическая, охотничья (особенно в „Поучении Мономаха“) и т. д.»². Это можно отнести и к оперативно-разыскной терминологии — именно в этот период закладывались ее основы.

В настоящее время взаимоотношения агентов и их кураторов из государственных спецслужб именуется термином «сотрудничество», а сами агенты — секретными сотрудниками. В Киевской Руси использовался термин «приязньство». В украинском языке, сохранившем больше славянских корней, есть глагол «сприяти» — способствовать. Отсюда «поприяи ми» — поспособствуй мне, «мужъ в приязнь» — пособник, а «приязньство» — пособничество. Именно этим термином называлось секретное сотрудничество у наших далеких предков.

Позднее появился специальный термин для обозначения агентов влияния — «норовник». Летописец, описывая события 1480 г. (стояние на Угре), показывает великого князя Ивана Васильевича, «боящееся Татарского прохождения, а слушая злыхъ человекъ сребролюбцевъ богатыхъ и брюхатыхъ, предатели христианскихъ, а норовниковъ Бесерменскихъ, иже съветуютъ государю на зло христьяньское, глаголющее: „Поиди прочь, не можеша с ними стати на бой“»³.

¹ *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. С. 85.

² *Лихачев Д. С.* Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1999. С. 249.

³ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 328.

Для обозначения розыскных действий использовался термин «испытание». Летописец, сообщая о событиях 1069 г., когда «пришед Мьстиславъ, сече кияны, иже беша высекли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ»¹, укоряет Мстислава Изяславича в том, что он казнил киевлян, не проведя тщательного розыска, вследствие чего пострадали и невиновные. Так же назван розыск Яна Вышатича о преступлениях волхвов в Белоозере в 1071 г.: «Янь же, испытавъ, чья еста смерда»².

Но древнерусское «испытание» не подразумевало обязательного применения пыток, этим словом назывался процесс получения какой-либо информации, связанный с расспросами. Так, в 1380 г. Мамай «нача испытovati отъ старыхъ историй, како царь Батый пленилъ Русскую землю и всеми князи владелъ, якоже хотелъ; и извопрашавъ, и уведевъ отъ всехъ своихъ подлинно»³.

Получение же разведывательной информации, будь то агентурные сведения, донесения полевой разведки или пограничной стражи, называлось термином «слышать». Во многих летописях подчеркивается немедленное реагирование власти на такую информацию: «Се слышав царь посла к Игорю лучие бояре»; «Слышавъ же Святополкъ, идуша Ярослава, пристрои бе щисла вой» и т. п.

Таким образом, в Киевской Руси «политический розыск» осуществлялся на уровне, вполне адекватном уровню развития государства. Розыск организовывали князья, в некоторых случаях они лично принимали участие в «оперативно-розыскных» мероприятиях. Такие действия обеспечивали безопасность власти.

Не создав постоянных структур и не разделяя политический розыск и разведку, древнерусские князья тем не менее заложили основу для формирования в дальнейшем органов государственной безопасности.

Вероятно, первые попытки определения террористических по своему содержанию проявлений следует отнести к XVI в., когда формировалось понятие «хитрости» (аналог «прямого умысла» в современном праве). Например, этот термин используется в Судебнике 1550 г.

Появление этого признака было весьма важным для определения сущности и содержательной стороны актов терроризма, так как последние не могут совершаться случайно, по неосторожности, а предполагают наличие ясной цели и «злого умысла».

¹ *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. С. 116.

² Там же. С. 118.

³ Летописный сборник... // ПСРЛ. Т. 11–12. М., 1965. С. 46.

Трансформировавшись в «умышление», это понятие в Соборном уложении 1649 г. было представлено в трех формах: умышление татей на убийства; воровской умысел (то есть совершение наиболее тяжких общеуголовных преступлений организованными преступными группами); государственные преступления и посягательства против государя (умышление на его здоровье, завладение государством, поджог города и др.)¹.

В Судебнике 1589 г. сформулированы признаки субъекта террористической деятельности. Именно в этом правовом акте проводится разграничение виновных лиц по видам преступной деятельности: тать, разбойник, зажигальник, грабитель, миропродавец, душегуб, крамольник и т. д.²

В Средневековье не могло быть и речи о криминализации актов террора, осуществляемых царем в отношении собственного народа. Так, не могли рассматриваться как противоправные во многом террористические по сути методы правления Ивана IV в 1565–1584 гг.

В конце 1564 г. царь выехал с ближайшим окружением из Москвы в Александровскую слободу (ныне г. Александров Владимирской области), фактически «самоотлучив» себя от трона. В январе 1565 г. он обратился с «грамотами» к митрополиту, а также к гостям, купцам и ко всему православному христианству города Москвы, в которых обвинил бояр и воевод в многочисленных изменах.

В качестве условия возвращения на царство Иван IV выдвинул требование об образовании нового государственного учреждения – опричнины, основной целью которой было ведение строго продуманной и беспощадной борьбы с боярством и замена последнего на дворянство – более надежную опору царского режима.

Вскоре предстали перед судом и были казнены обвиненные в контактах с изменником князем Курбским, перешедшим на службу к польскому королю, князь Александр Горбатый-Шуйский, его сын Петр, их родственники Ховрины, князя Иван Сухин-Кашин, Дмитрий Шевырев, Петр Горенский-Оболенский, Иван Куракин, Дмитрий Немой и др.³

Сам термин «опричнина» стал в русском языке нарицательным. В словаре В. И. Даля он трактуется как «особое войско, телохранители и каратели

¹ *Рогов В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М.: Юрист, 1995. С. 54–59.

² *Петрищев В. В.* Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 188.

³ *Нечволодов А.* Сказания о русской земле. М.: Православная книга, 1992. Кн. 4. С. 128–141.

при Грозном»¹, в словаре С. И. Ожегова – как «система чрезвычайных мер, осуществленная царем Иваном Грозным для разгрома боярско-княжеских позиций и укрепления самодержавия» и «специальные войска этого времени»².

Опричина, посредством которой Иван IV стремился укрепить монархическую власть на Руси, состояла из элементов с признаками государственного политического терроризма.

Жестокие методы подавления любого инакомыслия, любой оппозиции были направлены на достижение политических целей.

Опричина была встроена в соответствующим образом оформленную государственно-идеологическую концепцию и представляла собой специально созданную военно-организационную структуру, в деятельности которой использовались террористические методы. Наличие этих трех элементов позволяет квалифицировать опричину как террористическую структуру³.

Примером карательных акций царя против подданных могут служить действия опричников в 1570 г. в отношении жителей Великого Новгорода. Участников недоказанного заговора жгли огнем и вместе с детьми и женами сбрасывали в реку Волхов, где их добивали стрельцы. Таким образом было казнено около 1500 человек⁴.

К методам устрашения своих противников и даже убийствам по политическим мотивам прибегали многие представители верховной власти и после Ивана Грозного.

Признаки политически мотивированного теракта присутствуют и в убийстве 15 мая 1591 г. в Угличе малолетнего царевича Дмитрия. Затем в городе были спровоцированы беспорядки, в ходе которых убили подозреваемых в причастности к гибели Дмитрия людей. Затем казнили тех, кого посчитали виновными в провоцировании беспорядков.

Наиболее вероятно, по мнению некоторых исследователей, версия, в соответствии с которой теракт в отношении царевича Дмитрия организовал регент Борис Годунов. Согласно этой версии Годунов с целью устранения

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1979. С. 685.

² *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 416.

³ Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 10–11.

⁴ *Нечволодов А.* Сказания о русской земле... С. 148–150.

Дмитрия завербовал дьяка Битяговского и назначил надзирателем над сосланными в Углич царевичем и его матерью Марией Нагой¹.

Битяговский будто бы привлек к участию в убийстве няньку царевича Василису Волохову и ее сына Осипа. Когда нянька вывела Дмитрия во двор усадьбы, Осип под предлогом осмотра ожерелья царевича будто бы зарезал его. Для расследования убийства в Углич была направлена специальная правительственная комиссия, которая, однако, не обнаружила признаков теракта и констатировала, что царевич Дмитрий порезался сам в припадке падучей болезни во время игры с ножом².

Как бы то ни было, из гибели царевича Дмитрия стремились извлечь выгоду самые разные авантюристы, включая оставшихся в истории Лжедмитриев.

Борис Годунов предпринимал активные действия по уничтожению потенциальных соперников на царский трон из семейств князей Шуйских, Татьевых, Урусовых и других родов. В итоге он занял царский престол после смерти в 1597 г. царя Федора Иоанновича.

В действиях будущей императрицы Екатерины II, в 1762 г. отлучившей от власти и фактически санкционировавшей убийство своего мужа Петра III, внука Петра I, также проступают основные черты политического теракта. Спустя 34 года, через пять дней после смерти Екатерины, канцлер граф Безбородко достал из личной шкатулки императрицы записку, написанную Алексеем Орловым, в которой он указывал на ее участие в убийстве Петра III³.

Вместе с А. Орловым и Бяратинским в политическом убийстве принимали участие сержант гвардии Н. Энгельгардт, капрал конной гвардии Г. Потемкин, актер Ф. Волков, лейб-кампанец артиллерии А. Шванович и Г. Теплов. Последний после убийства сочинил манифест о причине смерти императора от геморроидальных колик, а позже стал писателем, почетным членом Академии наук.

Гроб с телом императора привезли в Петербург, в Александро-Невскую лавру, и там его погребли монастырские служки... без надгробия⁴.

Андреас Шумахер, советник датского посольства, утверждает в своих записках, что непосредственным убийцей был Шванович — то ли швед, то ли немец, задушивший императора ружейным ремнем. Позже, при Екатерине II,

¹ *Иорданов М.* Дело № 666. С. 63.

² Там же. С. 64.

³ *Кошель П. А.* История российского терроризма... С. 219.

⁴ Там же.

его держали в Шлиссельбургской крепости. Сын Швановича стал помощником Емельяна Пугачева¹.

В 1801 г. в результате террористического акта погиб император Павел I, и к власти пришел его сын Александр I².

История российского самодержавия представляет цепь заговоров и политических убийств. Но, по мнению некоторых исследователей, было бы некорректно отождествлять те и другие с собственно терроризмом.

Акция политического терроризма предполагает наличие двух этапов достижения поставленной цели. Первый включает в себя оказание морально-психологического давления, запугивание, подавление воли к сопротивлению путем использования угрозы применения насилия в различных формах или осуществление такового. Второй этап заключается в принуждении противостоящей стороны к выполнению требований субъекта террористической деятельности или его уничтожение.

В случае политически мотивированных убийств царствующих особ или высокопоставленных вельмож достижение цели, то есть физическое устранение политических противников, осуществлялось сразу же и приводило к ожидаемому результату, поэтому такого рода деяния не могут квалифицироваться как собственно террористические акты в современном содержательном наполнении этого термина³.

Следует отметить, что целью террористического акта может быть изменение политического курса, сторонником которого было устраняемое лицо, нарушение устоявшегося функционирования политической системы, внесение инноваций в политическое или общественное устройство. Совершение политического убийства с целью замены одного сановника или царской особы другой равнозначной фигурой зачастую не влияло на сложившуюся систему политических отношений.

В российской науке понятия «террор» и «терроризм» стали использоваться в начале XIX в. В 1816 г. И. И. Татищев впервые включил слово «терроризм» во второе издание Полного французско-русского словаря, переводя его как «грозную систему правления»⁴.

«Террор» – слово латинского происхождения, переводилось как «страх, ужас». Такое толкование сохранялось в русском языке до середины XIX в. В 1848 г. в первом полном энциклопедическом издании России, Справочном

¹ Кошель П. А. История российского терроризма... С. 219.

² Там же. С. 215–224.

³ Петрищев В. Е. Заметки о терроризме... С. 190.

⁴ Татищев И. И. Полный французско-русский словарь. 2-е изд. СПб., 1816.

энциклопедическом словаре Старчевского – Крайя, встречается понятие «терроризм», определяемое как «время ужаса в истории Великой французской революции».

Правление императора Александра II ознаменовалось резким возрастанием политической активности всех слоев населения Российской империи из-за проводимых социально-политических преобразований, которые вызывали у граждан страны разное отношение – от восторга до неприятия и даже противодействия.

Деятельность в России подпольных организаций стала существенным фактором политического противостояния граждан и государства. По примеру деятелей Великой французской революции их основными методами достижения политических целей (побуждение народа к социальной революции, изменение существующего общественно-политического строя, построение более справедливого государства, убийство императора и др.) стали террористические.

Центром политического терроризма стала подпольная организация «Народная воля», состоявшая из 40 человек. После принятия решения убить императора Александра II было организовано восемь покушений. Во время каждого теракта гибли и ни в чем не повинные люди, но террористов это не останавливало. Их деятельность порой вызывала сочувствие среди интеллигенции того времени, получала поддержку европейских стран.

Десятилетиями позже В. И. Ленин высоко оценил политическую террористическую деятельность «Народной воли», он призывал брать пример с деятелей, создавших «превосходную организацию... которая нам всем должна бы была служить образцом»¹.

Таким образом, политические теракты в отношении конкретных лиц из правящей элиты осуществлялись, как правило, с привлечением соучастников из их близкого окружения. В ряде случаев политические теракты инициировали родственники жертв. Последовательность терактов выстраивалась согласно теории домино: инициатор теракта через некоторое время сам оказывался жертвой покушения со стороны будущего преемника.

Этот набор закономерностей утратил свою актуальность с наступлением эпохи революционного терроризма, чему положила начало Великая французская революция.

¹ Ленин В. И. Наболевшие вопросы нашего движения // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 175.

Г. Н. Мокшин

**От «хождения в народ» к царубийству 1 марта 1881 г.
(о причинах рокового выбора «крестоносцев»
русского социализма)**

Статья посвящена движению революционного народничества 1860-х – начала 1880-х гг. Анализируются причины и обстоятельства перехода народнической интеллигенции от агитации и пропаганды в деревне к политической борьбе с самодержавием. Устанавливаются особенности народнического террора и его влияние на взаимоотношения власти и общества.

Ключевые слова: русское народничество, интеллигенция, крестьянство, хождение в народ, Народная воля, политический террор, Александр II.

¹ Мокшин Геннадий Николаевич – ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», кафедра истории России, профессор; доктор исторических наук, доцент.

Gennadiy N. Mokshin – Voronezh State University, Russian History Department, Professor; Dr. (History), Associate Professor.

mok410@mail.ru

© Г. Н. Мокшин, 2019

Gennadiy N. Mokshin

From “going to the people” to regicide of March 1, 1881 (about the reasons for the fatal choice of the “crusaders” of Russian socialism)

The article is devoted to the movement of revolutionary populism in 1860s – early 1880s. The reasons and circumstances of the transition of the *Narodnik intelligentsia* from agitation and propaganda in the countryside to a political struggle against the autocracy are analyzed. Specific features of the populist’s terror and its influence on the relationship between government and society are established.

Keywords: Russian populism, intelligentsia, peasantry, going to the people, Narodnaya Volya, political terror, Alexander II.

В 60–80-е гг. XIX в. ведущим течением общественной мысли России являлось народничество. В его основе лежало учение о необходимости в стране некапиталистической модернизации, опирающейся на развитие самобытных коллективистских институтов и ценностей (община, артель, принципы моральной солидарности). Именно в народничестве идея социального прогресса впервые соединилась с идеей «народа» как основной его движущей силой¹.

Вера в возможность превращения отсталой по европейским меркам страны в «царство высшей культуры» послужила мощным стимулом для возникновения и развития народнического движения в самых различных формах, от экстремизма до культурничества. Действительно, народники – это не только «профессиональные» революционеры. Идея служения народу приобщила к народничеству немало талантливых писателей, ученых, кооператоров, земских деятелей.

Главным субъектом народнического движения стала молодая разночинная интеллигенция, заявившая о себе в начале 1860-х гг. Именно к ней (состоявшей из студентов столичных вузов) обратился тогда один из отцов народничества

¹ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Народничество как идеология самобытной модернизации России // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 4. С. 77–80.

А. И. Герцен со своим знаменитым лозунгом «В народ!». Но первый отклик радикально настроенной молодежи был слабым. После разочарования в самостоятельной народной революции, ожидавшейся весной 1863 г., наиболее заметные ее действия – неудачное покушение Дмитрия Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г., это был первый в России теракт и первая попытка поднять крестьян на восстание, используя их монархические иллюзии.

Идейная подготовка массового «хождения в народ» начнется лишь на рубеже 1860–1870-х гг. на волне очередного подъема студенческого движения. Самые популярные тогда идеологи народничества М. А. Бакунин и П. Л. Лавров сумеют внушить молодежи необходимость сближения с народом при помощи революционной агитации и пропаганды. «Всюду, – вспоминал активный участник событий Н. А. Чарушин, – говорилось о народе, его страданиях, его прогрессирующей нищете и систематическом угнетении, о том, что такое положение не может более длиться, что пора, наконец, открыть народу глаза на причины этого зла и тем заставить его выйти из бездейственного состояния»¹.

Чтобы объяснить народу его истинные интересы в 1874–1875 гг., в деревню пойдут более 3000 человек. Конечно, далеко не все из них были убежденными революционерами. Но тон и общее направление движению зададут именно радикалы.

«Хождение интеллигенции в народ» (в крестьянство), охватившее 51 губернию, окажется переломным моментом в истории всего народнического движения². До этого «похода» у народников отсутствовало четкое понятие о массах, которые они собирались завоевать. Народ, «таинственный незнакомец», известный главным образом по книгам, слухам да случайным встречам на улице, представлялся им не иначе как «дедушка Егор» – защитник угнетенных (главный герой одноименного рассказа писательницы М. К. Цебриковой), люто ненавидящий современный общественный строй, желающий общинного владения землей и орудиями труда и так далее в духе исповедуемых народниками социалистических теорий. Необходимо было только помочь пробудиться народному сознанию и объяснить ему то, что «он, может быть, не совсем ясно понимает в системе гнетущих его условий»³. Собственно говоря, эта безграничная вера в народ, основанная на

¹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 200.

² Подробнее см.: Пелевин Ю. А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 4–6.

³ Революционное народничество 70-х годов XIX века: в 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 100, 137, 165, 356.

идеализации его социально-творческих сил, и подтолкнула интеллигенцию к практическим шагам в направлении ею же сотворенного кумира.

Вначале «хождения» многие его участники, вдохновленные идеями Бакунина, принялись за активную агитацию против царя, Церкви, помещиков и чиновничества, указывая на них как на главных виновников высоких податей, рекрутчины и малоземелья. Но народ жестоко обманул их розовые надежды. Признавая вполне законным протест против своих непосредственных угнетателей, крестьяне категорически отказывались бунтовать против верховной власти. «Что поделаешь? — сетовали мужики. — У начальства сила, а у нас рознь». В крайнем случае ответ был таков: «Вы там сами начните, а мы уж поддержим». Причину нужды и бедственного положения трудящиеся массы видели в собственном пьянстве и распутстве, отступлении от Бога и наказании за грехи, но никак не во внешних условиях своей жизни¹.

Убедившись в том, что критика царя и призывы к бунту только отталкивают крестьянство, молодежь перешла к пропаганде социалистических идеалов. Народники надеялись, что инстинктивное стремление крестьян к уравнительному землепользованию и общественной обработке земли обеспечит пропагандистам быстрый успех. Однако все попытки убедить мирян в преимуществах «огульного» (коллективного) труда также окончились безрезультатно. «А ты запасись-ко сам землей, — говорили мужики пропагандистам, — тогда и увидишь, как хозяйничать на ней всем вместе»². Немало трудностей на пути в народ встретил и идеал полного мирского самоуправления. Народники не раз отмечали отсутствие солидарности среди крестьян. Все дела в общине решались кулаками и их подручными, часто к невыгоде остальных односельчан³.

Особую тревогу у народнической интеллигенции вызвала неудача книжной пропаганды. Как правило, слушатели зевали, поддакивали, но смысл прочитанного для большинства из них оставался непонятным. Книги, распространяемые для самостоятельного чтения, шли на «цигарки».

Уже во время «хождения» молодежь начала задумываться о причинах его неудачи. Многие увидели их в невежестве и религиозных предрассудках почти поголовно безграмотного крестьянства. Отмечался также консерватизм, бедность «внутренней психической жизни» (отсутствие склонности к отвлеченному мышлению). Тяжелый труд, скудное питание, большой рабочий день, по мнению А. О. Лукашевича, повлекли за собой притупление всякой

¹ Дейч Л. Хождение в народ (Из воспоминаний). Пг., 1920. С. 23.

² Морозов Н. А. Повести моей жизни: в 3 т. М., 1965. Т. 1. С. 171.

³ Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. М.; Л., 1929. С. 22, 168.

умственной энергии масс, что сделало крайне затруднительным какую-либо широкую идейную деятельность в народе¹.

Вместе с тем обращали на себя внимание и другие, более глубокие причины невосприимчивости массового сознания к отвлеченным социальным идеалам народничества. Участники «хождения», например, отмечали отсутствие в деревне резких границ между эксплуататорами и эксплуатируемыми, применение многими крестьянами наемного труда при обработке земли и, наконец, стремление «хозяйственных мужиков» разделить прикупленную «божью землю» в частную собственность («своя-то выгоднее!»), от которой их было труднее отговорить, чем от царя².

Все эти факты свидетельствовали о начале социального расслоения крестьянства под влиянием проникновения в деревню товарно-денежных отношений. «Я убежден, – резюмировал этот процесс Дмитрий Рогачев, – что в будущем община уничтожится и у нас будет пролетариат»³. Однако не все участники «хождения» пришли к столь пессимистичным выводам. Деревня открыла интеллигенции свои «темные» стороны, развенчала многие навеянные революционерами-теоретиками радужные иллюзии. В то же время она укрепила веру молодежи в «отрадные» свойства народной души (ненависть к эксплуататорам, стремление к черному переделу, уважение к производительному труду, «презрение к торговле», сочувствие деятельности пропагандистов и т. п.).

Более глубокое осознание неоднозначных результатов «хождения в народ» требовало времени и опыта, но уже первая серьезная попытка сближения с крестьянством обнаружила, что «кредитор» вовсе не считает себя таковым. Более того, он весьма далек от мысли об улучшении своего положения путем радикальных социальных и политических преобразований. Оказалось, что интеллигенцию и народ разделяют не столько внешние препятствия в виде социальных перегородок и «полицейских рогаток», сколько разное отношение к жизни и друг к другу, почти полное взаимное незнание и непонимание. Преодолеть это внутреннее отчуждение и порождаемое им недоверие

¹ Лукашевич А. О. В народ (Из воспоминаний семидесятника) // Былое. 1907. № 3. С. 35.

² Неоконченное письмо П. А. Орлова С. С. Голоушеву о впечатлениях от посещения деревни и знакомства с крестьянами [лето 1874 г.] // Революционное народничество 70-х годов XIX века. С. 278.

³ Антекман О. В. Дмитрий Рогачев в его «исповеди к друзьям» и письмах к родным // Былое. 1924. № 26. С. 78.

силой убеждения (на что изначально делали ставку идеологи революционного народничества) было практически невозможно.

Ближайшим последствием «крестового похода» в деревню стал окончательный раскол народничества на два самостоятельных лагеря (революционный и легально-реформаторский). И в легальной печати началась длительная полемика об интеллигенции и ее ближайших общественных задачах, в которой самое активное участие приняли представители революционного подполья¹.

Революционные народники (в лице землевольцев), не желая расставаться с верой в потенциальную готовность народных масс к революции, попытались объяснить все свои прошлые неудачи незнанием народа, торопливостью пропаганды, стремлением поднять крестьянство во имя совершенно непонятных для него идеалов западноевропейского социализма, то есть неумелостью собственных действий. В основу новой программы землевольцы поставили «действительные» народные идеалы и требования в том виде, «как их создала история и осознает сам народ», и поэтому первыми назвали себя народниками. «Мало сбросить платье и надеть сермягу, чтобы быть принятым народом, — писал ведущий публицист газеты «Земля и воля» С. М. Степняк-Кравчинский. — Пришло время сбросить и с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу»².

Однако воплощение в жизнь «крестьянских» требований «земли» и «воли» революционеры по-прежнему связывали с организацией всенародного бунта. По этой причине «Земля и воля» просуществовала всего три года (1876—1879), до тех пор, пока народники-политики (будущие народовольцы) не убедились в невозможности пробить брешь в стене, разделяющей их с народом, при сохранении существующего в стране политического режима.

В политизации русского народничества роковую роль сыграл выстрел В. И. Засулич в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 г. Суд присяжных признал ее невиновной ввиду неуголовного характера ее преступления. (Девушка заступилась за честь одного из заключенных революционеров.) Сторонники дезорганизаторской деятельности революционной партии восприняли этот шаг как проявление общественной поддержки

¹ См.: *Зенкова К. В.* Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск, 1967. Т. 18. С. 48—58; *Мокшин Г. Н.* Вопрос об интеллигенции в легальной печати начала 1880-х гг. // Ист. записки: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 11. Воронеж, 2005. С. 17—30.

² [*Степняк-Кравчинский С. М.*] Земля и воля! // Земля и воля. 1878. № 1. С. 6.

и начали систематическое истребление «врагов народа» при помощи террора. С февраля 1878 до конца 1882 г. народники произвели более двух десятков терактов против правительственных чиновников, жандармов и провокаторов, жертвами которых в основном оказались случайные люди, как, например, при взрыве в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Современные историки назвали эти акты первой террористической кампанией народников, венцом которой стало царевубийство 1 марта 1881 г.¹

Обращение к террору как средству борьбы с правительством явилось закономерным этапом развития народнического движения, признанием невозможности мирной пропаганды в деревне из-за постоянных репрессий. (Около половины участников «хождения в народ» были арестованы, а наиболее активные из них в 1877 г. осуждены по «процессу 193-х».) Однако террор никогда не рассматривался как главное оружие революционеров. Даже народовольцы, включив в свою программу 1879 г. убийство 10–15 «столпов правительства» как возможный способ совершения переворота (в виде заговора революционного меньшинства), при этом не отказывались и от идеи «самостоятельной» народной революции. Для большинства из них террор – это наиболее мощное средство ускорения социально-революционного переворота, окончательный успех которого был возможен лишь при активной поддержке основного населения страны². Неслучайно после убийства Александра II народовольцы долго прислушивались к гулу столичных улиц, искренне надеясь на начало «всенародного бунта». Интересно, что того же опасались и в Зимнем дворце, приказав вырыть около него настоящие траншеи³.

История противостояния власти и так называемого передового общества на рубеже 1870–1880-х гг. наглядно показала, что только революционный террор смог заставить Царя-освободителя поступиться некоторыми своими принципами (ликвидировать III отделение, разрешить открытое обсуждение в печати «внутренних вопросов», начать подготовку административных и финансовых преобразований при участии общественных представителей и т. п.). Другое дело, что эти уступки не затрагивали основ существующего строя и потому никак не могли удовлетворить революционеров.

Правительство разгромило «Народную волю» и повесило ее руководителей, но оно было не в состоянии убедить общественность в ошибочности исходных посылок идеологии народовольцев. Наиболее активная

¹ *Квасов О. Н.* Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2015. С. 3.

² *Троицкий Н. А.* Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 265–268, 306–307.

³ *Волк С. С.* Народная воля: 1879–1882. М.; Л., 1966. С. 127.

и сознательная часть русского общества по-прежнему находилась в оппозиции к самодержавно-бюрократическому режиму. После марта 1881 г. не только радикалы, но и умеренные либералы окончательно уверовали, что главная причина раскола между интеллигенцией и народом в отсутствии в России условий для свободной общественно-политической деятельности. Якобы царское правительство намеренно (руководствуясь инстинктом самосохранения) держало свой народ в нищете и невежестве и не пускало к нему «соль земли» русской, как однажды назвал интеллигенцию народоволец Лев Тихомиров.

В статье «Первое марта 1881 г. Куда идти теперь?», опубликованной в журнале «Мысль» в траурной рамке, идеолог правого народничества Л. Е. Оболенский написал: «Прочное и истинное развитие общества есть только его органическое развитие... Это есть развитие в духе, чувствах, верованиях и симпатиях большинства данного общества. Кто ж это большинство в России? Это – крестьянская масса так называемых серяков, многомиллионная *православная* масса русского народа, любящего своего Царя и верящего в то, что всякое благо придет к ней только через его власть, то есть добровольно будет даровано им... Человек интеллигенции, который не хочет стать отщепенцем и врагом народа, не должен и не может идти вопреки его симпатиям и верованиям. Только идя в такт с этими симпатиями и верованиями, интеллигенция станет не отрезанным ломтем русского народа, а истинной народной силой, народной красотой и гордостью. Это не значит, что интеллигенция наша должна отказаться от своей науки и искусства, от своего образования и развития, это вовсе не значит, что она должна проникнуться народными предрассудками и невежеством. Предрассудки и невежество народа – это вовсе не то, что его исторические, выработанные веками симпатии, верования и идеи»¹.

Статья Оболенского содержала много здравых суждений, которые впоследствии легли в основу программы народнической газеты «Неделя». Но на сторонников политического террора «органицизм» правых народников никакого влияния, разумеется, не оказал. Спустя 4,5 месяца после цареубийства в «Листке „Народной воли“» было торжественно объявлено, что результаты «победы 1 марта» превзошли самые смелые ожидания революционеров. В народе нарождаются и зреют новые настроения. Сознание его пробуждается. Близится время, когда народ «выйдет из состояния глухого брожения, хронических надежд и разрозненных вспышек для совместной сознательной

¹ *Ред. [Оболенский Л. Е.]* Первое марта 1881 года. Куда идти теперь? // Мысль. 1881. № 3. С. 420.

борьбы с ясно намеченным врагом»¹. С этого момента народ на страницах партийной печати делает стремительную эволюцию от «симптомов» приближающихся крестьянских бунтов против существующих порядков до состояния «хронической революции», от «отупелости и забитости» до начала осознания «фикции идеи царя» и признания своей солидарности с социалистами. Вот что, например, писала об отношении народа к цареубийству одна из революционных брошюр того времени. «Нигде не было видно с его стороны проявления сильного горя или большой ярости по поводу самого факта убийства; напротив, бесчисленное множество оскорблений величества, содеянное вслед за первым мартом простолудинами, доказывает, что народ соображает, что царь, не сумевший предохранить его от полного разорения и небывалой нищеты, не больно-то хорош»².

Желание народовольцев обрести в народе сочувствие и поддержку своей «кровавой борьбе с царизмом» вполне понятно. В действительности крестьянские волнения (вызванные голодом 1880 г.) так и не приобрели антимонархической направленности. Отдельные случаи оскорбления «величества», конечно, имели место, но «погоды» они не сделали. Наоборот, гибель Александра II укрепила монархические иллюзии крестьян. «За нас покойничка убили, — говорили в народе, — што ён нам волю дал, царство ему небесное»³. По всей России по убиенному царю служили панихиды. Крестьяне одного из сел Воронежской губернии заказали для своей церкви новый колокол, на котором были такие слова: «В память мученической кончины Императора Александра II — освободителя миллионного народа от крепостного права...», «глас мой Царю мой и Боже мой». Осенью 1881 г. этот колокол весом 422 пуда доставили на железнодорожную станцию, а оставшийся путь (15 верст) крестьяне «с необычайной торжественностью» пронесли его на себе⁴.

История партии «Народная воля» показала, что русская интеллигенция, заняв неконструктивную позицию по отношению к власти (единственной реальной политической силе в России), оказалась бессильна что-либо сделать для утверждения в стране более справедливых общественных отношений. К сожалению, идеалы интеллигенции (в том числе идея общины-коммуны)

¹ [Лебедев В. С.] Новое царствование // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 122.

² [Кривенко С. Н.] К русскому обществу от русских революционеров // РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 469. Л. 11об.

³ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 214.

⁴ Ферронский И. Летопись Покровской церкви села Новопокровского, Черницыно и Данково тож, Воронежского уезда // ГАВО. Ф. 84. Оп. 3. Д. 64а. Л. 31.

шли гораздо дальше реальных потребностей трудящихся масс, и они их пока не воспринимали.

Однако это вовсе не означало, что Царь-освободитель стал жертвой «злых фанатиков», как утверждали противники народовольцев из консервативного лагеря. Переход части народников к террору — это логический итог всех предшествующих попыток демократической интеллигенции (и мирных, и немирных) убедить правительство в необходимости демократизации экономической и политической жизни страны. России нужна была четкая государственная политика, направленная на подъем материальной и духовной культуры народа, расширение его политических прав и свобод как гарантии необратимости проводимых в стране преобразований, а она отсутствовала (по крайней мере до первой русской революции).

В. Н. Лукин

Стратегия и тактика борьбы с терроризмом в период правления императора Александра II

Раскрыты причины формирования террористического тренда в антигосударственной деятельности, влияние нерешенных внутри-российских проблем и позиции иностранных государств на процесс формирования террористического подполья, показаны положительное воздействие реформ на российские общественно-политические процессы и совершенствование стратегии и тактики контртеррористической деятельности.

Лукин Владимир Николаевич (Санкт-Петербург) – ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России», ведущий научный сотрудник отдела информационного обеспечения населения и технологий информационной поддержки РСЧС и пожарной безопасности Центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности, профессор кафедры философии и социальных наук, действительный член Академии геополитических проблем и Петровской академии наук и искусств, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук»; доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент.

Vladimir N. Lukin – St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia, Leading Researcher of the Department of Information Support of the Population and Dataware Technologies for Prevention, Response and Fire Safety, Research and Publishing Center, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, St. Petersburg, Russia, Full member of the Academy of Geopolitical Problems, Full member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Associate Scientific Researcher of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; Dr. (Political sciences), Ph.D. (History), Associate Professor.

lvn5555@mail.ru

© В. Н. Лукин, 2019

Ключевые слова: император Александр II, реформы, закон, терроризм, теракт, социальная революция, государственная антитеррористическая структура, личность террориста, российское правосознание, контртеррористическая стратегия и тактика, организация противодействия террористическим актам, III отделение, Отдельный корпус жандармов.

Vladimir N. Lukin

Strategy and tactics of combating terrorism during the reign of Emperor Alexander II

The reasons for the formation of a terrorist trend in anti-state activity, the impact of unresolved domestic problems and the position of foreign States on the process of formation of the terrorist underground are revealed, the positive impact of reforms on Russian socio-political processes and the improvement of the strategy and tactics of counter-terrorism activities are shown.

Keywords: Emperor Alexander II, reforms, law, terrorism, terrorist act, social revolution, state anti-terrorist structure, terrorist personality, Russian legal consciousness, counter-terrorism strategy and tactics, organization of counter-terrorist acts, Third Branch, Special Corps of Gendarmes.

Основные идеи А. И. Герцена, изложенные в ряде статей конца 40-х – начала 60-х гг. XIX в. («Россия», «Русский народ и социализм», «*Repetitio est mater studiorum*»), а также воззрения, содержащиеся в публикациях Н. Г. Чернышевского «О поземельной собственности», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Суеверия и правила логики», которые были изданы уже в период царствования императора Александра II, послужили теоретической основой формирования революционно-демократической идеологии и оппозиции существующему политическому режиму.

Объявленные императором Александром II реформы способствовали кризису революционно-демократической идеологии и сформировали предпосылки укрепления либеральной идеологии. Примерами могут служить самороспуск «Земли и воли», полемика по политическим вопросам между

изданиями «Современник» и «Русское слово» в 1864–1865 гг. и их закрытие в 1866 г., прекращение в 1867 г. издания «Колокола» Герцена.

Часть революционных демократов и народников, оставаясь приверженцами идеи крестьянской революции, сосредоточилась на поиске новой тактики борьбы против самодержавной власти. Такой поиск объясняется прежде всего тем, что политические события 1859–1863 гг. показали отсутствие революционной активности в народных массах, в этом «пассивном материале» в руках истинных революционеров, и пониманием опасности развития капитализма и грядущего буржуазного социального переворота, который (по европейскому опыту) ничего не дает народу и социалистам.

Полемика о революционных возможностях масс еще продолжалась в подцензурной литературе и журналистике («Письма о провинции» М. Е. Салтыкова-Щедрина, статьи Д. И. Писарева «Реалисты», «Мотивы русской драмы», В. А. Зайцева «Белинский и Добролюбов» и др.), но уже появилась группа Н. А. Ищутина и И. А. Худякова, готовая взять на себя инициативу социального переворота бланкистского типа. Закономерно, что член этой группы Д. В. Каракозов совершил первое покушение на императора Александра II.

В 1869 г. в работе «Что такое прогресс?» Н. К. Михайловский раскрыл знаменитую «формулу прогресса», в которой прогресс представлен сквозь «призму судеб личности» и исследуется влияние общества на личность. Целью прогресса объявлено счастье личности, ее гармоническое развитие, а сам прогресс заключается в борьбе за индивидуальность¹. П. Л. Лавров в «Исторических письмах», опубликованных в 1868–1869 гг., выдвигал задачу воспитания «критически мыслящих личностей»².

Активно формируется теория «героев и толпы», происходит теоретическое оформление анархизма и аполитизма, то есть отказа от борьбы в политической сфере, что предполагает переход к революционному подполью и индивидуальному террору.

Статистические данные за время царствования Александра II показывают низкую политическую активность как в крестьянской³, так и в рабочей⁴ среде.

¹ См.: Михайловский Н. К. Что такое прогресс? М., 2016. 222 с.

² См.: Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы. М., 1934. Т. 1. С. 227.

³ См.: Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: сб. документов. М., 1964. С. 800; Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: сб. документов. М., 1968. С. 524–529.

⁴ См.: Рабочее движение в России в XIX в. Т. 2, ч. 1. М., 1950. С. 35.

Вместе с тем возникают подпольные организации регионального и все-российского масштаба: возрожденная «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля», «Южнороссийский союз рабочих», «Северный союз рабочих»; активизируется пропаганда, агитация среди крестьян, рабочих и солдат. В этой работе задействована подпольная печать: журналы «Черный передел», «Земля и воля», «Народная воля», газеты «Рабочая заря», «Зерно», «Рабочая газета», «Начало», прокламации.

Так, в прокламациях М. А. Бакунина и С. Г. Нечаева в 1868 и 1869 гг. главным средством освобождения народа провозглашались анархические путчи, немедленный бунт против государства, превозносились террористические формы протеста – грабеж, разбой и тому подобное¹. В «Катехизисе революционера» не только содержались призывы к террору против членов царской семьи и высокопоставленных государственных чиновников, но и приветствовались репрессии со стороны последних по отношению к народу. Нужно увеличивать страдание и насилие, чтобы вызвать восстание масс. С. Г. Нечаев предлагал соединиться с разбойниками, которые и есть «настоящие революционеры»².

Один из лидеров славянофильского движения в России И. С. Аксаков отмечал: «В молодежи неведомо откуда появилась злая струя, нам совершенно чуждая... вдруг появилась яркая ненависть ко всему русскому, а из этой молодежи анархисты формировали динамитчиков»³.

Известно, что А. И. Желябов, один из организаторов убийства Александра II 1 марта 1881 г., расхохотался во время обвинительной речи товарища прокурора Н. В. Муравьева на слушании дела в суде, демонстрируя полное отсутствие раскаяния.

Идеи о том, что Россию можно привести к обществу социальной справедливости только через террор, встречали если не одобрение, то понимание в весьма широких слоях российской либеральной общественности. Доказательством справедливости этого утверждения является оправдательный приговор, вынесенный судом присяжных народнице В. И. Засулич, 24 января 1878 г. стрелявшей в градоначальника Ф. Ф. Трепова.

Вынесение оправдательного приговора за явно умышленное покушение на убийство петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова было встречено,

¹ См.: Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву: Съ приложениемъ его памфлетовъ, біографическимъ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова. Женева: Украинская типографія, 1896. VIII, CVII, 562 с.

² Там же.

³ Цит. по: *Шарапов С. Ф.* Соч. Т. 1, ч. 1. М., 1960. С. 36.

по словам председательствующего на суде А. Ф. Кони, невиданным восторгом и ликованием не только в зале суда, но и за его пределами¹. Даже находившийся в зале суда Ф. М. Достоевский, до этого обличивший в романе «Бесы» терроризм в форме нечаевщины, высказался, по словам публициста Г. К. Градовского, за оправдание преступницы, при этом заметив, «чего доброго ее теперь возведут в героини»².

Один из ярких представителей либерализма в России, замечательный русский юрист, политический философ, историк П. И. Новгородцев с сожалением отмечал: «Политическое миросозерцание русской интеллигенции сложилось не под влиянием государственного либерализма Б. Н. Чичерина, а под воздействием народнического анархизма Бакунина»³.

Апрельский теракт 1866 г. способствовал переходу революционно настроенных группировок от теоретических рассуждений к террористической практике. Уже 25 мая 1867 г. во Франции А. Березовский пытался застрелить Александра II, когда тот вместе с Наполеоном III и свитой проезжал через Булонский лес.

В России в результате активизации деятельности органов политического розыска ряды заговорщиков-террористов значительно поредели. Одни были арестованы, другие ушли в глубокое подполье, третьи бежали за границу. Там в основном и разрабатывались программы уничтожения монархии в России.

В 70-е гг. XIX в. возрастает влияние русской политической не только европейской, но и американской эмиграции. С помощью западных единомышленников издавались такие периодические издания, как «Вперед!», «Набат!», «Работник», «Народное дело», «Общее дело», «Община» и ряд других. Позже такой же эмигрант В. И. Ульянов-Ленин оценит значение богатства «интернациональных связей, такой превосходной» осведомленности «насчет всемирных форм и теорий революционного движения»⁴ и использует их опыт для организации финансирования своей антигосударственной деятельности, дополнив «всемирные формы революционного движения» так называемыми экзами, то есть элементарным грабежом банков, церквей, красным террором, расказачиванием и раскулачиванием, физическим уничтожением церковной братии.

Принимая очевидную опасность политического террора, император Александр II определил стратегию противодействия зарождавшемуся

¹ Кони А. Ф. Избранное. М. 1989. С. 350–351.

² Градовский Г. К. Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 19.

³ Новгородцев П. И. Восстановление святынь. Кн. 1. М., 1992. С. 429.

⁴ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 8.

политическому терроризму, которая включала следующие основные направления:

- подготовка и реализация общественно значимых реформ;
- подготовка конституционной реформы;
- смягчение цензуры;
- формирование соответствующей нормативно-правовой базы противодействия терроризму в правовом поле;
- укрепление правоохранительных органов, совершенствование их антитеррористической деятельности;
- исследование феномена «политический терроризм».

Важное общественно-политическое значение имела военная реформа, начавшаяся в 1862 г., которая покончила с рекрутством, заменив его с 1874 г. всеобщей воинской повинностью для всех слоев населения. Причем ежегодно призывалось лишь 20–25% от общего числа призывников со значительным сокращением срока службы, который к тому же зависел от уровня грамотности: чем выше образование, тем меньше срок службы. Это привело к сокращению армии на 40%. Призыву не подлежали единственный сын у родителей, единственный кормилец в семье, а также молодые люди, чей старший брат отбывает или уж отбыл воинскую службу. Это стало значительным облегчением для крестьян и их хозяйств, стимулом для получения образования и способствовало снижению степени социальной напряженности, минимизировало поступление в подпольные террористические организации выходцев из крестьян.

Реформа образования привела к созданию системы реальных училищ, где преподавали технические и естественные науки. Новый университетский устав 18 июня 1863 г. разрешал выборы деканов и ректоров и способствовал развитию женского высшего образования.

Появление возможности для получения образования более широким кругам населения и повышение качества образования должны были открыть перспективы как для разных социальных слоев, так и для империи в использовании их способностей и талантов на благо государства.

Закон о земстве от 1 января 1864 г. положил начало формированию системы местного самоуправления и участия граждан всех сословий в жизни общества и должен был минимизировать стремление к разрушению государства. Это в полной мере относилось и к городской реформе 1870 г., в результате которой жители стали формировать органы самоуправления: городские управы и городские думы, сокращены местные налоги и полиция переведена под подчинение центральной власти.

Новые судебные уставы от 20 ноября 1864 г. вводили выборную должность мирового судьи. Суд юридически не зависел от иных органов государственной власти. Он стал гласным – населению был открыт доступ к судебному процессу и его решениям. Подданные Российской империи даже могли принимать участие в работе судов в качестве присяжных. Появилась надежда на судебную защиту от произвола государства и разрешение возникающих противоречий не с помощью терактов, но по судебному решению.

И наконец, отмена крепостного права в 1861 г. при всех издержках этой реформы положила начало преодолению рабства и насилия над личностью.

В результате этих реформ начался процесс перестраивания российской государственности на новых началах, призванный снизить степень напряжения в обществе. Но верховная государственная власть оставалась прежней. Отсутствие возможности влиять на содержание законов и принятие государственных решений диссонировало с новым состоянием российского общества. Разрешить противоречие могло изменение механизма осуществления верховной государственной власти.

Еще в 1863 г. министр внутренних дел Российской империи П. А. Валуев представил Александру II записку с предложением ввести в Государственный совет выбранных представителей местных земских учреждений с совещательным голосом. С этого проекта нового учреждения Государственного совета началась история попыток реформировать государственный строй страны. Полемика вокруг конституционного устройства, продолжавшаяся 18 лет, формировала общественное мнение о путях развития российского государства в правовом поле.

Конституционная реформа, так и не начавшись, хотя над предложениями трудилось «Особое совещание», завершилась докладом 28 января 1881 г. министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова Александру II о привлечении представителей населения к законосовещательной деятельности Государственного совета и гибелью императора в результате террористического акта¹.

Цензурный устав от 6 апреля 1865 г. смягчил цензурный надзор за печатью. Цензура была передана из Министерства народного просвещения в Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи. Контроль за содержанием сохранился лишь для брошюр и небольших сочинений. Книги свыше 160 страниц «оригинальные» и свыше 320 страниц переводные могли выходить в свет без цензуры. Известно, что первое переводное издание «Капитала» К. Маркса вышло именно в России.

¹ См.: *Томсинов В. А.* Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М.: Зерцало, 2012. 336 с.

Издатели книг отвечали перед судом, если в книгах заключалось что-либо противозаконное. По особому разрешению властей журналы и газеты могли выходить без цензуры. Но если в бесцензурных журналах и газетах появлялось что-либо противозаконное или «вредное», то изданию объявлялось «предостережение». После третьего предостережения издание запрещалось.

Реформы Александра II оживили общество, и это нашло отражение в печати, которая отзывалась на каждое правительственное начинание, оценивая его последствия и прогнозируя перспективы. Как обычно, они не совпадали с намерениями правительства, поскольку общественные ожидания всегда распространяются дальше намерений власть имущих.

Именно гласность активизировала деятельность изданий так, что пришлось закрыть наиболее радикальные из них.

В целях формирования нормативно-правовой базы противодействия терроризму в правовом поле 19 июля 1878 г. Александр II распорядился создать при Министерстве юстиции комиссию, которая выполняла бы ревизию имеющихся законов по борьбе с преступностью и изыскивала меры к еще большей оперативности жандармов.

Судебные уставы 1864 г. не предусматривали административной ссылки для заподозренных в государственных преступлениях, и все политические дела должны были разрешаться только по суду. Закон 19 мая 1871 г. давал право министру юстиции по согласованию с шефом Отдельного корпуса жандармов – исполнительного органа III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – С. Е. И. В. канцелярия) – в тех случаях, когда арестованные оказывались неподсудными, испрашивать «высочайшее соизволение» или о прекращении дела, или же «о разрешении оногo в административном порядке».

Это предложение было узаконено во Временных правилах от 1 сентября 1878 г. Жандармские офицеры, а в их отсутствие полицмейстеры и уездные исправники, получили право не только арестовывать всех «подозреваемых в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним», но и определять любому из них в качестве исправительной меры административную ссылку без участия чинов прокурорского надзора, которым следовало лишь сообщать о том или ином определении «для сведения». На заседании Совета министров под председательством императора Александра II подлежащих административной высылке было «высочайше повелено ссылать преимущественно в Восточную Сибирь».

Секретный циркуляр шефа Отдельного корпуса жандармов от 25 сентября 1878 г. уточнял «направление дела в административном порядке»: «1) Когда уличающие сведения добыты путем совершенно секретным и не могут быть

подтверждены фактически; 2) Когда уличающие сведения хотя и несекретны, но, однако, не могут быть точно установлены, ускользя от проверки»¹.

7 июня 1872 г. Александром II было принято решение об учреждении Особого присутствия Правительствующего Сената (далее – Особое присутствие) для рассмотрения особо важных политических дел в составе первоприсутствующего и пяти сенаторов. В исключительных случаях по политическим преступлениям дела рассматривались в Верховном уголовном суде.

Закон 7 июня 1872 г. давал право Особому присутствию судить обвиняемых «в публичном или закрытом заседании, по усмотрению суда», а 4 февраля 1875 г. высочайший указ Александра II предписал «по делам, производящимся при закрытых дверях присутствия» печатать «только постановленные судом резолюции».

По указу Александра II от 9 мая 1878 г. (с оговоркой «временно») все дела о преступлениях против должностных лиц были изъяты из ведения суда присяжных и переданы усиленным составам судебных палат с сословными представителями.

Насильственное посягательство, имеющее целью изменить государственное устройство, форму правления или порядок наследования престола, по статьям 241 и 249 Уложения о наказаниях в России каралось смертной казнью.

Тактика борьбы против терроризма включала контрпропаганду и формирование отрицательного общественного мнения к терактам, меры полицейского надзора за неблагонадежными и подозрительными лицами, пресечение связей между террористическими подпольными ячейками и организациями, выслеживание и аресты, привлечение к административной или судебной ответственности, требования к иностранным государствам по дипломатическим каналам о выдаче политических преступников, внедрение агентов полиции, жандармов в террористические организации, выявление агентов террористов в полицейской среде.

Поисками мер контрпропаганды идеям террористов занимались на самом высоком – правительственном – уровне. В декабре 1874 г. с такой повесткой состоялось совещание шефа Отдельного корпуса жандармов и семи министров, включая военного; в марте 1875 г. – совещание в Комитете министров, а в марте 1877 г. на заседании специальной Комиссии от министерств и III отделения С. Е. И. В. канцелярии рассматривалось пред-

¹ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 77.

ложение об организации правительственной контрпропаганды с помощью чтения книг простонародьем, создании в этих целях кружков.

Административным (без привлечения к суду) наказаниям подвергались те арестованные, против кого не доставало улик. Такими наказаниями в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. служили, как правило, отдача под гласный полицейский надзор, ссылка по месту жительства или в северные губернии и Сибирь.

9 августа 1878 г. в ответ на убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцева был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени». Закон передавал в ведение военных судов дела о государственных преступлениях, которые были сопряжены с вооруженным сопротивлением властям.

Высочайший указ от 5 апреля 1879 г. давал право генерал-губернаторам, когда они посчитают необходимым, предавать военному суду обвиняемых в любом государственном преступлении. Главной чертой военно-судебного разбирательства оказывалась чисто воинская оперативность.

Правительство Александра II пыталось минимизировать негативные последствия пребывания россиян за рубежом. Так, 21 мая 1873 г. «Правительственный вестник» обязал российских женщин, учившихся в Швейцарии, вернуться до 1 января 1874 г. в Россию, дабы «коноводы нашей эмиграции» не вовлекли их «в вихрь политической агитации», а 5 мая 1874 г. потребовал возвращения на родину и 19 самых активных деятелей радикальной оппозиции – «коноводов» М. А. Бакунина, Г. А. Лопатина, П. Н. Ткачева, П. Л. Лаврова, Н. П. Огарева и других с угрозой наказать их за неявку «по всей строгости законов». Но вернувшиеся женщины успели пройти сквозь «вихрь политической агитации», и на родине почти все подключились к «хождению в народ». «Коноводы» же на угрозы не отреагировали.

С целью координации борьбы с терроризмом с 1867 по 1877 г. с восемью европейскими странами Россия заключила девять конвенций. До 1881 г. в число общепризнанных норм международного права входил принцип невыдачи политических преступников. Впервые о взаимной выдаче удалось договориться с Нидерландами (русско-голландская конвенция от 7 апреля 1867 г.), затем с Баварией (14 февраля 1869 г.), Гессеном (3 ноября 1869 г.), Италией (14 мая 1871 г.), Швейцарией (5 ноября 1873 г.). Попытки российских дипломатов включить в текст каждой из них так называемую бельгийскую поправку: за «посягательство на жизнь главы государства и членов его семейства» – понимания у западных коллег не нашли. Закон, принятый 22 марта 1856 г. в Бельгии, объявлял преступление уголовным, а не политическим.

До конца 70-х гг. XIX в. лишь в трех случаях это удалось сделать в соглашениях с Бельгией (25 августа 1872 г.), Австро-Венгрией (3 октября 1874 г.) и Испанией (9 марта 1877 г.)¹. И в настоящее время Запад лишь в исключительных случаях идет навстречу России в выдаче подозреваемых в преступлении или заочно осужденных преступников.

Реорганизация полицейских органов осуществлялась в ходе полицейской реформы с 1862 г. в соответствии с «Временными правилами об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». Были изменены структура полицейских подразделений и в целом организация деятельности полиции².

В начале 60-х гг. XIX в. в обеих столицах Российской империи, губернских и крупных уездных городах продолжала работать городская полиция. В штат начальника полицейского управления – полицмейстера – был добавлен помощник. Городская полиция делилась на участки, возглавляемые участковыми приставами, в подчинении которых находились офицер и канцелярский служащий. Полицейские участки состояли из околотков с околоточными надзирателями во главе, которые руководили городскими постовой службы и дворниками как низшими чинами полиции.

Исправник руководил уездным полицейским управлением. В его состав входили станы во главе с приставами. В небольших уездных городах городская и земская полиция объединялась в уездную полицию. Сотские и десятские, выполнявшие полицейские функции в деревнях и селах, завершали российскую государственную полицейскую структуру.

С 1878 г. в штаты уездных полицейских управлений ввели дополнительно оплачиваемые посты 5000 коннополицейских урядников в 46 губерниях, подчинявшихся становым приставам и руководивших сотскими в селениях. Среди прочего на них возлагались и обязанности по контролю за нераспространением злонамеренных слухов, листовок, книг антиправительственного характера, осуществление негласного надзора за неблагонадежными. Для повышения оперативности полицейских действий в крупных городах создавалась коннополицейская стража³.

¹ См.: *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг.). М.: Мысль, 1978. 323 с.

² См.: Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. № 39087.

³ См., например: *Казанцев А. В.* Реформирование органов внутренних дел Российской империи в 60–80 гг. XIX века // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 394–397.

В соответствии с «Положением о Корпусе жандармов» от 28 апреля 1827 г. Корпус жандармов был выделен из жандармско-полицейских управлений, созданных в 1826 г., а в 1875 г. переименован в Отдельный корпус жандармов.

После второго покушения на Александра II Корпус жандармов был реорганизован. Сформированы Главное управление, управления Казанского, Варшавского и Сибирского округов, 56 (позднее их число значительно увеличили) губернских жандармских управлений (далее – ГЖУ), 50 уездных управлений Северо-Западного края, наблюдательный состав, 22 жандармских управления железных дорог, 13 (позднее увеличено до 23) городских конных и крепостных жандармских команд, Санкт-Петербургский и Московский жандармские дивизионы. ГЖУ состояли из территориальных и функционально-отраслевых подразделений. Территориальные отделения включали один или несколько уездов, функционально-отраслевые отделения входили в канцелярию управления, в которых были разыскная, следственная, политической благонадежности части. Столичные дивизионы и конные городские команды использовались при приведении в исполнение правительственных распоряжений и приговоров суда, преследовании разбойников и рассеянии законом запрещенных скопищ; усмирении буйств и восстановлении нарушенного порядка; преследовании и поимке лиц с запрещенными и тайно провозимыми товарами, препровождении важных преступников и арестантов, охране порядка на парадах войск, народных гуляньях и др. С 1873 г. сословный принцип устройства на службу в полицию заменили на свободный¹.

VI отделение Корпуса жандармов в 1871–1874 гг. вело наблюдение за деятельностью жандармских управлений по политическому розыску и производству дознаний. С 1875 г. эти функции были переданы в V отделение.

В 1874 г. в составе Корпуса жандармов формируется военно-судная часть, просуществовавшая до 1896 г.

По инспекторской, строевой и хозяйственной части Корпус (Отдельный корпус) жандармов входил в систему военного министерства, но по «наблюдательной части», организации и ведении политического розыска, проведению дознаний и другим вопросам его учреждения подчинялись III отделению С. Е. И. В. канцелярии с момента создания по август 1880 г., а затем – Департаменту государственной полиции Министерства внутренних дел².

¹ См.: *Казанцев А. В.* Реформирование органов внутренних дел... С. 394–397.

² См.: *Чурсина М. В.* Правовые основы совершенствования организационной структуры Отдельного корпуса жандармов // Современное право. 2012. № 6. С. 155–159.

Теракт в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. ускорил подписание императорского указа о создании Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия (12 февраля 1880 г.). Возглавил ее генерал М. Т. Лорис-Меликов. Главными задачами комиссии были объединение всех сил и средств государства для борьбы с террористическим подпольем, оперативный разбор всех политических дел; ускорение судебного рассмотрения дел, административное воздействие на арестованных; установление надзора, уничтожение крамолы средствами охраны и выяснение причин, породивших крамолу, поиск способов коренного оздоровления русской государственной и общественной жизни.

Но 6 августа 1880 г. Верховная распорядительная комиссия была закрыта, III отделение С. Е. И. В. канцелярии ликвидировано, а его дела переданы в Департамент государственной полиции Министерства внутренних дел. На министра внутренних дел было возложено заведование Отдельным корпусом жандармов на правах шефа корпуса.

Подобная централизация была призвана способствовать повышению эффективности борьбы с политическим терроризмом, но не спасла жизнь императору Александру II.

Для выяснения причин политического терроризма, разработки типичного портрета террориста и определения способов и форм борьбы с террором III отделение готовило ежегодные аналитические отчеты «о нравственно-политическом состоянии России».

Во «Всеподданнейшем отчете о действиях III отделения С. Е. И. В. канцелярии и Особого Корпуса жандармов за 1866 год» подчеркивалось, что «обстоятельства дела о событиях 4-го апреля (покушение на императора Александра II. — *В. Л.*) представили фактические доказательства, что те разрушительные начала и пагубное направление, которые вкоренились в известной среде нашего общества, преимущественно в юношестве, не только продолжают существовать, но и приобретали все более последователей, не останавливающихся ни перед какими преградами и готовых на самые безнравственные и кровавые преступления»¹.

Обзор С. С. Татищева «Революционное движение в России: 1861—1881 годы», предназначенный для руководителей политического сыска, стал одним из первых в ряду немногочисленных подобных исследований.

Представление о типичных участниках подпольных кружков дает исследование В. Л. Кириллова. В 1867 г. в Санкт-Петербурге существовала группа «Сморгонская академия», куда входили после освобождения из заключения

¹ См.: Политическая полиция и политический терроризм в России: Вторая половина XIX — начало XX веков: сб. документов. М., 2001. С. 26.

и бывшие ишутинцы. Молодых людей объединяло тяжелое материальное положение, отсутствие постоянного места проживания, страх остаться один на один с жизнью отщепенца, оказаться почти маргиналом в обществе. Причастность к «революционному движению», к каракозовцам была модой того времени среди молодых людей¹.

Исследования личности политических преступников в рамках антропологического направления в криминологии предприняли в начале XX в. Ч. Ломброзо и его ученик и последователь Р. Ляски. Из всей совокупности «прирожденных преступников» они выделили однородную категорию политических преступников – «бунтари»: так именовались революционеры – участники Парижской коммуны².

Прошедшие с той поры полтора века мало что изменили в портрете современного террориста. В. Н. Бурлаков определяет его следующим образом: «Личность преступника является характеристикой социально дезинтегрированного лица, состоящей из совокупности негативных свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами ситуации на совершение преступления»³.

Современными проблемами в этом направлении занимаются политическая криминология и криминальная политическая антропология.

Так, Н. А. Силаева, давая криминологическую характеристику личности преступника, посягнувшего на политическую систему Российской Федерации, в генезисе его личности выделяет следующие основные стадии: стадию предкриминальной личности, стадию криминальной личности и стадию посткриминальной личности. Без изучения личности политического преступника нельзя понять причины ни отдельного политического преступления, ни политической преступности как политико-криминологического явления⁴.

¹ Кириллов В. Л. Революционный терроризм, которого не было: тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х годов. М., 2016. С. 64, 75.

² См.: Ломброзо Ч., Ляски Р. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1906. С. 34–36, 127.

³ Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. СПб., 2006. С. 31.

⁴ Силаева Н. А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего посягательства на политическую систему Российской Федерации: Опыт контент-анализа криминологической информации // Полицейская и следственная деятельность. 2017. № 4. С. 40–49.

П. А. Кабанов, один из разработчиков криминальной политической антропологии, определяет личность политического преступника как совокупность социально значимых свойств личности, образовавшихся в процессе ее общественной либо политической деятельности и обуславливающих использование ею для достижения политических целей средств, порицаемых с позиции действующего национального и/или международного уголовного законодательства¹.

Большинство исследователей причин российского политического терроризма отмечали специфику российского правосознания, в котором «нормы права и нормы нравственности... недостаточно дифференцированы и живут в слитном состоянии»² и присутствует нигилистическое отношение к праву.

По мнению А. В. Гурьяновой и А. Е. Маховикова, причина этого лежит в исторически сложившемся и глубоко укоренившемся в правовом сознании соотношении норм права и норм нравственности. Отношение к праву в российской культурной традиции всегда было опосредовано доминированием над ним нравственных норм. В рамках российской правовой ментальности правовые и нравственные нормы также неравноценны, поскольку последние наделяются абсолютной ценностью, а первые — лишь относительной.

Понимание общего блага в российской ментальности относится к области Божественной, трансцендентной и потому рассматривается в качестве некоего высшего, господствующего над индивидом начала. В этом случае реализация всеобщей солидарности становится возможной только на основе нравственных принципов самоограничения индивидуальной свободы ради достижения этого общего блага³.

Российские императоры, и Александр II не исключение, воспринимались большинством населения империи буквально как «одушевленный закон». Александр II признавался как единственный источник и носитель прав, но и ответственность за принятые решения полностью ложилась на него. Отсюда и персонификация государственных проблем с личностью российского императора, и индивидуальная направленность террористических

¹ Кабанов П. А. Криминальная политическая антропология как частная политико-криминологическая теория: лекция. Нижнекамск, 2006. С. 8.

² См., например: Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) (Часть первая) // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. Вып. 1 (61). С. 21–24.

³ Гурьянова А. В., Маховиков А. Е. К вопросу о специфике российского правосознания: цивилизационно-ценностный аспект // Философская мысль. 2018. № 4. С. 52–58.

действий той же «Народной воли» против Александра II. А экстремизм руководителей «Народной воли» выражал общую тенденцию к радикализации всего революционного движения в России.

Российскому правосознанию, по утверждению русского политического философа И. А. Ильина, жизненно «необходима и вера, и любовь, и внутренняя свобода, и совесть, и патриотизм, и чувство собственного достоинства, и чувство справедливости»¹.

¹ *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 252.

Н. Р. Славнитский

Участники «хождения в народ» в ссылке в северных губерниях России

«Процесс 193-х», проходивший в 1877–1878 гг. над участниками «хождения в народ», задержанными в 1874 г., стал важным эпизодом общественной жизни в России в годы реформ императора Александра II. Под следствием оказались несколько тысяч человек, многие были отправлены на каторгу и в ссылку в Сибирь, а позже стали видными революционерами. Их жизнь и деятельность хорошо изучена, а вот судьбы других участников движения известны меньше. Статья посвящена тем ходокам в народ, кто после ареста в административном порядке был выслан в северные области России – Архангельскую и Вологодскую губернии.

Ключевые слова: кружок чайковцев, процесс 193-х, политическая ссылка, Архангельская губерния, Вологодская губерния.

Nikolay R. Slavnitskiy

Participants in “going to the people” in exile in the northern provinces of Russia

“The process of the 193s”, which took place in 1877–1878 over the participants in the “going to the people”, detained in 1874, became an

Славнитский Николай Равильевич (Санкт-Петербург) – Государственный музей истории Санкт-Петербурга, главный научный сотрудник; кандидат исторических наук.

Nikolay R. Slavnitskiy – State Museum of the History of St. Petersburg, Leading Researcher; Ph.D. (History).

slavnitski@bk.ru

© Н. Р. Славнитский, 2019

important episode of public life in Russia during the reforms of Emperor Alexander II. Under the investigation were several thousand people, many of whom were in penal servitude and in exile in Siberia, and later became prominent revolutionaries. Their lives and activities are well studied, but the fate of other participants in the movement is less known. And this article is devoted to those of them who, after arrest, were exiled administratively to the northern regions of Russia – Arkhangelsk and Vologda provinces.

Keywords: Chaikovsky circle, process of the 193s, political exile, Arkhangelsk province, Vologda province.

В 1877 г. в северные области России стали прибывать участники процесса – члены «Большого общества пропаганды» (известного также под названием «кружок чайковцев»), у истоков которого стоял М. А. Натансон. Большинство из них оказались в Сибири, но многие из участников этого процесса были высланы «в отдаленные губернии России, кроме сибирских» – именно так в то время в документах указывали Архангельскую и Вологодскую губернии – в административном порядке.

Административная (внесудебная) ссылка применялась правительством уже не одно десятилетие (наиболее известные примеры – А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Н. И. Огарев), только до начала 1860-х гг. политические приговоры такого рода были единичными случаями, а вот в 1870-е гг. этот метод стали применять все чаще, и в ходе рассмотрения дела «о преступной пропаганде в империи» принципы административной высылки утвердились окончательно. Судьбу человека в таких случаях решали министр юстиции, министр внутренних дел или руководитель III отделения, и переписка между ними позволяет выявить тех, кто оказался в северных областях.

В ноябре 1876 г. было решено административно выслать в одну из отдаленных губерний Европейской России из числа привлекавшихся к дознанию по «процессу 193-х» «вдову штабс-капитана Марию Четвергову, сына священника Ивана Царевского, мещанина Сергея Носкова, студента Николая Смирнова, студента Натана и мещанина Лейзера Голубовых, мещанина Федора Жарковского и сына священника Ивана Романова, как лиц крайне неблагонадежных»¹.

В данном случае не все из них отправились на Север, в частности дочь генерал-майора и вдова штабс-капитана М. П. Четвергова отбывала ссылку в Вятской области.

Сын священника И. Д. Царевский был сослан в Усть-Сысольск (Вологодская губерния), куда прибыл в январе 1877 г. Причиной ссылки стали

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393. Л. 150.

«сношения с лицами, которые привлекались к дознаниям по государственным преступлениям»¹. Сложно сказать, был ли Иван Денисович до ареста противником правительства (есть сведения, что он принимал участие в революционной пропаганде в Саратове), но в ссылке он точно стал таковым. Дважды И. Д. Царевский пытался бежать из Усть-Сысольска (летом 1878 г.), и обе попытки оказались неудачными². В результате его решили перевести в Якутскую область³, причем он и там не отказался от стремления вырваться на волю⁴.

Другую группу высланных «в отдаленные губернии под надзор полиции» составили Василий Князев, Семен Жуков, Александр Война, Ильяс Аитов и Николай Цакни⁵. А. Г. Война, как и М. П. Четвергова, был отправлен в Вятскую губернию, а остальные – в Архангельскую и Вологодскую.

В. И. Князев – сын священнослужителя Вятской губернии, принимал участие в работе народнических кружков и несколько раз задерживался полицией в начале 1870-х гг. Каждый раз его отпускали из-за недостатка улик, но при дознании по тому делу это уже не имело значения. Василия Ивановича подозревали в том, что он «служил посредником при передаче переписки запрещенного содержания». Сам В. И. Князев это отрицал, поэтому было решено ограничиться в отношении него административными мерами⁶. В ноябре 1876 г. он был отправлен Архангельскую губернию, поселился в Холмогорах и жил там до 1881 г.

Двадцатидвухлетний дворянин С. А. Жуков, по версии следствия, «находился в близких отношениях с членами революционных кружков, участвовал иногда на сходках, работал в кузнице вместе с другими лицами, подготовлявшими себя к деятельности среди народа и передал крестьянину Перчанкину книгу запрещенного содержания, развив ему при этом мысль о необходимости изменения существующего порядка вещей. Последнего Перчанкин, однако, не подтвердил и других данных к обвинению Жукова не обнаружено»⁷. Есть также сведения, что Семен Александрович принимал участие в «хождении в народ» и занимался антиправительственной пропагандой в Нижегородской губернии (вместе с участниками «кружка артиллеристов»), но это осталось

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393. Л. 62–69.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 441. Л. 10–11.

³ Корф Г. М. К биографии А. А. Франжоли // Каторга и ссылка. 1931. № 7. С. 90.

⁴ Лион С. Е. Морской побег. М., 1926.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393. Л. 62–69.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

неизвестным органам дознания или недоказанным. Его решили отправить в Пудож Олонецкой губернии, но там он пробыл недолго — уже в июле 1877 г. С. А. Жуков подал прошение о переводе его в Орел, к матери и сестрам, оставшимся без средств к существованию (аналогичное прошение подала его мать), и ему разрешили вернуться домой¹.

Дворянину Н. П. Цакни было предписано ехать «в один из отдаленных уездов городов Архангельской губернии». Более суровое, по сравнению с другими, наказание было связано с тем, что Николай Петрович уже не первый раз оказывался в полиции. В 1871—1872 гг. он активно занимался организацией кружков самообразования в Москве, и за это подлежал ссылке в Вологодскую губернию. Обвинения по «делу о преступной пропаганде в империи» были более шаткими (ему вменялось в вину знакомство с С. М. Кравчинским и Д. А. Клеменцом), и «по совокупности» его определили в Мезень. К тому времени состояние его здоровья оставляло желать лучшего (ему было всего 25 лет, но уже сказывалось пребывание в тюрьмах), а климат Русского Севера для уроженца Таврической губернии был тяжелым, поэтому он неоднократно подавал ходатайства о переводе его в другую местность (они оставались, как тогда писали, «без последствий»)² и в конце концов решился на побег. В сентябре 1878 г. Н. П. Цакни скрылся³ и на английском пароходе уехал в Лондон (в 1880 г. полиция предполагала, что он находится в Париже⁴). В следующем году у него родилась дочь Анна, которая позже вышла замуж за И. А. Бунина (а затем за А. М. Дерibasа, ее первый брак оказался недолгим). Произошло это в Одессе в то время, когда Николай Петрович, вернувшийся в Россию в конце 1880-х гг., занимал должность редактора либеральной газеты «Южное обозрение».

Подпоручик Ильяс Аитов был заподозрен «в принадлежности к сообществу с целью изменения существующего порядка исключительно на основании данного им показания, из которого усматривается, что по его убеждению, существующее экономическое положение низшего класса в России ненормально и что поэтому необходимо проводить в народе теории об уничтожении эксплуатации»⁵. Так как других подтверждений этому не было, дело Аитова тоже решили не передавать в суд, а назначить ему административную ссылку. Сослан он был в Вологодскую губернию и жил в Усть-Сысольске.

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 369. Л. 36—42.

² Там же. Л. 22, 23, 26, 47.

³ Там же. Л. 64, 66.

⁴ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 66. Л. 43.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393. Л. 63—64.

Еще одним высланным оказался Василий Филиппович Трошанский, арестованный, скорее всего, случайно. В 1870 г. он был выслан в Вятку за участие в студенческих волнениях в Санкт-Петербурге, а оттуда в 1873 г. был переведен в Курск по состоянию здоровья и там организовал кружок самообразования из местной молодежи. В следующем году развернулось массовое «хождение в народ», полиция стала задерживать всех, кто вызывал подозрение, и ссыльный, конечно, таковым казался.

В. Ф. Трошанского не стали привлекать к процессу, но отметили, что он занимался устройством сходок с противозаконными целями, а также его крайнюю политическую неблагонадежность, поэтому выслали из места жительства административным порядком¹. Куда ему надлежало ехать, в постановлении не указано, он оказался в Мезени, а затем в Холмогорах, но оттуда бежал осенью 1876 г.²

После «процесса 193-х» в ссылке оказалась и Вера Павловна Рогачева (1851–1894), дочь надворного советника из Орловской губернии, вышедшая замуж за Д. М. Рогачева – одного из тех, кого признали «организатором преступного сообщества». Брак был фиктивным, однако В. П. Рогачеву арестовали в декабре 1873 г., когда ее мужа стала разыскивать полиция (он отправился «в народ» одним из первых, вел вместе с С. Кравчинским пропаганду в Тверской губернии, там был задержан, но смог бежать и с этого времени находился на нелегальном положении). В. Н. Рогачеву вскоре освободили, после чего она сама отправилась «в народ», что привело ко второму аресту осенью 1874 г. Обвинялась она в «составлении противозаконного и участия в нем», но суд в январе 1878 г. оправдал ее³.

Однако у III отделения было несколько иное мнение, и 4 июня 1878 г. санкт-петербургский градоначальник получил предписание «выслать из Санкт-Петербурга в распоряжение Вологодского губернатора определенную по последнему делу о преступной пропаганде жену осужденного в каторжные работы дворянина Дмитрия Рогачева Веру Павловну Рогачеву»⁴. Управляющий отделением мотивировал это тем, что она «по своим убеждениям, крайне дерзкому характеру, чрезвычайно вредной прежней деятельности своей, продолжающейся и ныне, не может быть терпима в столице»⁵. Министр внутренних дел поддержал его и дал соответствующее поручение столичному градоначальнику.

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393. Л. 14.

² Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 79.

³ Корф Г. М. К биографии А. А. Франжоли. С. 91.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 328. Л. 542.

⁵ Там же. Д. 441. Л. 1.

На следующий день градоначальник доложил министру, что Рогачева задержана¹, после чего ее выслали в Вологодскую губернию², губернатор распорядился поселить ее в Усть-Сысольске. Там Вера Павловна, однако, прожила недолго. В августе того же года местный исправник сообщил, что она «оказывает весьма вредное влияние на прочих, находящихся в Усть-Сысольске политических ссыльных», является зачинщицей конфликта с администрацией (потребовавшей от ссыльных, чтобы они не выходили из дома по вечерам и не катались по реке), а также помогает ссыльным при побегах. Поэтому вологодский губернатор, по согласованию с министром внутренних дел, распорядился перевести ее в Яренск, где в то время не было других поднадзорных³.

Обвинение в помощи побегам основывалось лишь на подозрениях исправника. У совершившего неудачный побег И. Д. Царевского были обнаружены кисет для табака и сухари. По словам исправника, именно Вера Павловна заведовала в Усть-Сысольске «кухмистерской частью» (то есть общей кухней ссыльных) и приготовила ему сухари.

Чуть позже выяснилось, что она поддерживала связи (переписывалась) с другими участниками «хождения в народ»⁴. Судя по всему, В. П. Рогачева действительно являлась одним из лидеров в коллективе политических ссыльных, поэтому местная администрация стремилась изолировать ее от других поднадзорных.

В начале 1879 г. В. П. Рогачева подала прошение о переводе в Харьковскую губернию, чтобы жить рядом с мужем, но оно было отклонено III отделением⁵. Вскоре в Яренске тоже стали появляться политические ссыльные и начались аналогичные конфликты с администрацией (на сей раз поводом стало запрещение одному из них принимать участие в общественном вечере по случаю открытия нового казарменного здания). Веру Павловну вновь посчитали зачинщицей «брожения». Губернатор полагал, что она пользуется большим авторитетом среди поднадзорных, в том числе и потому, что является женой одного из руководителей сообщества, и в ноябре 1879 г. обратился в министерство с просьбой перевести ее в другую область. Министр предложил отправить Рогачеву в Архангельскую губернию, но управляющий III отделением придерживался мнения, что данная мера «не остановит ее

¹ Там же. Д. 328. Л. 595.

² Там же. Д. 441. Л. 7.

³ Там же. Л. 10–11.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 16, 19.

преступной деятельности», и посчитал целесообразным высылку в восточную часть Сибири, что и было сделано в конце декабря¹.

В 1878 г. в Архангельскую губернию был доставлен А. Н. Петерсон — один из первых рабочих, оказавшихся в ссылке на севере. Он был кронштадтским мешанином, родился в семье унтер-офицера, учился в школе Ижорского завода (Колпино), а после ее окончания стал работать в инструментальной мастерской Патронного завода (Санкт-Петербург). Там в 1871 г. примкнул к народническому движению в форме рабочих кружков, вел пропаганду среди рабочих. Со временем вошел в кружок, созданный С. С. Синегубом, а в марте 1874 г. был арестован вместе с другими участниками кружка и привлечен к делу «о преступной пропаганде в империи»².

Сначала Алексей Николаевич содержался в Литовском замке, а с 2 мая 1875 по 14 октября 1876 г. находился в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости³. Затем был переведен в Дом предварительного заключения и вскоре освобожден с обязательством явиться в суд во время процесса, однако на заседания суда не явился. После этого он решил уехать в Калугу (в то время был подчинен гласному надзору полиции без ограничения места жительства), где вошел в состав землевольческой организации, созданной М. А. Натансоном, получившей позже название «Общество друзей», а в конце 1877 г. вместе с С. Н. Халтуриным и Д. Н. Смирновым организовал «Северный рабочий союз». Однако вскоре, в начале февраля 1878 г., снова был арестован и привлечен к дознанию по делу «Общества друзей». По словам одного из участников, давшего откровенные показания, А. Н. Петерсон был «деятельным членом преступного сообщества», кроме того, у него имелись запрещенные книги, которые он собирался раздать рабочим Патронного завода. К «процессу 193-х», который в то время уже завершался, его не привлекли и решили дело в том же административном порядке: по предложению министра юстиции он был выслан «в одну из отдаленных губерний под надзор полиции»⁴. Так он снова оказался в Архангельской губернии и поселился в Пинеге, но задержался там ненадолго и вскоре бежал⁵.

В северных областях оказались и те, кто был признан судом невиновным, — А. В. Тушинская, П. А. Орлов, М. Ф. Грачевский.

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 328. Л. 21–22, 26.

² *Петерсон А. Н.* Автобиография // Тютчев Н. С. В ссылке и другие воспоминания. Ч. 2. М., 1925. С. 85.

³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1140. Л. 41.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 398. Л. 96, 113.

⁵ *Петерсон А. Н.* Автобиография. С. 86.

Анна Васильевна Тушинская не принимала активного участия в пропаганде, просто знала некоторых народников и в 1874 г. познакомила их с П. И. Войноральским – своим земляком, которого хорошо знала еще по жизни в Пензе (позже они регулярно переписывались). Поэтому, когда их арестовали, задержали и А. В. Тушинскую, но вскоре отпустили «на поруки». Она осталась в столице и жила вместе с К. П. Блаудзевич и вскоре снова была арестована вместе с подругой, Г. А. Мачтетом и всеми, кто пытался освободить П. И. Войноральского (она, скорее всего, тоже принимала в этом участие)¹. Теперь ее отправили в одиночную камеру тюрьмы Трубецкого бастиона, где она находилась чуть больше года – с 2 октября 1876 по 11 октября 1877 г.², затем ее перевели в Дом предварительного заключения.

После суда она уехала в Пензу (где жили ее родители и сын, учившийся в гимназии), но по распоряжению министра внутренних дел была отправлена в Олонецкую губернию, правда, ненадолго: уже в июле того же 1878 г. ее перевели в Вологду, а в 1880 г. – в Архангельскую губернию, где А. В. Тушинская находилась до 1882 г.

Павел Александрович Орлов – сын офицера, происходивший из яицких казаков, включился в процесс «хождения в народ» самостоятельно: в 1874 г. организовал столярную мастерскую у себя в Оренбургской губернии, а затем отправился по деревням. То есть он сам, не имея никаких связей с другими кружками, сделал все то же самое, что и другие народники. В том же году его арестовали и отправили в Санкт-Петербург, суд признал его невиновным, но Министерство внутренних дел решило отправить его в ссылку в Архангельскую губернию. Летом 1878 г. он приехал в Холмогоры, однако очень быстро скрылся оттуда³, после чего перешел на нелегальное положение. В столице, а затем в Киеве П. А. Орлов налаживал связи с народническими кружками и в следующем году был задержан, причем на сей раз оказал вооруженное сопротивление. Поэтому судил его Киевский военно-окружной суд, и Павел Александрович оказался на каторге.

Недалеко от П. А. Орлова, в Пинегу, в том же 1878 г. был сослан М. Ф. Грачевский, тоже практически не связанный с организацией и принимавший участие в антиправительственной агитации. Суд признал его виновным «в имении, без разрешения начальства, книг преступного содержания» и приговорил к тюремному заключению сроком на три месяца. Но так как в ходе дознания он провел три года в одиночном заключении, ему «вменили

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 395. Л. 116–118.

² РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 403. Л. 48; Д. 449. Л. 476.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 429. Л. 36.

в наказание предварительный арест»¹. После чего решили отправить в Архангельскую губернию в административном порядке. Как и П. А. Орлов, он в ссылке жил недолго и в 1879 г. тоже скрылся из-под надзора полиции, благополучно добрался до столицы, вскоре стал одним из лидеров партии «Народная воля» и принял участие в покушении на императора Александра II. Арестовать его смогли лишь в 1882 г., затем он был приговорен к бессрочной каторге и скончался в Шлиссельбургской крепости.

В конце 1879 г. в Архангельской ссылке оказался Марк-Константин Кац. Он был сыном екатеринославского купца, в начале 1870-х гг. поступил в Харьковский университет и там вошел в состав кружка, сформированного С. Ф. Коваликом. Члены этой группы поддерживали связи с чайковцами и в 1874 г. отправились «в народ». Так же поступил и М.-К. Кац, уехав в Смоленскую губернию. В том году ему удалось избежать ареста и уехать в Румынию. Но в ходе Русско-турецкой войны на ее территории оказались российские войска, и в декабре 1878 г. он был задержан «на русской станции Галац Бендеро-Галацкой железной дороги под именем Роберта, причем открыл свое настоящее имя и объяснил, что удалился в 1874 году за границу вследствие возбужденного преследования членов Харьковского революционного кружка»².

М.-К. Каца сразу же отправили в Санкт-Петербург, и с 2 декабря 1878 по 8 января 1879 г. он находился в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской крепости³. Дело о нем было решено в административном порядке (и очень быстро). Управляющий III отделением пришел к выводу, что собранные сведения о преступной деятельности Каца не представляют юридических данных для возбуждения против него судебного преследования, но в то же время он является лицом неблагонадежным в политическом отношении⁴. Поэтому его решили выслать под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию в административном порядке. Уже 8 января он был «передан санкт-петербургскому градоначальнику», а 1 февраля отправлен по назначению⁵.

Поселился М.-К. Кац в Мезени, но там пробыл недолго. В июле того же года он бежал через Норвегию снова в Румынию, где принял румынское подданство под именем Костика Доброджану-Герее. До своей кончины жил

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 396. Л. 228–240.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 468. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 417. Л. 39об., 121, 127; Д. 474. Л. 71, 129.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 468. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 5–6; РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 121, 127–129.

в Плоешти, со временем стал основателем и лидером румынской социал-демократической партии.

Последним из чайковцев в северных губерниях оказался Андрей Афанасьевич Франжоли. Он был сыном мелкого купца (его отец занимался табачной торговлей), австрийского подданного, родился в 1848 г. в Херсоне. Учился в уездном училище, затем поступил в Херсонскую гимназию, но вскоре был вынужден прекратить обучение из-за недостатка средств, правда, при этом выдержал экзамен на ученика, а через несколько лет – на помощника аптекаря. Во время работы в аптеке познакомился с С. Л. Чудновским, который в то время был выслан в Херсон за участие в студенческих беспорядках в Санкт-Петербурге, и под влиянием общения с ним решил отправиться в 1870 г. в Санкт-Петербург, где поступил в Технологический институт.

С. Л. Чудновский позже писал в своих воспоминаниях: «В конце 60-х годов в Херсоне самой популярной аптекой была аптека герра Миллера. В этой аптеке находились на службе в качестве аптекарских помощников И. Н. Болотников и А. А. Франжоли. Эти-то „аптекарские помощники“ были, можно сказать, более всех заинтригованы водворенными в Херсоне „поднадзорными студентами“. Оба они очень тяготились своей профессией, ничего не дававшей их уму и сердцу.

Эти „фармацевты“ одни из первых свели со мной знакомство. Мы очень коротко сошлись, и между нами очень скоро завязалась тесная и сердечная дружба. Комнатка, отведенная им при аптеке, была наиболее любимым местом моего времяпровождения. Здесь я был желанным гостем во всякое время – днем и ночью. Оба „фармацевта“ готовы были делиться со мной последним куском. Частенько приходилось мне у них и ночевать, так как увлекающийся Андрей по целым часам расспрашивал о житье-бытье в Питере, о вопросах, волнующих молодежь, о видах на будущее, надеждах и чаяниях. Не прошло и месяца после нашего знакомства, как оба друга объявили мне о своем категорическом решении похерить аптеку и фармацевтическую деятельность и поступить в Технологический институт, предложив при этом давать им уроки по математике. У А. А. Франжоли такое решение созрело после упорной внутренней борьбы. Дело в том, что семья его была крайне бедная и за смертью отца (мать, две сестры и два брата) существовала почти исключительно на его скудный заработок. К семье он был очень привязан, и судьба ее его очень заботила. Но тут, с одной стороны, явилась на помощь старшая сестра, Евгения Афанасьевна, получившая место народной учительницы, с другой стороны, твердая вера в собственные силы и уверенность, что в Технологическом институте ему удастся „уроками“ поддерживать семью»¹.

¹ Чудновский С. Л. Из давних лет. Воспоминания. М., 1934. С. 33.

Однако в столице А. А. Франжоли тоже не удалось закончить образование. С 1872 г. он жил в Одессе, где работал помощником фельдшера в городской больнице, а затем – домашним учителем¹. В общем, вполне типичная судьба для разночинца того времени. К слову, его младший брат Дмитрий тоже позже увлекся народническими идеями, в 1879 г. навлек на себя подозрения полиции в антиправительственной деятельности и был подчинен надзору полиции, который был снят в 1884 г., но в 1889 г. в Уфе у него обнаружили запрещенную литературу, в результате чего ему пришлось месяц провести за решеткой².

В Санкт-Петербурге А. А. Франжоли познакомился с некоторыми членами кружка чайковцев, в 1873–1874 гг. входил в одесский кружок народо-вольцев. Кроме того, он поддерживал связи с кружком С. А. Жебунева, члены которого стремились «путем науки дойти до познания народного блага» и считали, что «в России народное благо возможно лишь путем развития сельских общин», поэтому с самого начала ориентировались на агитацию в деревнях. Затем он отправился в Борзенский уезд Черниговской губернии, там стал сельским учителем в деревне Фастовцы и занялся антиправительственной пропагандой³. А. Я. Ободовская – одна из основателей кружка чайковцев – примерно в то время писала об А. А. Франжоли А. О. Лукашевичу: «Оказывается, это лучшая, живая, нравственная сила, для него существует одно насущное дело, и он не может вовсе по жизненной натуре своей увлекаться расчетами какого бы то ни было калибра»⁴.

Однако деятельность оказалась неудачной (сам А. А. Франжоли пришел к выводу, что должность сельского учителя для агитации крестьян не подходит, поскольку препятствует сближению с народом), он решил вернуться в Одессу. Вскоре после того, как С. А. Жебунев был выдан полиции Г. С. Трудницким, Андрей Афанасьевич был арестован и привлечен к делу о «преступной пропаганде в империи».

Сначала А. А. Франжоли содержали в Конотопской тюрьме, летом 1876 г. он был переведен в Одесскую, а осенью того же года доставлен в Санкт-Петербург. По дороге пытался бежать, выпрыгнув из поезда на ходу, но был довольно быстро обнаружен⁵. При падении он сильно повредил себе позвоночник, и это скажется в будущем. Когда его доставили в столицу, было

¹ Кункль А. А. А. А. Франжоли. М., 1930. С. 7–8.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 433. Л. 139–141.

³ Государственные преступления в России в XIX в.: в 3 т. Т. 3. СПб., 1908. С. 126.

⁴ Там же. С. 133–134.

⁵ Морозов Н. В. Андрей Франжоли // Былое. 1907. № 3. С. 284.

принято решение поместить его в одиночную камеру тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где он провел почти год – с 6 ноября 1876 по 11 октября 1877 г.¹

23 января 1878 г. Особым присутствием Сената Андрей Афанасьевич был признан виновным «во вступлении в противозаконное сообщество с целью ниспровержения в более или менее отдаленном будущем правительства и государственного устройства в Империи» и приговорен к лишению всех прав и высылке в Тобольскую губернию. Правда, при этом Сенат, приняв во внимание «длительное нахождение в одиночном заключении во время предварительного ареста», ходатайствовал перед императором о том, чтобы изменить это в наказание. Против этого выступил министр юстиции К. И. Пален, посчитавший, что А. А. Франжоли «не может быть признан заслуживающим снисхождения»².

Вообще Андрей Афанасьевич оставался австрийским подданным, поэтому первоначально предполагалось выслать его за границу. Но австрийские власти не захотели принимать его, и местом ссылки была назначена Тобольская губерния. Однако император Александр II в отношении А. А. Франжоли решил встать на сторону Сената, а не министра, и удовлетворил ходатайство о смягчении наказания (отметим, что этот случай был почти исключительным в данном деле – в большинстве случаев он согласился с мнением К. И. Палена).

После освобождения Андрей Афанасьевич уехал к родителям в Херсон, где находился под негласным надзором полиции. Там он вскоре познакомился с А. И. Желябовым и продолжил пропагандистскую деятельность, но снова был арестован (полиция, разумеется, быстро узнала об этом) и сослан в Сольвычегодск Вологодской губернии – на сей раз без суда, по распоряжению министра внутренних дел, поддержанному министром юстиции³.

Приехав сюда, А. А. Франжоли писал родным: «Мне ужасно хотелось пристроиться к больнице (в качестве аптекаря), но доктор на мое двукратное заговаривание отмалчивается, и мне, очевидно, не удастся достигнуть желаемой работы. Теперь начал учиться шить сапоги и работаю очень усердно – хотя бы одно ремесло произойти. Нас, ссыльных, тут три человека – я, Завадская, Щербина, последний с женой. Я живу с Щербиными, а Завадская отдельно»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 402. Л. 97, 98об.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 396. Л. 228–240.

³ Там же. Д. 398. Л. 185–187.

⁴ Корф Г. М. К биографии А. А. Франжоли. С. 96.

Евгения Флориановна Завадская родилась в 1852 г. в Воронеже и училась в воронежской гимназии (она была дочерью штабс-капитана и помещика Валуйского уезда Воронежской губернии). В начале 1870-х она тоже оказалась в Санкт-Петербурге и окунулась в студенческое движение, но в то время их пути с Андреем Афанасьевичем не пересеклись, а в 1872 г. Е. Ф. Завадская уехала учиться в Цюрих. Интересно, что после возвращения из-за границы она тоже работала сельским учителем (в Курской губернии) и занималась пропагандой среди крестьян, в связи с чем в 1874 г. была арестована и привлечена к дознанию по делу «о преступной пропаганде в империи». Правда, в заключении (в Воронеже) она пробыла недолго, пока шло следствие, затем была освобождена до суда, переселилась в Санкт-Петербург, где окончила акушерские курсы, а после суда, состоявшегося в январе 1878-го, была передана на поруки.

Е. Ф. Завадская отправилась в Воронеж, где остановилась у распропагандированной ею бывшей надзирательницы воронежской тюрьмы, общалась с народниками. По словам товарищей, в Воронеже она пользовалась общей любовью в культурной среде¹. Но осенью того же года по распоряжению министра внутренних дел ее решили выслать в Сольвычегодск «в административном порядке».

Чем А. А. Франжоли и Е. Ф. Завадская там занимались и как жили, к сожалению, неизвестно – других ссыльных в те годы в Сольвычегодске не было, а сами они воспоминаний не оставили (вообще жизнь у них получилась очень бурной). С. Л. Чудновский отмечал, что в 1879 г. получил от Андрея Афанасьевича «последнее письмо из Сольвычегодска, письмо по обыкновению восторженное и жизнерадостное, хотя он страдал уже и тогда неизлечимую болезнью...»².

В 1880 г. Франжоли и Завадская решили бежать из ссылки: прозябать в отдаленной местности Андрей Афанасьевич не мог. Сначала они поехали в Казань (выбрали обходную дорогу), затем в Москву³, а оттуда перебрались в Санкт-Петербург при помощи членов организации «Народная воля». Их побег фактически «подвел черту» под ссылкой участников «хождения в народ» в северных губерниях.

¹ *Попов М. Р.* Из моего революционного прошлого // *Былое.* 1907. № 7. С. 255–256.

² *Чудновский С. Л.* Из давних лет. С. 33.

³ *Кункль А. А.* А. А. Франжоли. С. 20.

**Россия в международных отношениях
второй половины XIX в.**

А. В. Гринёв

Император Александр II и продажа Аляски США

Продажа Россией своих владений в Америке Соединенным Штатам в 1867 г. до сих пор вызывает жаркие дискуссии на страницах научных работ, в публицистике и интернет-пространстве. Одной из ключевых исторических фигур, предопределивших судьбу Русской Америки, был император Александр II, от воли которого в конечном итоге зависело роковое решение о продаже Аляски.

Ключевые слова: Александр II, продажа Аляски, великий князь Константин Николаевич, Русская Америка, Российско-Американская компания.

Andrei V. Grinëv

Emperor Alexander II and the sale of Alaska to the USA

The sale by Russia of its overseas possessions in America to the United States in 1867 still provokes heated discussions on the pages of scientific works, in popular journalism, and on Internet sites. One of the key historical figures that predetermined the fate of Russian America was the Emperor

Гринёв Андрей Вальтерович (Санкт-Петербург) – ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Гуманитарный институт, Высшая школа общественных наук, профессор; доктор исторических наук.

Andrei V. Grinëv – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Humanitarian Institute, Graduate School of Social Sciences, Professor; Dr. (History).

agrinev1960@mail.ru

© А. В. Гринёв, 2019

Alexander II, from whose will depended ultimately the fateful decision to sell Alaska.

Keywords: Alexander II, sale of Alaska, Grand Duke Konstantin Nikolaevich, Russian America, Russian-American Company.

Император Александр II – весьма заметная фигура в отечественной истории, причем в оценке его деятельности обычно преобладают позитивные суждения. Даже в советской историографии Александра II упоминали как «царя-освободителя», отменившего крепостное право и запустившего череду прогрессивных реформ в России. В сфере внешней политики его царствование было ознаменовано достаточно крупными достижениями: окончанием Крымской войны, вхождением в состав империи Приморья и Сахалина, присоединением к России Средней Азии, освобождением Болгарии от турецкого ига. На этом фоне продажа Аляски США в 1867 г. (150-летний юбилей этого события отмечался в 2017 г.)¹ выглядит, с точки зрения большинства наших современников, как явное ослабление позиций страны на международной арене. Некоторые настроенные особенно патриотично журналисты в публикациях на интернет-сайтах не стесняются в выражениях. Так, заголовок статьи, опубликованной 30 марта 2017 г. на портале «Газета.ру», гласил: «Продажа за бесценок Аляски – это позор»².

Что касается советской и современной российской научной историографии, то здесь нет единого мнения. Ряд авторов однозначно осуждают акт уступки Россией своих заокеанских владений США. Такая точка зрения преобладала и в послевоенный период конфронтации с Соединенными Штатами. Некоторые авторы, выходя порой за рамки научной этики, писали о «тупости» отдельных представителей царского правительства, которые «вопреки здравому смыслу» пришли к «позорному» решению продать Аляску, заключив «бессовестную сделку» с американцами³. В настоящее

¹ См.: *Гринёв А. В.* 150-летний юбилей продажи Аляски США на сайтах Интернета и страницах российской научной периодики // Вестник СПГУТД. 2018. № 2. С. 162–173.

² *Салькова А., Котляр П.* «Продажа за бесценок Аляски – это позор». 150 лет назад Россия продала Аляску США // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/03/30_a_10601939.shtml (дата обращения: 12.02.2018).

³ *Нарочницкий А. А.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке: 1860–1895. М., 1956. С. 181; *Белов М. И.* К столетию продажи Аляски // Известия ВГО. 1967. Т. 99, № 4. С. 290, 299; *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 302 и др.

время подобной трактовки придерживается И. Б. Миронов, защитивший в 2011 г. кандидатскую диссертацию¹, а до этого выпустивший монографию о продаже Аляски (которая с различными вариациями и мелкими дополнениями переиздавалась несколько раз)². В своих публикациях он последовательно проводит идею «дворцового заговора», завершившегося, по его мнению, «правительственной аферой» по уступке Россией своего стратегического форпоста на Американском континенте³. Согласно И. Б. Миронову, в ряды американских агентов и врагов России попали не только видные члены царского правительства, но и сам император Александр II. Правда, точка зрения И. Б. Миронова уже подверглась критике за односторонний подход и игнорирование важнейших экономических, политических и других факторов, которые объективно подталкивали Россию к отказу от заокеанских колоний⁴.

Тем не менее конспирологическая теория И. Б. Миронова иногда находит отклик среди ученых. Например, ее полностью поддержал известный экономист профессор МГИМО В. Ю. Касатонов в своей монографии 2014 г. В ней он утверждает, что из общей суммы 7,2 млн долл., полученной Россией от США за проданную Аляску, 1 млн долл. якобы отправились прямым счетом на личный счет Александра II в Банк Англии, откуда затем через французский банк 3 млн руб. были перечислены на счет любовницы

¹ *Миронов И. Б.* Политика правительства Российской империи в освоении и ликвидации Северо-Американских колоний (1799–1867 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история» / [Моск. пед. гос. ун-т; Воронеж. гос. пед. ун-т]. Воронеж, 2011.

² *Миронов И. Б.* Роковая сделка: как продавали Аляску. М., 2007; *Его же.* Аукцион «Россия»: как продавали Аляску. М., 2010; *Его же.* Как продавали Аляску. Все еще можно вернуть. М., 2011; *Его же.* Аляска преданная и проданная. История дворцового заговора. М., 2013 (переизд. 2014, 2017).

³ См.: *Миронов И. Б.* Воровская сделка // Наш современник. 2007. № 9. С. 262–271; *Его же.* К расследованию обстоятельств продажи Аляски Соединенным Штатам Америки // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2011. № 6. С. 172–187.

⁴ *Согрин В. В.* Изучение российско-американских отношений и истории США в постсоветской России // Journal of Russian American Studies. 2017. Vol. 1, № 1. P. 4. Подробнее о факторах, предопределивших продажу Аляски, см.: *Гринёв А. В.* Российский политаризм как главная причина продажи Аляски // Acta Slavica Iaponica. 2006. T. 23. С. 171–202.

императора княгини Е. М. Долгоруковой¹. Вместе с тем автор не затрудняет себя указаниями на документальные источники, а использует весьма сомнительную публикацию в Интернете некоего А. Клепова, а также уже упомянутую монографию И. Б. Миронова и ненаучную публицистическую работу С. А. Кремлева². Кроме того, хотя В. Ю. Касатонов по специальности экономист, он даже не задумывается над тем, как со счета в 1 млн долл. можно перевести 3 млн руб. при курсовом соотношении 1 долл. = 1,6 руб. в 1867 г.

С началом перестройки и улучшением международных контактов с США в конце 1980-х – начале 1990-х гг. отношение к договору 1867 г. о продаже Аляски начинает меняться, и часть историков во главе с академиком Н. Н. Болховитиновым получает возможность оспорить традиционные взгляды. Как полагал Н. Н. Болховитинов, решение царского правительства во главе с Александром II продать российские колонии было правильным и хорошо продуманным актом, проявлением стратегической мудрости тогдашнего руководства Российской империи³. Некоторые российские историки-американисты поддержали эту точку зрения⁴. Естественно, что она вызвала резко негативную реакцию среди ультрапатриотов и националистов⁵, включая упомянутого выше И. Б. Миронова⁶.

¹ Касатонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шаропова. М., 2014. С. 127–130.

² Клепов А. Витте и немецкие ордена. Ч. 5 // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2009/10/27/592> (дата обращения: 12.04.2018); Кремлев (Брезкун) С. Т. Русская Америка: открыть и продать! М., 2005.

³ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990. С. 200, 202.

⁴ Носков В. В. Империи нового времени // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике 22–25 апреля 1997 г.: Империи нового времени: типология и эволюция (XV–XX вв.): Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 88; Ушаков В. А., Арсанукаева Н. В. «Аляскинская проблема» в отечественной историографии (краткий обзор) // Русское открытие Америки: сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М., 2002. С. 467, 475–476; и другие работы.

⁵ См., например: Торон П. Аляска... Чья ты? 130-летию продажи Аляски посвящается. М., 1997.

⁶ Подробнее об этой проблеме: Знаменский А. А. Аляска в современной российской геополитической риторике // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 65–104.

Но прежде чем задаться вопросом, как можно оценить продажу Аляски и какова была роль в этом деле императора Александра II, необходимо хотя бы вкратце дать описание бывших российских американских колоний и их истории¹.

Начало Русской Америки было положено исследовательской экспедицией Михаила Гвоздева и Ивана Федорова, подошедшей к берегам Аляски в 1732 г., а окончательно она была открыта Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга и Алексея Чирикова в 1741 г. После них на новооткрытые земли, богатые пушным зверем, с Камчатки и из Охотска отправились многочисленные суда русских промышленников, профинансированных представителями различных купеческих компаний. В 1784 г. на большом острове Кадьяк у берегов Южной Аляски известный купец Григорий Шелихов основал первое постоянное русское поселение в Америке, заложив тем самым прочный фундамент русской колонизации. В 1799 г. на базе компаний наследников и компаньонов Шелихова (ум. в 1795) и объединения иркутских купцов сформировалась монопольная Российско-Американская компания (РАК). Она находилась под покровительством императора и управляла российскими колониями вплоть до их продажи в 1867 г.² Редкая цепь русских поселений располагалась в основном на островах, прилегающих к американскому материку, Алеутских, Командорских, Курильских островах и островах Прибылова. Вглубь континента русские продвинулись незначительно, их селения и фактории тяготели к морскому побережью, что значительно облегчало доставку товаров и продовольствия и вывоз ценной пушныны — главного богатства Аляски того времени. Впрочем, к концу существования Русской Америки основные доходы РАК получала уже не за счет продажи аляскинских мехов в Китае, России и других странах, а за счет экспорта чая из портов Китая в Петербург.

Следует сказать, что финансовое благополучие компании подвергалось значительным колебаниям в зависимости от конъюнктуры рынка, количества добытых мехов, качества принимаемых управленческих решений,

¹ См.: История Русской Америки (1732–1767): в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 1997–1999; *Гринёв А. В.* Аляска под крылом двуглавого орла: Российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории. М., 2016.

² *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1861; Ч. 2. 1863; *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939; *Ермолаев А. Н.* Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке, 1799–1871 гг. Кемерово, 2013; и другие работы.

воздействия государства и других факторов. Со второй половины 1840-х гг. РАК испытывала настоятельную потребность в государственной поддержке и льготах, так как доходы от продажи пушнины уже не покрывали затрат компании на содержание колоний (завоз продовольствия, товаров, выплаты служащим, поддержание социальной сферы и т. д.)¹. Государство шло навстречу компании, но одновременно привлекало ее к выполнению своих задач. В частности, при освоении Приморья и Сахалина в начале 1850-х гг. РАК служила ширмой для правительства в деле присоединения этих территорий к империи. Самой РАК это принесло лишь дополнительные убытки, которые не были полностью компенсированы со стороны казны² (компания фактически пожертвовала в пользу государства немалую сумму в 252 362 руб. сер.)³. Слабой моральной компенсацией для РАК стало монаршее «благоволение» со стороны Александра II, последовавшее 14 августа 1859 г., «за ревностное участие в исполнении предначертаний правительства в деле возвращения России Приамурского края». Кроме того, председатель Главного правления РАК генерал-майор В. Г. Политковский был награжден императором «за личное живейшее и полезное участие его в столь важном деле и за направление действий Компании в видах правительства, производством ему пожизненного пенсионера по две тысячи рублей серебром в год»⁴.

Выражая свою признательность РАК и ее руководству с заметным опозданием (видимо, в связи с 60-летним юбилеем организации), император Александр II вряд ли вспомнил, что его первые контакты с ней относились еще к окончанию Крымской кампании, когда он только вступил на престол. Тогда ему было доложено о «бунте» индейцев тлинкитов, проживавших у стен столицы Русской Америки – Ново-Архангельска. В марте 1855 г. индейцы после провокации напали на гарнизон города, но после двухчасового сражения запросили мира. Узнав подробности, царь «всемилоостивейше» повелел наградить наиболее отличившихся в этом деле раненых знаками отличия военного ордена Св. Георгия и серебряными медалями с надписью «За храбрость». Раненный в сражении с тлинкитами офицер – прапорщик сибирского линейного батальона № 14 Алексей Баранов – удостоился ордена Св. Анны 4-й степени. Помимо этого, Александр II приказал объявить

¹ Гринёв А. В. Аляска под крылом... С. 413–415.

² Тихменев П. А. Историческое обозрение... Ч. 2. С. 84, 94–95, 105–111.

³ См.: Краткое историческое обозрение образования и действия Российско-Американской компании с самого начала учреждения оной и до настоящего времени. СПб., 1861. С. 81.

⁴ Отчет Российско-Американской компании за 1859 год. СПб., 1860. С. 9–10.

свое «высочайшее благоволение» главному правителю колоний капитану 1-го ранга С. В. Воеводскому «за принятие скорых и деятельных мер к прекращению возникших беспорядков»¹. В августе 1856 г. царь пожаловал Воеводскому чин контр-адмирала — это был единственный морской офицер столь высокого звания, управлявший колониями за всю их историю.

Особое «благоволение» Александра II к главному правителю колоний (а все они с 1818 г. избирались только из числа морских офицеров) предопределялось, видимо, еще тем фактом, что во время Крымской войны РАК удалось избежать разорения Русской Америки англо-французским флотом благодаря пакту о нейтралитете, заключенному с английской Компанией Гудзонова залива (КГЗ). Британское правительство санкционировало этот пакт накануне начала военных действий, поскольку представители КГЗ опасались, что хорошо вооруженные суда РАК под командой морских офицеров могли легко захватить фактории англичан на канадском побережье и уничтожить суда и пароходы КГЗ².

Окончание Крымской войны позволило колониальному начальству без опаски переправлять скопившиеся в Ново-Архангельске меха в метрополию. В 1856 г. их вывоз из колоний был особенно значителен. В итоге торговый баланс компании в этот период сводился с неизменным профицитом, а дивиденд на каждую акцию РАК к концу 1850-х гг. возрос до 18–20 руб. сер. в год, в то время как десятилетием ранее он составлял только 15 руб. сер. Однако это стало результатом не только успешных промысловых и торговых операций, но и прямого лоббирования интересов компании в правительственных кругах: решением Государственного совета, утвержденного императором, с 28 мая 1857 до 1 января 1862 г. в пользу РАК отчислялось 25% пошленного сбора за ввозимые в Россию меха морских котиков и речных бобров, что приносило РАК около 9 тыс. руб. сер. в год. 21 февраля 1858 г. компании было предоставлено право пользоваться кредитом от Коммерческого банка до 250 тыс. руб. сер. в год с уплатой соответствующих процентов. 14 сентября 1858 г. РАК было разрешено получать из казны до 40 тыс. полуимпериалов в обмен на кредитные билеты, что давало компании при заграничных платежах дополнительный доход до 20 тыс. руб. сер. на разнице курса. По всем

¹ Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: сб. докл. / сост. Т. С. Федорова, А. Ю. Петров, А. В. Гринёв; отв. ред. А. Ю. Петров. М., 2010. С. 291–293, 298; Отчет Российско-Американской компании за 1854 и 1855 годы. СПб., 1856. С. 37.

² Российско-Американская компания... С. 275–276; *Galbraith J. S. The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869. Berkeley; Los Angeles, 1957. P. 163–165.*

этим статьям РАК получала ежегодные косвенные дотации от правительства в сумме до 193 тыс. руб. сер.¹

Хотя компания получала льготы и косвенные субсидии от правительства и вела свой бизнес вполне благополучно, именно в этот период над ней и управляемой ею Русской Америкой нависла новая угроза, но уже не внешняя, а внутренняя. Она исходила от младшего брата Александра II – генерал-адмирала и главы Морского министерства великого князя Константина Николаевича. В письме министру иностранных дел князю А. М. Горчакову от 22 марта (3 апреля) 1857 г. он, ссылаясь на «стесненное положение государственных финансов» и необходимость сокращения сметы курируемого им Морского ведомства, писал о пользе передачи за денежную компенсацию Русской Америки США. Последние, по мнению Константина Николаевича, в противном случае рано или поздно просто захватят силой российские владения в Новом Свете. Горчаков передал письмо Александру II, который сделал на нем помету: «Эту мысль стоит сообразить»².

Собственно, это и было началом конца Русской Америки. Правда, если император испытывал определенные колебания относительно судьбы российских колоний, то для его брата их продажа американцам и ликвидация РАК превратилась со временем в настоящую идею фикс. Неслучайно абсолютно все отечественные и зарубежные исследователи называют Константина Николаевича главным виновником уступки Аляски США³. Жесткость позиции великого князя Константина определялась, видимо, не только его либеральными воззрениями, что неоднократно подчеркивал академик Н. Н. Болховитинов⁴. На наш взгляд, не менее веской причиной неприязненного отношения Константина Николаевича к РАК было его положение во главе Морского министерства, на которое ложилась главная обязанность защиты колоний в случае войны с какой-либо морской державой. После поражения в Крымской войне военный флот России был слаб, а международная обстановка достаточно напряженна (Гражданская война в США,

¹ Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863. С. 390–391.

² Российско-Американская компания... С. 314; *Miller D. H.* The Alaska Treaty. Ontario: Kingston, 1981. P. 38.

³ *Гринёв А. В.* Великий князь Константин Николаевич и продажа Аляски (к 175-летию юбилею великого князя Константина Николаевича) // Петербургская историческая школа. СПб., 2004. Вып. 3. С. 157–179.

⁴ *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения... С. 121, 127 и другие работы.

Польское восстание и т. д.). Усиливались англо-русские противоречия из-за активного распространения российского влияния в Средней Азии. Поэтому в случае открытого военного конфликта (особенно с Великобританией) колонии могли подвергнуться разорению враждебной эскадрой, противостоять которой российский Военно-морской флот на Тихом океане, скорее всего, был бы не в состоянии. Это отмечал американский историк А. Мазур, писавший, что после Крымской кампании великий князь Константин пришел к выводу, что Россия никогда не сможет создать надежную защиту для своих заокеанских владений от набегов вражеского флота. Министерство иностранных дел (МИД) империи в целом разделяло его точку зрения¹. Ответственность за разорение или отторжение колоний неизбежно легла бы на Морское министерство во главе с Константином Николаевичем. Поэтому, избавившись от заокеанских владений, глава Морского ведомства обеспечивал себе более спокойное будущее. По схожей причине на продаже Русской Америки настаивал и царский посланник в Вашингтоне барон Эдуард Андреевич де Стёкль: проникновение американских китобоев и контрабандистов в ее территориальные воды порождало жалобы со стороны РАК, что осложняло устоявшиеся в середине XIX в. дружественные русско-американские отношения.

Что касается позиции МИДа, то в своей секретной записке от 29 апреля 1857 г., направленной императору Александру II, ведомство вначале выражало солидарность с мнением великого князя Константина относительно уступки российских колоний США. Затем, правда, шла оговорка, что пойти на такой шаг следовало на «известных условиях» и при сохранении «во всевозможной тайне предположения правительства», предварительно разведав через российского посланника отношение к этому вопросу Вашингтона. МИД предлагал продать Аляску вместе со всем недвижимым имуществом РАК, но сделать это не ранее чем через четыре года, когда закончится срок действия очередных 20-летних прав и привилегий компании (1 января 1862 г.). В этом случае компенсация компании должна была составить, по расчетам МИД, 3 721 400 руб. сер., а общая сумма за продаваемые территории – 7 442 800 руб. сер. (в документе приводилась и куда более солидная сумма – 20 млн руб.). В принципе, полагал МИД, можно ограничиться продажей только материковой части Русской Америки, оставив Алеутские и Курильские острова за РАК. Кроме того, в случае передачи колоний США последние должны были взять на себя обязанность выплачивать «ежегодные пансионны» (пенсии)

¹ *Mazour A. G. The Prelude to Russia's Departure from America // Alaska and Its History / ed. by M. B. Sherwood. Seattle; London, 1967. P. 163–164.*

служащим РАК, которые заслужили их усердной службой компании, до их кончины, а также обеспечить сохранение православной веры оставшегося на Аляске христианского населения¹.

Совершенно очевидно, что Александр II был ознакомлен с содержанием этой записки, так как внизу документа стояла резолюция (хотя и без подписи царя): «Оставить без исполнения, пока не окончится вопрос об уничтожении контракта между Компанией нашей и Сан-Франциско, условия которого могут чрезвычайно уронить ценность владений наших в Северной Америке. Апреля 29 дня 1857 года»².

И если царь и глава МИДа, очевидно, не хотели торопить события, то совершенно иначе был настроен великий князь Константин. В том же году в новой записке князю Горчакову от 7 декабря он вновь повторил свои аргументы, ссылаясь на беззащитность колоний перед экспансией США, стремившихся подчинить себе всю Северную Америку. Брат царя предлагал главе МИДа путем продажи заокеанских территорий ликвидировать очаг будущих столкновений с американцами и сосредоточить усилия «в коренных русских областях»³. Новой в записке Константина Николаевича была резкая критика РАК, в которой великий князь усматривал едва ли не главное препятствие в скорейшей уступке колоний США. Для ревизии деятельности компании и ситуации в колониях он предлагал в ближайшее время послать туда ревизоров и начать пересмотр устава РАК с целью превратить компанию в чисто коммерческое предприятие, лишив всех административных полномочий.

Горчаков ознакомил Александра II с новой запиской его брата и в ответном послании сообщал (очевидно, по согласованию с царем), что, во-первых, немедленная отправка ревизоров могла бы подорвать кредит доверия к РАК, во-вторых, следует обставить дело так, чтобы инициаторами приобретения российских колоний были США⁴. Хотя сам император не исключал в перспективе их уступку, но все же явно не спешил расставаться с Русской Америкой. Помимо предоставления финансовых льгот управляющей колониями РАК, в 1858 г. царь утвердил в должности их главу – капитана 1-го ранга И. В. Фуругельма. Он сменил С. В. Воеводского в конце июня 1859 г., когда прибыл в Ново-Архангельск и приступил к исполнению своих обязанностей⁵. Приказом по флоту от 19 января 1859 г. Александр II определил в помощники Фуругельму капитан-лейтенанта князя Д. П. Максудова, который в 1864 г. сам

¹ Российско-Американская компания... С. 315–316.

² Там же. С. 316.

³ Там же. С. 320–321.

⁴ Там же. С. 321–322.

⁵ Отчет Российско-Американской компании за 1858 год. СПб., 1859. С. 11.

стал главным правителем Русской Америки. Кроме того, 19 марта 1859 г. царь предписал правительству удовлетворить ходатайство РАК и учредить «Общее Училище Российско-Американских колоний». Новая школа была уравнена в статусе с уездными сибирскими училищами для мальчиков, а ее преподаватели зачислялись на действительную государственную службу по ведомству Министерства народного просвещения¹.

Вовлеченность Александра II в дела компании и колоний не означала, однако, что он хорошо представлял себе реалии Русской Америки и знал деятельность РАК до мелочей. Просто он находился в центре той предельно централизованной системы управления империей, которую создал его отец Николай I, когда глава государства обязан быть в курсе всех событий и решений (какими бы незначительными они порой ни были), тем более если речь шла о внешнеполитических вопросах. Так, 14 марта 1859 г. Александр II санкционировал заключение нового контракта между РАК и КГЗ об аренде англичанами материковой полосы Юго-Восточной Аляски до 1 января 1861 г. (первый такой контракт был заключен еще в 1839 г. и неоднократно продлевался)². В том же 1859 г. с разрешения императора был заключен новый контракт с американскими предпринимателями в Сан-Франциско о поставках туда аляскинского льда до 1863 г.³

Между тем великий князь Константин, не получив необходимой поддержки ни от старшего брата, ни от главы МИДа, решил обратиться к министру финансов А. М. Княжевичу, курирующему РАК при царском правительстве. В письме от 27 октября 1859 г. он повторил свои старые аргументы о беззащитности российских владений в Америке и желательности продажи их США. При этом Константин ссылался на мнение подчиненных – капитана 1-го ранга И. А. Шестакова, побывавшего в США, и адмирала Е. В. Путятина, а также российского посланника в Вашингтоне барона Э. А. де Стёкля. Письмо заканчивалось многозначительной фразой: «Считаю не излишним обратить Ваше внимание на сказанное предположение ввиду нынешних финансовых затруднений наших и тем более, что по Вашему докладу мысль о продаже вообще государственных имуществ одобрена государем императором»⁴. Затем Константин Николаевич в записке Княжевичу от 18 февраля 1861 г. обрушился с резкой и не всегда справедливой критикой

¹ Российско-Американская компания... С. 316–317, 327–329.

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Гл. Архив 1–9, 1859–1867 гг. Оп. 8. Д. 3. Л. 1–7.

³ Российско-Американская компания... С. 332–333.

⁴ Там же. С. 333–334.

в адрес РАК в связи с обсуждением нового устава компании¹. Одновременно великий князь и его соратники развернули настоящую пропагандистскую кампанию в прессе с целью дискредитации РАК и российских колоний.

Однако все усилия Константина Николаевича в то время не увенчались успехом: посланные по его настоянию в колонии правительственные ревизоры, возвратившись в 1861 г. в Петербург, дали вполне благожелательный отзыв (несмотря на множество замечаний) о состоянии колоний и управлявшей ими РАК. Сходным было итоговое мнение специального правительственного Комитета об устройстве русских американских колоний, обширные материалы которого были опубликованы в 1863 г. Кроме того, начинать переговоры с американцами об уступке им Русской Америки не представлялось возможным в разгар Гражданской войны, бушевавшей в то время в США.

Вместе с тем в этот период экономическое состояние РАК стало стремительно ухудшаться. 1 января 1862 г., после истечения 20-летнего срока привилегий, компания перестала пользоваться различными финансовыми льготами от казны, с 1857 г. приносившими РАК почти 200 тыс. руб. сер. в год. Еще один удар по экономическому благосостоянию компании нанес указ царского правительства, согласно которому с 1 апреля 1862 г. разрешался свободный ввоз в Россию чая, в том числе морским путем, а таможенный тариф на него устанавливался в 2 раза выше, чем на китайский чай, завозившийся через Кяхту, что отрицательно сказалось на торговых оборотах РАК². Еще до введения этих постановлений в жизнь цены на чай заметно упали, а вместе с ними и доходы компании. Ее положение осложнялось и тем, что в проекте нового Устава РАК, утвержденного царем 14 июня 1865 г., на компанию вновь возлагалась обязанность заботиться о снабжении колоний всем необходимым (включая зависимых туземцев и солдат новоархангельского гарнизона)³. Взять на себя ответственность за существование и снабжение заокеанских колоний царское правительство отказалось весной 1865 г., ссылаясь на отдаленность этого огромного края⁴.

В середине 1860-х гг. совокупность ряда неблагоприятных факторов неизбежно вела компанию к финансовому коллапсу и ставила колонии на грань физического выживания. Отчаянное положение РАК нашло отражение

¹ Российско-Американская компания... С. 355–357.

² *Ермолаев А. Н.* Российско-американская компания... С. 340–341.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 40. № 42193а. Дополнения к тому 40. С. 10.

⁴ *Ермолаев А. Н.* Главное правление Российско-Американской компании: состав, функции, взаимоотношения с правительством, 1799–1871 // Американский ежегодник 2003. М., 2005. С. 290.

в записке («Отношении»), направленной в конце 1866 г. ее директорами в Министерство финансов. В ней они обосновывали необходимость государственных субсидий в размере 1,12 млн руб. сер. для уплаты накопившихся долгов и прямо признавали: «Обращаясь засим к вопросу о дальнейшем своем существовании, Компания обязана подтвердить с чистейшею откровенностью, что без денежных средств для уплаты ее долгов никакая мера не может спасти это предприятие от совершенного прекращения его деятельности»¹.

Возможно, это стало последней каплей, предопределившей судьбу Русской Америки и самой РАК. В секретной записке Александру II от 16 сентября 1866 г. глава Министерства финансов М. Х. Рейтерн призывал к строжайшей экономии государственных средств и отказу от разного рода субсидий. Ссылаясь на ежегодный дефицит бюджета, он писал, что в 1867 г. предстоит неизбежное увеличение расходов по смете государственного кредита, а также дополнительных трат, так что общий дефицит достигнет огромной суммы в 72,86 млн руб.² Рейтерн подчеркивал, что для нормального функционирования финансов империи требовался трехлетний иностранный заем по 15 млн руб. в год. В этих условиях получение даже части этой суммы представляло для правительства определенный интерес³. Продажа Аляски смогла бы обеспечить значительную часть указанной суммы, одновременно избавив казну от обременительных ежегодных дотаций РАК в размере 200 тыс. руб. сер., которые компания получала с 1866 г. после утверждения императором ее нового устава⁴.

К практической реализации проекта продажи колоний правительство приступило, когда из Вашингтона прибыл российский посланник Э. А. де Стёкль, активно лоббировавший передачу Аляски США. После его встреч с великим князем Константином и Рейтерном последний представил А. М. Горчакову 2 декабря 1866 г. записку о целесообразности сделки с Соединенными Штатами. В ней Рейтерн, словно под диктовку великого князя, изложил свои соображения на этот счет. Они сводились к следующему: 1) РАК не приносит более пользы ни своим акционерам, ни государ-

¹ Российско-Американская компания... С. 395.

² Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / подгот. к изд. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 142.

³ *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. С. 251.

⁴ О расчетах с Российско-американскою компаниею по случаю уступки русских владений в Америке Соединенным Штатам // Департамент Торговли и мануфактур. Отд. II. Стол 3. 31 августа 1868 года. № 4956. СПб., 1868. С. 31.

ству и отныне может поддерживаться только искусственными субсидиями из казны, в то время как гораздо более перспективным представляется освоение Амурского края; 2) уступка колоний избавит Россию от владений, которые она не в силах защитить, а продажа их США исключит в дальнейшем возможные конфликты с этой страной на Тихоокеанском Севере и подтолкнет Соединенные Штаты к столкновению с Англией¹. Аналогичная записка была представлена Горчакову и от Морского министерства, находившегося под патронажем великого князя Константина.

16 декабря 1866 г. состоялось секретное «особое заседание» во главе с императором Александром II, на котором присутствовали великий князь Константин, Горчаков, Рейтерн, де Стёкль и вице-адмирал Н. К. Краббе (от Морского министерства). Эти люди решили судьбу Русской Америки. Все они единогласно высказались за продажу Аляски США. И неудивительно: большинство из них были яркими сторонниками этой сделки. Договор о продаже Русской Америки был подписан 18 марта 1867 г.², итоговая сумма сделки оставила 7,2 млн долл., или около 11,52 млн руб. сер. С тех пор уступка Россией своих заокеанских владений Соединенным Штатам вызывает жаркие дискуссии на страницах научных работ, в популярной публицистике и на интернет-сайтах. Одной из ключевых исторических фигур, предопределивших судьбу Русской Америки, был император Александра II, от воли которого в конечном итоге зависело роковое решение о продаже Аляски. В начале царствования у императора не было четкой позиции в отношении российских колоний в Новом Свете, однако под давлением младшего брата, великого князя Константина Николаевича и его соратников, а также груза финансовых и политических проблем Александр II принял решение избавиться от американских владений империи, навсегда превратив Россию в евразийскую державу.

¹ Документ опублик.: *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения... С. 328–329; *Miller D. H.* The Alaska Treaty. P. 59–62.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 1. № 44518. С. 421–424.

А. Г. Грушевой

Россия на Ближнем Востоке при Александре II: создание Русской Палестины

Императорское Православное Палестинское общество, основанное в 1882 г., было наиболее результативной структурой в рамках Русской Палестины за те 70 лет (1847–1917), когда Российская империя стремилась укрепиться на Ближнем Востоке в роли весомой политической силы. Деятельность первых российских институтов на Ближнем Востоке (Русская духовная миссия, консульства, Палестинский комитет и Палестинская комиссия) в указанный период была менее успешна. Полномочия организаций были определены недостаточно четко. Достижениями внешней политики Российской империи на христианском Ближнем Востоке при Александре II стали налаживание перевозок паломников из Одессы в Яффу и обратно, а также строительство в Палестине и Сирии большого количества зданий, которые должны были стать своего рода базой для размещения православных паломников из России. Лишь при Александре III с образованием Императорского Православного Палестинского общества система обеспечения российских интересов на Ближнем Востоке становится по меркам того времени по-настоящему эффективной и действенной.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Ближний Восток, Палестина, Сирия, православие, католичество,

Грушевой Александр Гаврилович (Санкт-Петербург) – ФГБУН «Институт восточных рукописей Российской академии наук», старший научный сотрудник; кандидат исторических наук.

Alexander G. Grouchevoy – Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; Ph.D. (History).

agrush@yandex.ru

© А. Г. Грушевой, 2019

протестантизм, Иерусалимский патриархат, Антиохийский патриархат.

Alexander G. Grouchevoy

Russia on the Near East during the reign of Alexander II: The creation of Russian Palestine

The Russian Imperial Orthodox Society for Palestine Studies (founded in 1882) was the most effective structure within the framework of Russian Palestine: a seventy years period (1847–1917) when the Russian Empire tried to be an important politic force in the Near East. The activity of first Russian institutes in the Near East (The Mission in Jerusalem of Russian Orthodox Church, Russian consulates, the Palestine Committee and Palestine commission) were less effective. The authorities of all these organizations were not sufficiently clear defined. The unique achievements of Russian foreign policy in the Christian Near East were the organization of the transfer of Russian pilgrims from Odessa to Jaffa as also from Jaffa to Odessa. In the same years for the needs of Russian pilgrims was constructed a great number of buildings which became the base for placing of orthodox pilgrims from Russia. Only during the reign of Alexander III the system of the ensuring of the interests of Russian pilgrims in the Holy Land became really effective under the control of Imperial Orthodox Society for Palestine Studies.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, Near East, Palestine, Syria, Orthodox faith, Catholic faith, protestant faith, patriarchate of Jerusalem, patriarchate of Antioch.

Предысторию Императорского Православного Палестинского общества, основанного в 1882 г., следует начать с событий, произошедших четвертью века ранее, – окончания Крымской войны и первых шагов Александра II в ближневосточной политике.

Взаимоотношения России с Османской империей с середины XIX в. развивались одновременно на нескольких уровнях.

Москва и Константинополь установили между собой дипломатические отношения как два суверенных государства. В то же время Россия уделяла

пристальное внимание Ближневосточному региону, где в середине XIX в. стремились закрепиться и усилить свое влияние другие европейские страны. Османская империя ослабевала, поэтому во всех европейских государствах в той или иной форме проснулось желание контролировать христианские святыни и стремление оказывать покровительство христианским народам Ближнего Востока¹. В этом интересе тесно переплетались внешнеполитические и идеологические проблемы, и Россия не была исключением.

Наличие посольств в Стамбуле и безупречные по форме взаимоотношения с Турцией как суверенным государством прекрасно сочетались в повседневной практике с совершенно другими реалиями. Представители всех христианских государств чувствовали себя на Ближнем Востоке в то время вполне комфортно и достаточно независимо от Константинополя. Исторически сложилось так, что власти Османской империи в основном не вмешивались во внутреннюю жизнь христианского населения на Ближнем Востоке². В XIX в., в связи с постепенным ослаблением Османского государства, относительная независимость христианского населения начала возрастать одновременно с возникновением устойчивого желания всех европейских государств закрепиться на Ближнем Востоке. Это выразилось прежде всего в появлении большого количества английских, французских и немецких учреждений просветительского и гуманитарного характера, действовавших, объективно говоря, отнюдь не во благо Османского государства. Знакомство местного населения с основами европейской науки и культуры в то время открывало перед жителями провинций Османской империи возможности для иного, по сравнению с традиционным, осмысления окружающей действительности и национального самоопределения в политической и религиозной сфере³. Фактически вольно или невольно все представители христианских стран, работавшие в регионе, способствовали расшатыванию Османской империи изнутри.

Все стороны работы представителей европейских стран на Ближнем Востоке рассматриваемого времени отражены в большом количе-

¹ Эта проблематика отчасти рассмотрена в работе: *Смирнова И. Ю.* Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М., 2016.

² См. подробно: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством: Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012. С. 99, 100, 103, 153.

³ Об этой проблематике см.: *Панченко К. А.* В. Н. Хитрово и кризис ближневосточного православия: Взгляд через столетие // Панченко К. А. Православные арабы. Путь через века. М., 2013. С. 424–436.

стве документов. Сохранившиеся сочинения, письма, отчеты европейцев, причастных к деятельности образовательных структур, показывают, что европейцам в рамках государства османов вполне удавалось заниматься просвещением местного населения, жить своим внутренним миром и не обращать особого внимания на турецкие власти¹.

Просветительская деятельность в регионе многочисленных национальных организаций вызвала естественное внимание дипломатов соответствующих стран к Ближнему Востоку. Так, во второй половине XIX в. во внешней политике России, так же как у Франции или Германии, появляется на Ближнем Востоке второе направление деятельности – установление взаимоотношений с местным христианским населением, Иерусалимским и Антиохийским патриархатами. В научной литературе это направление деятельности России на Ближнем Востоке часто называется церковной политикой, однако благодаря неразрывной связи в Российской империи государства и Церкви взаимоотношения России с православным Востоком с полным основанием могут быть отнесены к внешней политике.

Это направление внешней политики России на Ближнем Востоке стало оформляться в систему после завершения Крымской войны. До того можно говорить лишь об отдельных попытках в первой половине XIX в. установить регулярные взаимоотношения России с православным Востоком².

После 1857 г. в Сирии и Палестине за короткий срок оформились три центра, фактически претендовавших на определяющую роль по защите и выражению государственных интересов России.

Первым и старейшим российским учреждением в регионе была Русская духовная миссия (РДМ) в Иерусалиме. Она появилась в 1847 г. и затем

¹ Турецкие власти не вмешивались во внутрехристианские дела на своей территории, требуя от иностранных дипломатов и различного рода представителей, работавших на Ближнем Востоке, лишь определенного набора формальных знаков внимания. Подробные и яркие картины жизни Иерусалима, православного Востока и европейцев на Ближнем Востоке встречаются в работах архимандрита Антонина и А. А. Дмитриевского. См., например: *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Из Иерусалима: Статьи, очерки, корреспонденции 1866–1891 / сост., коммент., вступ. ст. Р. Б. Бутовой. М., 2010. С. 116–121; *Дмитриевский А. А.* Современное русское паломничество в Св. Землю // Дмитриевский А. А. Деятели русской Палестины / сост. и авт. предисл. Н. Н. Лисовой. М.; СПб., 2010. С. 150–155.

² См. подробно: *Лисовой Н. Н. Смирнова И. Ю.* Россия и Святая Земля в первой половине XIX века. Церковная политика на Православном Востоке. М.; СПб., 2015.

возродилась сразу после Крымской войны¹. К возникновению и формулировке задач деятельности РДМ причастны ее фактический основатель Порфирий Успенский епископ Чигиринский, а также А. М. Горчаков, министр иностранных дел во время большей части правления Александра II.

Задачи РДМ, сформулированные сперва Порфирием Успенским, а затем усиленные А. М. Горчаковым, поражают размахом и очевидным стремлением сделать из РДМ руководящую и направляющую силу русского присутствия на Ближнем Востоке во всем том, что касается духовной сферы.

Осенью 1844 г. Порфирий Успенский писал в официальном отчете о необходимости срочного «улучшения» Православной церкви Палестины. Спасти же православие в Святой Земле может только Русская православная церковь, и ради этого и отправляется в Иерусалим РДМ под начальством епископа и нескольких монашествующих².

Особо хотелось бы отметить, что осенью 1847 г. спасти православие в Палестине и собратьев по вере на Ближнем Востоке в Иерусалим была отправлена группа, состоявшая всего из четырех человек — архимандрита (Порфирия Успенского), одного иеромонаха и двух послушников³.

Первоначальное присутствие РДМ в Иерусалиме был коротким из-за известных внешнеполитических осложнений, но через 10 лет после Крымской войны, в 1857-м, РДМ возрождается.

Всепопданнейший доклад министра иностранных дел А. М. Горчакова о преобразовании иерусалимской духовной миссии датируется 23 марта

¹ Основная литература на русском языке по истории РДМ в Иерусалиме: *Архимандрит Никодим*. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Богословские труды. Т. 20. 1979. С. 15–82; *Воробьева И. А.* Русские миссии в Святой Земле в 1847–1917 годах. М. 2001; сборник статей А. А. Дмитриевского разных лет: *Дмитриевский А. А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / сост. и авт. предисл. Н. Н. Лисовой. М.; СПб., 2009; фактически сборник документов по истории РДМ: Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 т. 2-е изд. Т. 2. М., 2017.

² Публикация документа: Россия в Святой Земле... Т. 2. С. 21–38. Документ № 12. Состояние Палестинской церкви и необходимость создания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Отчет архимандрита Порфирия о первой командировке в Иерусалим (1844 г.).

³ Россия в Святой Земле... Т. 2. С. 57–59 (Документы 27–29: Всепопданнейший доклад канцлера графа К. В. Несельроде об отправлении духовной миссии в Иерусалим; сметы единовременных издержек и постоянных расходов на содержание Духовной миссии. Все три документа датируются 28 августа 1847 г.).

1857 г.¹ В нем весьма четко определены задачи деятельности РДМ: «Роль смиренных наблюдателей уже ныне невозможна для нашей Миссии. Нам необходима представительность на Востоке, разумеется, не политическая, а церковная, в которой не могут отказать ни турки, ни франки, имеющие своих патриархов в Святом Граде»².

Общие задачи деятельности РДМ, согласно А. М. Горчакову, формулировались так: 1) поддерживать хорошие отношения со всеми представителями греческого духовенства; 2) поддерживать хорошие отношения со всеми инославными властями; 3) сохранять хорошие взаимоотношения с армянами и армянской церковью; 4) уделять особое внимание арабскому духовенству; 5) проявлять ревностность в церковном служении; 6) наблюдать за нравственным обликом паломников; 7) не ограничиваться в своей деятельности только Иерусалимом.

Если говорить об оценке программы, то хочется прежде всего отметить масштабность поставленных перед миссией задач. Они были сформулированы, по сути, не для одного человека или небольшой группы единомышленников. Благодаря заботам и энергии А. М. Горчакова штат РДМ в марте 1857 года был увеличен и должен был отныне состоять из начальника миссии, двух иеромонахов, одного иеродьякона, шести певчих из студентов и драгомана из местных христиан³. Неудивительно, что поставленные задачи оказались в конечном счете невыполнимыми для столь незначительной группы людей.

Особо хотелось бы отметить здесь, что и Порфирий Успенский, и А. М. Горчаков ставили перед РДМ задачи, далеко выходящие за рамки обычного церковного представительства в другой стране. Порфирий определял роль РДМ как лекаря, спасительницы Иерусалимской православной церкви, то есть ставил задачу по форме церковно-духовную, а по сути чисто внешнеполитическую. Эту направленность усилил А. М. Горчаков, заявив о необходимости активной, наступательной позиции по всем вопросам руководителя РДМ.

¹ Россия в Святой Земле... Т. 2. С. 109–113 (документ № 61).

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 114–115 (Документы 62 и 63 – доклад А. М. Горчакова о новом штате Духовной миссии и утвержденный проект штата миссии). Специальное исследование о деятельности российских консулов на территории Сирии: *Смилянская И. М., Горбунова Н. М., Якушев М. М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции: По материалам консульских донесений. М., 2015.

В 1858 г. открылось русское консульство в Иерусалиме. Первым русским консулом в Палестине был Владимир Ипполитович Доргобужин, проявивший себя и как дипломат, и как писатель. Для него было совершенно естественным воспринимать себя и свою деятельность как самую важную во всем, что касается выражения и удовлетворения государственных интересов в регионе¹.

Тогда же на Ближнем Востоке начинает действовать еще одна группа российских представителей, убежденная в важности своей деятельности для государства. Это представители так называемого «иерусалимского проекта», созданного с целью обеспечить бытовые условия русским паломникам на время пребывания в Палестине².

По инициативе главы Морского ведомства великого князя Константина Николаевича в Палестину был направлен чиновник Морского ведомства Б. П. Мансуров для сбора информации, которая была или могла быть полезной для перевозки паломников из Одессы в Яффу и обратно на кораблях Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ)³. До этого момента в Российской империи серьезный государственный интерес к проблемам православных паломников не проявлялся. Паломничество в Палестину в течение многих веков оставалось индивидуальным подвигом, путешествием, предпринимаемым на свой страх и риск, без какой-либо гарантии возвращения на родину⁴.

¹ Начальный этап деятельности русского консульства в Иерусалиме изучен недостаточно. См.: Вах К. А. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б. П. Мансурова и В. И. Доргобужина: 1858–1860 гг. // Иерусалимский Православный Семинар. Вып. 7. 2017. С. 111–256. О конфликтах консула и духовной миссии см. проект, предложенный в 1878 г. русским консулом в Иерусалиме Н. А. Илларионовым: Россия в Святой Земле... Т. 2. С. 434. Документ № 303.

² Выражение принадлежит К. А. Ваху: Вах К. А. Борьба за Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина). 1865–1894 гг. // В. Н. Хитрово, Антонин (Капустин). К. П. Победоносцев и Русская духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III: К 170-летию основания. М., 2017. С. 473–475.

³ Б. П. Мансуров в начале своей карьеры был чиновником V класса для особых поручений.

⁴ См., например: Якушев М. И. Паломничество русского крестьянина Кира Бронникова в Святой Град Иерусалим в 1820–1821 гг. // Иерусалимский Православный Семинар. 2014. № 5. С. 27–58.

Б. П. Мансуров показал себя человеком весьма деятельным. Он не только собрал всю требуемую информацию, но и нашел помощников и союзников, с помощью которых были составлены чертежи и планы всего комплекса русских построек в Палестине. Инициатива была поддержана императором. 23 февраля 1858 г. последовал высочайший указ об учреждении кружечного сбора во всех церквях. Собираемые таким образом деньги скоро стали основным источником средств в пользу русских паломников и обеспечения их всем необходимым в Сирии и Палестине.

Для практического воплощения этих идей 23 марта 1859 г. был образован Палестинский комитет, в него вошли обер-прокурор Синода, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, представитель от Министерства финансов и директор-распорядитель РОПиТа. Всеми делами комитета руководил Б. П. Мансуров. Через пять лет, после завершения строительства в Иерусалиме, Палестинский комитет был упразднен. Затем до 1889 г. задачи «иерусалимского проекта» по строительству базы русского присутствия в Палестине и Сирии воплощала в жизнь Палестинская комиссия опять же под руководством Б. П. Мансурова.

Грамотно проведенная в начале царствования Александра II рекламная кампания позволила собрать значительные суммы на нужды русских паломников. Энтузиазм жертвователей не иссякал как минимум до начала Первой русской революции 1905–1907 гг. Собранные средства дали возможность приступить к массовому строительству в Палестине, которое оказалось весьма успешным¹. К концу XIX в. на территории Палестины и Сирии было несколько десятков построек (монастырей, подворий, странноприимных домов, школ), составивших реальную материальную базу русского присутствия в регионе.

Стремление создать Русскую Палестину объяснялось и еще одной причиной. Изобилие в Палестине монастырей Греческой православной церкви практически не решало проблемы обеспечения в Святой Земле жилья

¹ Основные источники по истории деятельности Б. П. Мансурова и возникновению Русской Палестины – два отчета, опубликованных в сборнике: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. 2-е изд. Т. 1. М., 2015. С. 489–559. Документ № 372; С. 566–573. Документ № 380. См. также: Вах К. А. Ликвидация Палестинской Комиссии и создание Палестинского Комитета // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. М., 2012. С. 104–111. Единственное связное изложение предыстории Палестинского общества дано в книге: Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. М., 2008. С. 79–184.

и крова для русских паломников из-за сложностей межконфессиональных отношений церквей обоих государств¹.

РДМ, российское консульство и создатели Русской Палестины стремились к одной цели – укреплению позиций России в регионе, защите и сохранению православия среди местного христианского населения. Все русские представители не забывали при этом говорить и о необходимости поддержки арабского духовенства, находящегося в особо бедственном положении². В этих политизированных декларациях, в отличие от современности, элементов

¹ О сложностях взаимоотношений с Греческой православной церковью и специфике жизни греческих монастырей в Палестине см.: *Панченко К. А.* Ближневосточное Православие под османскими владичеством... С. 207–235. Сложности могли объясняться либо финансовыми интересами (русские паломники были для греческих монастырей ценным источником дохода), либо моральными проблемами (сексуальными утехами святогробских монахов и русских паломниц). Эти вопросы затрагивал А. А. Дмитриевский. См.: *Грушевой А. Г.* Материалы к истории деятельности Императорского Православного Палестинского общества в начале XX в. (Отчет А. А. Дмитриевского и В. И. Бельнского о состоянии подворий общества в 1910 году) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 2 (18). С. 276, 285–286.

² В 1844 г. Порфирий Успенский писал в отчете: «Арабское духовенство в Палестине находится в самом жалком состоянии. Оно весьма бедно, невежественно и грубо, но трезво и целомудренно... по недостатку воспитания не понимает ни своей веры, ни своих обязанностей... они невиновны. Ибо некому просветить их, некому наставить их» (Россия в Святой Земле... Т. 2. С. 23. Документ № 12). Через 13 лет, в 1857 г., во всеподданейшем докладе о преобразовании РДМ в Иерусалиме о том же самом, но несколько иными словами писал А. М. Горчаков: «Но главное внимание Русской духовной миссии должно быть обращено на убогое духовенство арабское, которое в совершенной нищете, как наемники, служат греческому. Немного более благолепия привязало бы и самих арабов к своему богослужению, особенно ныне, когда мы дали возможность образовать священников арабских в России» (Россия в Святой Земле... Т. 2. С. 112. Документ 361). П. Б. Мансуров в отчете по итогам первой командировки в Палестину фактически солидаризировался с А. М. Горчаковым: «В арабских бедных и удаленных от Иерусалимских церквях богослужение совершается небрежно и без всякого достоинства, по причинам весьма понятным: сельское арабское духовенство в высшей степени небрежно и удерживается греками в этом невежестве с умыслом – оно до того бедно, что священники поневоле теряют понятие о своем достоинстве и подвергаются всем нравственным последствиям безвыходной и презираемой нищеты» (Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. 2-е изд. СПб., 2015. Документ № 372).

политики двойных стандартов было крайне мало: Российская империя действительно была заинтересована в просвещении и развитии арабов-христиан с намерением взрастить из них своих союзников и закрепиться на Ближнем Востоке, победив в конкурентной борьбе католиков и протестантов, на долгое время.

Нельзя, правда, не отметить, что реальный вклад России в поддержку православия на Ближнем Востоке и в формирование новых православных священнослужителей из числа арабов был скромным. В духовных академиях на территории Российской империи высшее духовное образование получило определенное количество арабов-христиан из Сирии¹. Учительские семинарии РДМ, расположенные в Палестине (в городах Назарет и Бейт-Джала), подготовили из числа арабов-христиан первых профессионально, европейски образованных педагогов для школ. Но все же российская просветительская деятельность на Ближнем Востоке не привела к качественным изменениям в условиях жизни местного арабского христианского населения.

Общность целей и задач РДМ, русских консулов, Палестинского комитета и Палестинской комиссии совершенно не означала совместной, скоординированной деятельности по воплощению интересов России. Отметим тот факт, что права и полномочия сторон были прописаны плохо, оставляя широкое поле для интерпретации. Расширенное толкование полномочий РДМ вызывало – точнее, не могло не вызывать – сопротивление, ибо призыв играть решающую и определяющую роль во взаимоотношениях России с местными православными церквями, местным населением и инославными христианскими конфессиями означал фактически призыв к РДМ частично исполнять функции государственной власти.

Напряжение между ведомствами возникало также из-за позиции консульства, считавшего, что консул имеет право координировать и регламентировать работу и РДМ, и Русской Палестины. Из-за разделения полномочий между собой постоянно конфликтовали РДМ и Палестинский комитет, который со временем сменила Палестинская комиссия.

В этом, судя по всему, и заключались основные причины, почему на протяжении практически всего правления Александра II основным камнем преткновения для российских структур в регионе оставался статус РДМ и взаимоотношения ее главы с русскими представителями в регионе и патриархом Иерусалимским. Представители всех трех структур: консульства,

¹ См. подробно о роли российского просветительского влияния на Сирию и Палестину: *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы: XIX – начало XX века. М., 1971. С. 293–318.

Палестинской комиссии и Палестинского комитета, — создатели Русской Палестины постоянно спорили о главенстве на Ближнем Востоке, взаимоотношениях с местным населением и другими христианскими конфессиями.

Двое из глав РДМ — епископ Кирилл и архимандрит Леонид (Кавелин) — покинули свои должности добровольно. Епископ Кирилл сам попросился на покой, ибо не сработался ни с российским консульством, ни с местными христианами. Против архимандрита Леонида выступил патриарх Иерусалимский, посчитав его недостойным должности. Достаточно долго Синод и Министерство иностранных дел были вынуждены искать решение кадрового вопроса: что делать с архимандритом Леонидом и как не посориться окончательно с патриархом Иерусалимским. Ситуация разрешилась более или менее дипломатично: архимандрита Леонида перевели на службу в Константинополь, главой РДМ был назначен архимандрит Антонин (Капустин)¹.

Назначение и затем утверждение архимандрита Антонина (Капустина), человека выдающихся организационных способностей, в должности главы РДМ (1865—1894) изменило ситуацию далеко не сразу.

Сложности во взаимоотношениях российских ведомств на Ближнем Востоке сохранялись практически до конца правления Александра II. К 1878 г. относится весьма радикальный проект преобразования РДМ. Иерусалимский консул Н. А. Илларионов представил в 1878 г. в Палестинскую комиссию проект преобразования РДМ: полностью лишить ее какой-либо самостоятельности и превратить в своего рода отдел при консульстве в Иерусалиме². Проект получил отрицательную оценку большинства заинтересованных сторон, в том числе обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Его поддержка способствовала сохранению миссии³.

Чуть позже в Российской империи произошла смена руководителей различных министерств и ведомств. Весной 1881 г., после смерти Александра II, были вынуждены уйти в отставку все известные своими либеральными

¹ Об архимандрите Леониде (Кавелине) см. подробно: *Дмитриевский А. А.* Очерк о жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А. А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 172—392.

² Опубликован: *Россия в Святой Земле...* Т. 2. С. 433—438. Документ № 303.

³ О реакции на проект Н. А. Илларионова см.: *Россия в Святой Земле...* Т. 2. С. 439—441 (Документ № 304: Проект заключения Палестинской комиссии по вопросу о преобразовании Русской Духовной Миссии). См. также: *Вах К. А.* Борьба за Русскую Духовную Миссию... С. 508—511.

взглядами министры, занимавшие посты при покойном императоре (в том числе Д. А. Милютин и М. Т. Лорис-Меликов). Был отправлен в отставку и А. М. Горчаков, министр иностранных дел в 1856–1882 гг.

На высших постах в стране оказались гораздо более консервативно-охранительные силы (в том числе сам Александр III и К. П. Победоносцев). Неслучайно при Александре III все трения между российскими представителями на Ближнем Востоке завершились практически сами собой.

Благодаря поддержке обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева статус РДМ обрел определенность. Она не стала, как предполагал А. М. Горчаков, руководящей и определяющей силой русского присутствия, а превратилась в центр русского монашества. Как известно, Антонин (Капустин) смог приобрести в Палестине множество земельных участков, на них были основаны монастыри.

Изложенный материал позволяет сформулировать некоторые выводы. Основным успехом ближневосточной политики Российской империи при Александре II стало завершение в основном строительства Русской Палестины – комплекса зданий, послуживших базой для размещения в регионе русских паломников. Россия прикладывала большие усилия по поддержанию дружеских взаимоотношений с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами, постоянно поддерживая их финансово. Российское государство впервые в своей истории стало проявлять государственную заботу о паломниках в Святую Землю.

Для времени правления Александра II было характерно сосуществование на Ближнем Востоке изобилия российских институтов – РДМ, консульств в Иерусалиме, Бейруте и Дамаске, Палестинского комитета (позже – Палестинской комиссии). Между ними не было четкого разграничения полномочий, что приводило к постоянным конфликтам интересов между российскими учреждениями и трениям с восточнохристианскими церквями. Многолетние попытки выяснить статус РДМ привели к тому, что она осталась лишь центром русского монашества в регионе, но не руководящей и направляющей силой, как думал А. М. Горчаков.

В мае 1882 г. было официально объявлено о создании Палестинского общества, через несколько лет получившего официальное название Императорского Православного Палестинского общества (ИППО). Причиной его образования стала очевидная неспособность всех предшествующих институтов русского присутствия справиться с проблемой обеспечения паломников всем необходимым (транспортировкой, минимально комфортным проживанием, питанием и лечением) на время их пребывания в Палестине, действенной, работоспособной структурой, способной решить все возникающие

вопросы. Палестинская комиссия по своим возможностям уже не справлялась с задачами, ведь после 1860 г. количество паломников в Палестину исчислялось сотнями, а с начала правления Александра III счет пошел на тысячи.

Помимо обеспечения паломников, ИППО стало заниматься научным изучением региона. В изданиях «Сообщения ИППО» и «Православном Палестинском сборнике» публиковались научные статьи.

ИППО удалось наладить решение еще одной очень важной для Российской империи проблемы обучения детей арабов-христиан основам наук. У российской стороны здесь была далеко идущая цель – взрастить на Ближнем Востоке союзников России. Это удалось лишь частично, ибо школы нормально функционировали только до осени 1914 г. Однако школы ИППО воспитали в регионе первых профессиональных педагогов, а также несколько известных писателей.

Одна из причин успеха деятельности ИППО заключалась в том, что по форме это была безупречно частная структура, формально не связанная ни с двором, ни с Синодом, ни с Министерством иностранных дел. Весь высший свет Российской империи делал пожертвования на нужды Русской Палестины. При этом и царская семья, и представители аристократии, и чиновники финансировали ИППО исключительно как частные лица. Практически все слои общества внесли свою лепту, ведь помощь Иерусалимской и Антиохийской церквям, арабам-христианам считалась в то время морально-нравственным долгом каждого православного. Особая значимость этой идеи для Российской империи позволила ИППО полноценно работать в регионе как минимум до 1910 г. – столь велики были суммы пожертвований, собираемых обществом на нужды паломников и православия в Святой Земле. Ситуация изменилась только в годы Первой русской революции.

А. Х. Хизриев

Установление англо-французского «двойственного контроля» в Египте и дипломатия Александра II (1866–1882)

В статье рассматриваются важные события в истории Египта в период установления англо-французского «двойственного контроля» в стране. Важное место уделяется политике России в царствование Александра II, когда Российская империя медленно, но уверенно возвращалась на геополитическую арену в качестве активного игрока. Генеральным консулом России в Египте в то время был И. М. Лекс, занимавший этот пост с 1866 по 1883 г., до конца своей жизни, то есть фактически большую часть правления Александра II. Отмечается та важная роль, которую сыграл Петербург в египетском кризисе 1881–1882 гг., не позволив британской короне закрепить юридически абсолютные права на владение Египтом.

Ключевые слова: Египет, Суэцкий канал, генеральный консул, англо-французский контроль, Александр II, И. М. Лекс, Н. К. Гирс, Лондон, Петербург, Османская империя.

Хизриев Али Хизриевич (Махачкала) – ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», факультет востоковедения, кафедра истории стран Азии и Африки, доцент; кандидат исторических наук.

Ali Khizriyev – Dagestan State University (Makhachkala), Department of History of Asian African Countries, Faculty of Oriental Studies, Associate Professor; Ph.D. (History).
escalex@mail.ru

© А. Х. Хизриев, 2019

Ali Khizriyev

Establishing of the Anglo-French Dual Control in Egypt and the diplomacy of Alexander II (1866–1882)

This article is dedicated to important events in the history of Egypt occurred during the period of establishing of Anglo-French Dual Control in the country. An important place is given to the policy of Russia during the reign of Alexander II, when the Russian Empire slowly but surely returned to the geopolitical arena as an active player. The Consul General of Russia in Egypt at that time was I. M. Lex, who occupied this post in 1866–1883, until the end of his life, that was, in fact, most of the reign of Alexander II. The important role played by Petersburg, which did not allow the British crown to consolidate legally absolute rights to own Egypt, is noted.

Keywords: Egypt, Suez Canal, Consul General, Anglo-French control, Alexander II, I. M. Lex, N. K. Girs, London, Petersburg, Ottoman Empire.

Внешняя политика Российской империи во время правления Александра II ознаменовалась многими яркими событиями. Именно в этот период русская дипломатия проявила свои наилучшие качества. Молодой император начал свое царствование с поражения в Крымской, или, как ее еще называли, Восточной, войне, которую развязал его отец Николай I. Перед ним стояла задача заключить выгодный, насколько это было возможно в тех условиях, мир по итогам неудачной войны. С этой задачей блестяще справилась русская дипломатическая миссия во главе с графом А. Ф. Орловым, направленная на Парижский конгресс 1856 г. для заключения мирного договора. Вся последующая деятельность русских дипломатов была направлена на ликвидацию последствий этого унижительного мирного договора при возможно наименьших потерях.

Далее можно отметить активизацию внешней политики на среднеазиатском направлении, где начинается так называемая Большая игра с Британской империей, а также интенсивную дипломатическую деятельность на европейском и американском направлении, продажу Аляски США и т. д. И конечно, основным итогом внешнеполитической деятельности Алек-

сандра II можно назвать Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., завершившуюся блестящей победой русских войск над турецкой армией и освобождением восточноевропейских стран от османского владычества, длившегося несколько столетий.

В этом ряду несколько особняком стоит ближневосточная политика Петербурга. Хотя многие источники упоминают о некоторой активизации внешней политики царского правительства на этом направлении в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в., о ней все же принято говорить только в контексте Османской империи, в состав которой входило большинство арабских стран Ближнего Востока. При этом упускается из виду факт, что тот же Египет фактически являлся независимым государством, лишь номинально подчинявшимся османскому султану. Более верно было бы говорить о европейском влиянии в этой турецкой провинции. Именно в то время устанавливается так называемый англо-французский «двойственный контроль», характеризующийся усилением финансовой зависимости Египта от этих стран и постепенной потерей национального суверенитета страны, завершившейся окончательной утратой независимости в результате британского вторжения 1882 г.

Интересы России в Ближневосточном регионе в целом и в Египте в частности, согласно информации британского военного атташе в Петербурге Ч. Кеннеди, по сравнению с другими европейскими державами были не столь масштабны. Египетский вопрос интересовал российские власти только в контексте международной дипломатии и в связи с его отношением к Османской империи¹. Главной задачей, которую ставил Александр перед своими дипломатами в этой стране, было недопущение чрезмерного влияния Великобритании или Франции – их соперничество особенно обострилось после открытия судоходства по Суэцкому каналу в 1869 г. С этого времени Египет перестает рассматриваться как локальная зона противостояния европейских держав. Теперь на него, помимо Лондона и Парижа, устремлены взоры петербургского двора, Германии, Австрии и других ведущих европейских держав. Все эти страны в дополнение к посольству в Стамбуле имели генеральное консульство в Каире, его руководитель фактически обладал статусом не намного ниже посла при дворе османского султана.

Генеральным консулом России в Египте был Иван Михайлович Лекс, занимавший этот пост с 1866 по 1883 г., до конца своей жизни, то есть фактически большую часть правления Александра II. Лекс имел время основа-

¹ The National Archives (UK). Foreign Office (FO) 65/1157. Mr Kennedy № 237: To the Earl Granville. St. Petersburg, October 4, 1883. 183 (back).

тельно изучить страну и ее правителей¹. В одном из своих годовых отчетов он отмечал, что не имеет «большого влияния на египетское правительство», поскольку, согласно имеющимся у него инструкциям, не вмешивается «во внутреннее управление»². Данная позиция, по словам И. М. Лекса, снискала ему симпатию многих египетских политических деятелей. «Сама национальная партия, — пишет консул, — имеет ко мне большое доверие, так как она видит, что мы не вмешиваемся в их внутренние дела... нисколько не поддерживая происков иностранцев»³.

В то время, когда И. М. Лекс занимал пост генерального консула Российской империи в Каире, в Египте происходили важнейшие для страны события. В 1869 г. состоялось открытие строившегося 10 лет Суэцкого канала. В Египет приехали свыше 3000 гостей, среди них были коронованные особы со всех концов мира; их пребывание оплачивала египетская казна. Многие россияне получили приглашения посетить торжества по случаю открытия Суэцкого канала. В донесениях Азиатского департамента Министерства иностранных дел сообщается, что Исмаил-паша передал через графа Э. Г. Стальберга приглашение русским ученым и предпринимателям принять участие в вышеупомянутых мероприятиях за счет египетской стороны⁴. 27 октября 1869 г. из Одесской гавани отплыли в Египет пароходы «Генерал Коцебу» и «Владимир» с 60 гостями на каждом. В числе гостей находились чиновник Министерства внутренних дел В. А. Соллогуб, художник И. К. Айвазовский, российский посол в Стамбуле Н. П. Игнатъев, прошедший путь до Суэца на клипере «Яхонт»⁵, а также командированный Министерством финансов действительный статский советник Ф. Г. Тернер⁶ и другие высокопоставленные

¹ АВПРИ. Ф. 151: Политархив. Д. 819. Л. 89. Конфиденциальное письмо Лекса вице-директору Азиатского департамента А. А. Мельникову. Александрия. 14/26 июля 1881 г.

² Там же. Л. 110. Отчет генерального консула в Египте за 1880 г. Отправлен послу в Константинополе 20 февраля (4 марта) 1881 г. Копия послана в Министерство иностранных дел 26 февраля (10 марта).

³ Там же. Д. 820. Л. 247. Отчет генерального консула в Египте за 1881 г. Отправлен в Константинополь 18 февраля (2 марта) 1882 г. Копия послана в Петербург 26 февраля (10 марта) 1882 г.

⁴ РГИА. Ф. 3228: Министерство иностранных дел. Департамент Азиатский. Оп. 17. Д. 338. Л. 64.

⁵ Московские ведомости. 1869. 29 нояб.

⁶ РГИА. Ф. 560: Общая канцелярия министра финансов. Оп. 17. Ед. хр. 70. Л. 7.

лица, в том числе директора Российского общества пароходства и торговли Н. М. Чихачев и Н. Н. Суцев вместе с российскими учеными, командированными пароходством¹. Среди прочих гостей на торжествах присутствовали супруга Наполеона III Евгения Монтихо, национальный герой Алжира Абд аль-Кадир и др.²

Прохождение по каналу судов, в том числе российских, в эти годы резко увеличивается³. Как сообщается в письмах Морского министерства России, адресованных Министерству иностранных дел, в 1873 г. была создана международная комиссия по определению размера взимаемых с них пошлин⁴ и установлению в 1877 г. новых правил при измерении судов, входящих в Суэцкий канал⁵. Новая водная артерия теперь значительно сокращала морской путь из Европы не только в Индию, но и в страны Персидского залива, находившиеся на пути к ней⁶. Англия являлась основным пользователем этой водной артерии; Россия занимала восьмое место в числе стран, чьи суда проходили по каналу⁷.

Строительство Суэцкого канала привлекло внимание общественных кругов и в России. Оно широко освещалось на страницах изданий Русского географического общества и в периодической печати. «Вестник Европы» писал, что каналу предназначено «значительно поколебать торговые балансы всех европейских государств»⁸. В 1862 г. в газете «Одесский вестник» и в «Морском сборнике» была опубликована статья молодого офицера Александра Ковалевского о значении строительства канала для международного судоходства и, в частности, для русского мореплавания. Он один из немногих упомянул, что не европейские колонизаторы, а египетские феллахи были подлинными

¹ Там же. Ф. 107: Русское общество пароходства и торговли. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 1–53.

² *Даница Б. М.* Ближний Восток: сб. ст. М., 1976. С. 260.

³ РГА ВМФ. Ф. 410: Канцелярия морского министерства. Оп. 2. Д. 4002. Л. 1.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 283: Инспекторский департамент. Оп. 3. Д. 7550. Л. 6, 7.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 410: Канцелярия морского министерства. Оп. 2. Д. 3527. Л. 52–55об.

⁶ *Восузи М.* История Персидского залива и сопредельных государств. Тегеран, 1384. С. 472 (перс.).

⁷ *Farnie D. A.* East and West of Suez. The Suez Canal in History, 1854–1956. New York, 1943. P. 259.

⁸ Цит. по: Хроника. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1869. Ноябрь. (Т. 6). С. 423.

строителями канала¹. Для того времени это было довольно смелое высказывание.

После открытия новой водной артерии британское правительство делало все, чтобы установить над Суэцким каналом, а значит, и всем Египтом полный контроль. До середины 60-х гг. XIX в. для британской ближневосточной политики большое значение имело то геополитическое положение, которое занимала Турция на евразийском континенте. В те годы Лондон стремился сохранить целостность Османской империи, поскольку через ее территорию проходил важнейший для Британской империи транзитный путь в Иран, Афганистан, Среднюю и Центральную Азию; торговля с этими странами также зависела от того, в чьих руках находился путь². Сохранив власть султана над его территориями, Лондон мог контролировать это направление. Кроме того, британское Министерство иностранных дел рассматривало Турцию как барьер против России³.

Об опасениях правительства Великобритании по поводу чрезмерного усиления влияния Петербурга на Востоке после победы в войне с Турцией в 1877–1878 гг., оказавшейся последним крупным внешнеполитическим испытанием для Александра II и всей его империи⁴, также писал в своих донесениях граф П. А. Шувалов⁵. В результате, блокировав на Берлинском конгрессе 1878 г. российскую инициативу по созданию единого независимого болгарского государства, лондонский кабинет устранил угрозу не только Константинополю и району Восточного Средиземноморья, но и своим путям сообщения через Суэцкий канал с Египтом, Малой Азией и Индией⁶. Можно добавить, что к 40-м гг. XIX в. правительство Пальмерстона достигло своей цели на Ближнем Востоке – ликвидации доминирующего влияния России в Стамбуле, которым Петербург пользовался до 1833 г.⁷ Вдобавок ко всему в российском обществе стали понимать неосуществимость идеи расширения границ империи в сторону Турции. В. А. Жуковский, С. М. Соловьев и другие общественные деятели предупреждали царское правительство об опасности

¹ Данциг Б. М. Ближний Восток. С. 260.

² Фадеева И. Л. Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982. С. 44.

³ Синклер Т. Восточный вопрос прошедшего и настоящего. СПб., 1878. С. 58.

⁴ Ляшенко Л. Александр II, или История трех одиночеств. М., 2003. С. 241.

⁵ Горяйнов С. М. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 340.

⁶ Чернов С. Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1984. С. 57.

⁷ Anderson M. S. The Eastern Question. New York, 1970. P. 106.

таких устремлений¹. Действительно, события последующих шести лет показали, что царскому правительству не по плечу было решать такие международные проблемы, как Восточный вопрос².

Тем не менее вскоре Лондон фактически отказался от политики статус-кво, которой он прежде столь ревностно придерживался, и разработал программу по разделу Османской империи³. Данный факт привел последнюю в объятия Германии. Национально-освободительное движение на Балканах, стремление к независимости в Сирии, Египте, Ливане и других османских провинциях доказывали невозможность сохранения ее территориальной целостности, которую Великобритания поддерживала более полувека. Видимо, уже поэтому в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. она фактически отказалась от оказания военной помощи Турции, безотказно предоставляемой ею в Крымской войне против России⁴. Англо-французское соперничество в середине 60-х гг. XIX в. усилилось именно по этим причинам. Теперь препятствий для раздела «турецкого пирога» великими державами, в том числе Россией, больше не существовало. Вопрос был только в том, кому достанется «самый большой и лакомый кусок».

Более или менее активную роль среди остальных европейских держав в египетском вопросе играла кайзеровская Германия; в отличие от Англии и Франции, она не имела крупных финансовых интересов в Египте. В своих донесениях русский генеральный консул в Каире И. М. Лекс намекал на антифранцузский аспект вмешательства Германии⁵. Эта политика была направлена не столько против Всеобщей компании Суэцкого канала, сколько против Франции и подразумевала углубление англо-французских противоречий⁶. «Военная тревога» 1875 г., когда Англия совместно с Россией поддержала Францию в ее конфликте с Германией, сделала задачу разжигания англо-французского и англо-русского соперничества еще более актуальной для германской дипломатии⁷. Стремление юнкерско-буржуазной империи Гогенцоллернов к гегемонии в Европе диктовало политику разъединения

¹ Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 43–44.

² Майский И. М. Международные отношения. Политика, дипломатия XVI–XX века: сб. ст. М., 1964. С. 421.

³ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 222.

⁴ Русское обозрение. 1876. 5 окт.

⁵ АВПРИ. Ф. 161: Главный архив, V-A2. Оп. 181/2. Д. 474. Л. 302–303.

⁶ История дипломатии: в 5 т. / под ред. В. П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. С. 505.

⁷ Там же. Т. 2 / под ред. В. П. Потемкина. М., 1945. С. 20–21, 69.

главных соперников Германии, сумевшей значительно переkreить карту Европы в начале 70-х гг. XIX в., причем «не без предварительного согласия России»¹. Именно этот мотив определял позицию Бисмарка в египетском вопросе². Тем не менее под влиянием такой политики немецкого канцлера к концу 70-х – началу 80-х гг. большинство европейских держав заключили между собой мирные соглашения, что позволило им приступить к окончательному разделу «заморских» территорий, прежде всего Африки³.

Тем временем спустя шесть лет после открытия Суэцкого канала запутавшийся в долгах хедив продал Англии принадлежавшие ему 176,6 тыс. акций Суэцкого канала и получил за них от правительства Дизраэли около 4 млн фунтов стерлингов – в несколько раз меньше понесенных Египтом затрат⁴. Прибыль от акций, на которую рассчитывали правители Египта, стала поступать не в египетскую, а в британскую казну⁵. Но дело даже не столько в невыгодности для Египта этой финансовой операции, сколько в ее политическом значении.

В связи с этими событиями ситуация в Египте стала обостряться. В стране росло недовольство такой политикой властей. Пытавшемуся оказать какое-либо сопротивление бесцеремонному вмешательству Англии и Франции Исмаилу под их давлением пришлось отказаться от власти в пользу сына Тауфика. Сложившееся положение не устраивало ни нового хедива и его сторонников, ни восставших осенью 1879 г. офицеров и примкнувших к ним групп, ни тем более иностранцев, чьи интересы в Египте в условиях нестабильности оказались под угрозой. В движение пришли большие массы людей; еще недавно мало известные лица превратились в политических лидеров. Изменения произошли и в структуре власти. На некоторое время бывшее значение потерял институт хедивата; заметно ослабли позиции европейских консульств как одного из центров управления страной.

Интерес представляет высказывание И. М. Лекса и о влиянии на национальное движение в Египте освободительной борьбы народов Маг-

¹ Цит. по: *Захарова Л. Г.* Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 146.

² *Нерсесов Г. А.* Египет в международных отношениях 70-х годов XIX в. и русская дипломатия // Вопросы африканской истории. М., 1983. С. 147.

³ *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении. Юрьев (Дерпт), 1902. С. 26.

⁴ *Hurewitz J. C.* Diplomacy in the Near and Middle East. A documentary record: 1535–1914. Vol. 1. New York, 1956. P. 177.

⁵ *Ар-Рафии Абд-ар-Рахман.* ‘Ахд Исмаил. Ч. 2. Ал-Кахира, 1948. С. 4, 8 (араб.).

риба в 1881 г. «Умы мусульманского населения, — говорится в отчете за 1881 г., — несколько взволновались по всей Северной Африке, вследствие движения арабов в Тунисе и Алжирии». Здесь отмечается также, что египетские события не связаны с пресловутым «мусульманским фанатизмом»¹. Именно недовольство политическим диктатом Англии и Франции стало, по мнению Лекса, основной причиной роста национально-освободительного движения в Египте².

В донесениях И. М. Лекса в Министерство иностранных дел России и русское посольство в Константинополе, которому подчинялось генеральное консульство в Египте, прежде всего обращает на себя внимание характеристика обстановки в стране в конце 1881 — начале 1882 г. Здесь видно, что к политике Франции и особенно Великобритании русский генеральный консул относится резко отрицательно. Легко понять, что такая позиция сформировалась отнюдь не из-за враждебного отношения к колониализму (в этом царского дипломата никак нельзя заподозрить), а исключительно из-за столкновения интересов правящих кругов царской России и Англии, причем не только в Египте (особенно в зоне Суэцкого канала), но и на всем Ближнем и Среднем Востоке.

И. М. Лекс далек от порицания политики финансового ограбления Египта британскими, французскими и другими иностранными кредиторами. Это для него в порядке вещей. Если он и осуждает англо-французский «двойственный контроль» в экономическом плане, то только потому, что считает его дорогим и совершенно ненужным³. Сопоставляя позиции Англии и Франции в Египте, И. М. Лекс указывает, что «двойственный контроль» фактически все более и более превращается в господствующее положение Англии. Так, в отчете за 1880 г. он пишет, что, хотя английский и французский генеральные консулы играют первые роли среди иностранных дипломатических представителей в Египте, «настоящее влияние все-таки в руках г. Малета»⁴ — английского консула.

После получения преобладающей позиции в Египте Лондон решительно приступил к реализации своей египетской политики. 15 сентября 1882 г. в Каир вступили английские войска под командованием Г. Уолсли. Восстание

¹ АВПРИ. Ф. 151: Политархив. Оп. 482. Д. 820. Л. 239–240.

² Там же. Л. 238.

³ *Нерсесов Г. А.* К истории британской интервенции в Египте в 1882 г. (по русским архивным материалам). Очерк первый // Проблемы истории Африки. М., 1966. С. 177.

⁴ АВПРИ. Ф. 151: Политархив. Д. 819. Л. 110.

Ораби-паши (1881–1882) потерпело поражение. Около 30 тыс. его участников были арестованы или высланы из страны¹. Военный суд, перед которым предстали Ахмед Ораби и его товарищи, приговорил их к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой на Цейлон. В страну начали возвращаться бежавшие из Египта иностранцы и сторонники хедивского режима². Были закрыты все газеты и организации, сотрудничавшие с повстанцами³.

Чтобы решить очередной египетский кризис, в это же время в Стамбуле была созвана конференция великих держав. На ее первом этапе, с середины июня до середины июля 1882 г., был принят «протокол о незаинтересованности» и соглашение об отказе от изолированных действий. Однако он, по сути дела, перечеркнул принцип «коллективного решения» египетского вопроса, на котором основывалась конференция, и само ее проведение теряло всякий смысл. Отныне исход египетского кризиса будет решать «сила и одна только сила», как заявляла английская консервативная газета «Стандард». Она рекомендовала участникам Константинопольской конференции понять, что «англичане твердо намерены осуществлять в Каире и Александрии преобладающее и господствующее влияние»⁴. В том же ключе высказывалась и газета «Таймс», призывая не считаться с данными до войны международными обязательствами в отношении Египта. С предельной откровенностью излагая позицию лондонского кабинета, британская газета провозглашала задачу создания на берегах Нила «прочного режима под английским протекторатом», то есть превращения Египта во вторую Индию⁵. По мнению петербургского журнала «Дело», английские политики готовы были даже «ценою разрыва с Францией и рискуя остаться изолированными, поддержать главенство Великобритании на берегах Нила»⁶.

Но Великобритания не спешила расстаться с конференцией, а, наоборот, стремилась продлить ее заседания до тех пор, пока не завершится процесс

¹ *Cole J. R. I. Colonialism and Revolution in the Middle East: Social and Cultural Origins of Egypt's 'Urabi Movement.* Princeton, 1993. P. 241, 244, 317.

² История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976. С. 214.

³ *Ninet J. Lettres d'Egypte 1879–1882 / ed. Anouar Louca.* Paris, 1979. P. 220. № 159.

⁴ *Нерсесов Г. А.* Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг. С. 158.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Обзор политических событий за 1881 год // Дело. СПб., 1881. № 12. С. 126.

концентрации в Египте британских войск и не будут созданы условия для генерального наступления. Это значило, что конференции отводилась роль прикрытия планов интервентов, причем не только военных, но и политических. Продолжение конференции должно было создать впечатление, что Англия не собирается откаться от принципа международного урегулирования египетского кризиса.

Из сообщений министра иностранных дел России (1882–1895) Н. К. Гирса посланнику России в Турции (1859–1863, 1878–1879) А. Б. Лобанову видно, что царское правительство было возмущено действиями англичан, расценив этот план Англии как «серьезный удар по принципам общего согласия [держав]»¹. Из документов можно сделать вывод, что в Петербурге предвидели такой ход событий². В знак протеста представитель России демонстративно (хотя и временно) покинул заседание Константинопольской конференции держав, объявив ее фарсом, разыгранным другими ее участниками. Что касается позиций Германии и Австрии, то они решили явно попустительствовать Англии и предоставить ей полную свободу действий. Русский посол в Берлине П. А. Сабуров в своем донесении Н. К. Гирсу писал, что крах переговоров о заключительной декларации стал логическим концом Константинопольской конференции и показал всю ее бессмысленность в сложившейся ситуации³.

Британская оккупация практически с самого начала привела к усилению финансового контроля в Египте. В соответствии с этим для окончательного оформления своего господства в стране британское правительство направило в Египет миссию лорда Дафферина, который установил в Египте режим колониального деспотизма и произвола. Достойным продолжателем его дел стал майор Бэринг (лорд Кромер), которого британские колонизаторы сделали в 1883 г. неограниченным правителем страны.

Но противодействие держав, особенно России и Франции, выступавших против оккупации Египта, создавало для Англии значительные трудности. В течение 32 лет, вплоть до Первой мировой войны, она не могла добиться признания своих «прав» на Египет. Ей все время приходилось заявлять, что она не завоевывала Египет, потому что он принадлежал Турции, с которой она не находилась в войне⁴. Тем не менее Англия была полным хозяином

¹ АВПРИ. Ф. 184: Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 498. Л. 122–123.

² РГАВМФ. Ф. 26: Сабуров. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

³ Там же. Л. 59об.

⁴ Гуч Г. П. История современной Европы. М.; Л., 1925. С. 55.

в стране. Она использовала Суэцкий канал как оборонительный барьер против турецких войск во время Первой мировой войны¹.

Оккупация Египта британскими войсками произошла спустя полтора года после гибели российского императора Александра II от рук заговорщиков-народовольцев. Так закончилась целая эпоха активной дипломатической деятельности русского Министерства иностранных дел, связанная с его именем. Неожиданным образом завершил свою миссию в Египте и генеральный консул, действительный статский советник Иван Михайлович Лекс. 26 января 1883 года он умер в Каире. Это событие отметили представители генерального консульства США в Египте, в чьих донесениях выражалось немалое удивление столь скоропостижной кончиной русского дипломата². Следует отметить, что большую часть своей дипломатической службы Лекс находился в Каире, лишь во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., из-за участия в ней Египта на стороне Турции, он был временно отозван в Петербург.

¹ *Ас-Саййид Хазим Исмаил*. Канат ас-Сувайс (Суэцкий канал). Ал-Кахира, 2006. С. 55. (араб.).

² The National Archives and Records Administration (USA). Microcopy 34: Despatches from United States Ministers to Russia, 1808–1906. Vol. 38: September 1, 1884 – April 22, 1886. Doc. 3: Mr Taft to the Department of State.

В. В. Носков

**Русско-турецкая война 1877–1878 гг.
в истории пореформенной России
по донесениям американских дипломатов**

Статья посвящена отражению событий, связанных с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг., в донесениях американских дипломатов, которые внимательно следили за развитием конфликта с момента зарождения Восточного кризиса, подробно анализировали ход и последствия военных действий, показали роль Берлинского конгресса в урегулировании кризиса и то влияние, которое война оказала на последующее внутривнутриполитическое, социальное и экономическое развитие пореформенной России.

Ключевые слова: Восточный кризис, пореформенная Россия, дипломатия США.

Носков Владимир Витальевич (Санкт-Петербург) – ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории РАН»; профессор, доктор исторических наук.

Vladimir V. Noskov – St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; Professor, Dr. (History).

vvnoskov@yahoo.com

© В. В. Носков, 2019

Vladimir V. Noskov

The Russo-Turkish War of 1877–1878 in post-reform Russian history according to the American diplomats' reports

The paper deals with the reflection of events, connected with the Russo-Turkish War of 1877–1878, in the reports of American diplomats who attentively observed the development of the conflict from the very beginning of the Eastern Crisis; analyzed the course and consequences of military operations; demonstrated the role of the Berlin Congress in regulating the Crisis and the influence which the war have exercised on political, social and economic development of post-reform Russia.

Keywords: Eastern Crisis, post-reform Russia, US diplomacy.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала переломным моментом в истории царствования Александра II, фактически завершив эпоху Великих реформ и открыв последний период его правления, кульминацией которого стала трагическая гибель Царя-Освободителя. Американские дипломаты, аккредитованные в российской столице в период войны с Турцией, оставили много ценных свидетельств, анализ которых представляет значительный интерес с точки зрения понимания происходивших тогда событий. Необходимо иметь в виду, что Русско-турецкая война происходила в период наибольшего сближения между Россией и США за всю историю их взаимоотношений. В отличие от своих европейских коллег, американские дипломаты демонстрировали непредвзятый подход, давали по большей части точные оценки ситуации и представили в целом верную картину того, что происходило как на полях сражений, так и на дипломатической арене. Они отразили все аспекты войны: военные, политические, социальные, экономические. Особый интерес представляет произведенный ими анализ последствий войны для России.

Посланник США в Петербурге Джордж Г. Боукер до назначения в Россию на протяжении трех лет занимал аналогичный пост в Стамбуле. Этого времени хватило, чтобы он возненавидел Турцию и весь Восток¹. Боукер

¹ *Bradley E. S. George Henry Boker, Poet and Patriot. Philadelphia, 1927. P. 301.*

допускал отдельные критические замечания в адрес России, но в целом его симпатии были на ее стороне. Эдвин У. Стотон, сменивший его в январе 1878 г., полностью воспринял русский взгляд на войну и пытался довести его до сознания соотечественников. Война «была навязана императору религиозным чувством» русского народа, писал он, и когда она была объявлена, «звучал только призыв русской нации к возмездию по отношению к великим преступникам против человеческой расы». «Англия отказалась соединиться для этой цели; царь объявил войну, а затем двинулся на врагов христианской расы», – разъяснял Стотон. Но в конечном итоге «область гражданской и религиозной свободы, определенная Россией в Сан-Стефанском договоре, была сильно урезана Берлинским»¹.

Посланники были политическими назначенцами, получившими свой пост за партийные заслуги, и не утруждали себя глубоким анализом ситуации, но у них были надежные помощники – секретари дипломатической миссии США Юджин Скайлер, получивший известность как авторитетный исследователь российской политики в Азии, Хоффман Аткинсон и Уикхэм Хоффман – бывшие офицеры федеральной армии, хорошо знавшие военное дело и разбиравшиеся в политических вопросах. Хоффман до перевода в Петербург восемь лет прослужил в Париже, где стал очевидцем событий Франко-германской войны 1870–1871 гг. и описал их в своей книге. Генеральный консул США в Петербурге Джордж Помуц, отставной генерал, прожил в России 12 лет, выучил русский язык и стал своим человеком в деловом мире Петербурга². Хорошую осведомленность о русских делах проявил и сменивший его Уильям Х. Эдвардс. Вице-консул Гон М. Хаттон, британский подданный, был известным в Петербурге предпринимателем и также хорошо разбирался в социально-экономических процессах, происходивших в России. Помимо того, летом 1877 г. в Россию прибыл первый военный атташе США лейтенант Фрэнсис В. Грин, который по возвращении на родину опубликовал две книги о Русско-турецкой войне³.

¹ *Stoughton E. W.* Popular Fallacies about Russia // *North American Review*. Vol. CXXX. № 283 (June 1880). P. 529.

² См.: *Носков В. В.* Дж. Помуц – первый генеральный консул США в Санкт-Петербурге // *Русский Север в истории российско-американских отношений*. Вологда, 2011. С. 126–136; *Noskov V. V.* Un diplomat deosebit: generalul George Pomutz la Sankt Petersburg // *Partide politice și minorități naționale din România în secolul XX*. Vol. VI. Cluj Napoca, 2011. P. 233–243.

³ См.: *Носков В. В.* Лейтенант Ф. В. Грин, первый военный атташе США в С.-Петербурге // *Американский ежегодник 2013*. М., 2013. С. 167–182.

Американские дипломаты внимательно следили за развитием русско-турецкого конфликта с самого начала Восточного кризиса 1875–1878 гг. «На праздновании освящения воды (6 января. – *В. Н.*) император не подал руку турецкому послу Камиль-паше и заявил ему: „Если Порты не станет более благоразумной, последствия для нее будут ужасными“», – докладывал временный поверенный в делах США в Петербурге Ю. Скайлер в январе 1875 г. Он писал, что резня, устроенная турками в Черногории, вызвала в России серьезное беспокойство, отметив «твердую позицию, которую российское правительство занимает против Турции». Американский дипломат уже тогда предупреждал, что дальнейшее развитие событий может привести к «всеобщей войне на востоке Европы»¹. В феврале 1876 г. Скайлер получил назначение на пост генерального консула США в Стамбуле, в этом качестве он принимал участие в расследовании турецких зверств в Болгарии и опубликовал неопровержимые свидетельства этих преступлений².

Американские дипломаты понимали всю сложность ситуации, видели неготовность России к войне, и, в частности, слабость ее финансов. В июне 1876 г. временный поверенный в делах США Х. Аткинсон докладывал в Вашингтон: «Финансовое положение России представляется одним из труднейших препятствий на пути войны, и недавнее серьезное падение ценных бумаг российского правительства... показывает его слабость в этом отношении вопреки любым ободряющим сообщениям»³. «Нет никаких сомнений, что огромные симпатии народа России находятся на стороне восставших», подчеркивал он, хотя «российское правительство склонно к нейтралитету»⁴. В июле Аткинсон сообщал госсекретарю, что «правительство России все еще всеми силами сопротивляется вовлечению страны в войну и будет делать все возможное, чтобы избежать конфликта». Вместе с тем оно «готовится к военным действиям и не препятствует свободному проявлению народного сочувствия»⁵.

В октябре 1876 г. посланник Дж. Г. Боукер сообщал об успехах турецких войск в войне против Сербии и о жестоких боях, в ходе которых рус-

¹ E. Schuyler to H. Fish; January 22, 1875 // Papers relating to the Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1875. P. 1035–1036.

² Mr. Schuyler's Preliminary Report on the Moslem Atrocities. August 10, 1876 // MacGahah J. A. The Turkish Atrocities in Bulgaria. London, 1876. P. 89–94.

³ Цит. по: *Куропятник Г. П.* Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи. 1867–1881. М., 1981. С. 256.

⁴ *Куропятник Г. П.* Россия и США. С. 254, 250.

⁵ Там же. С. 253–255.

ские добровольцы понесли большие потери. Это было самое важное сражение в ходе сербо-турецкой войны, подчеркивал он, в ответ на поражение в котором российское правительство потребовало немедленного прекращения военных действий, угрожая в противном случае разрывом дипломатических отношений с Турцией. Таким образом, Россия предстала перед миром защитницей славян, готовой выступить с оружием в руках и встретить любые опасности, порожденные сложившейся ситуацией. Теперь трудно предположить, к чему может привести нынешнее критическое положение, заключал посланник США¹.

В феврале 1877 г. Боукер направил в Вашингтон длинное послание, в котором он писал, что «в России существует сильная партия, жаждущая немедленного нападения на Турцию» и оказывавшая большое влияние на колеблющееся правительство. «Военная партия России, оплот которой находится в Москве, может считаться искренней и благонамеренной в обосновании войны, целью которой является религиозная и политическая эмансипация их страдающих братьев славянской расы и их единоверцев по всей Турецкой империи», — продолжал американский дипломат. Император, по его мнению, был вынужден реагировать на «воинственный дух России», чтобы не потерять контроль над общественным движением. «В С.-Петербурге отсутствует такое воинственное желание обратиться к оружию, какое существует в древней столице», — писал Боукер далее, поскольку угрожающее положение национальных финансов, вялость торговли и многочисленные банкротства не способствовали поддержанию энтузиазма в отношении внешнеполитических проблем. Но, несмотря «на апатию столицы, которая охватывает, благодаря известной политике императора, чиновников правительства и офицеров армии, нельзя отрицать, беря всю империю в целом, что настроения в пользу войны с Турцией являются популярными», — заключал американский дипломат².

Другое обстоятельство, способствовавшее росту настроений в пользу военного решения Восточного вопроса, по мнению Боукера, «заключается в недовольстве и потребности к действию, которые, как говорят, существуют в большой армии, собранной на румынской границе и ожидающей, что ей будет позволено обрушиться на Турцию по окончании зимы». Укреплению позиций «военной партии», отмечал он, способствовала ее «уверенность, что непременно результатом войны станет легкая победа над турками». Но император стоит за мир, подчеркивал посланник, напомнив, что Россия

¹ G. H. Boker to H. Fish; November 2, 1876 // FRUS. 1877. P. 463–464.

² G. H. Boker to H. Fish; March 2, 1877 // Ibid. P. 466.

«не подготовлена к войне в финансовом отношении и с военной точки зрения». Новая военная система России «требует пяти лет дальнейшего развития, чтобы довести численность армии и привести ее в такое состояние эффективности, которое военные считают необходимым для потребностей империи», — сообщал Боукер¹. Незадолго до начала войны с Турцией он убеждал госдепартамент, что теперь «шансы на мир кажутся лучшими, чем они были в любой момент после роспуска конференции в Константинополе». «Здесь дела приняли весьма мирный характер, — писал он госсекретарю У. М. Эвартсу в марте 1877 г. — Все умудренные в дипломатии люди соглашаются на том, что в настоящее время войны не будет»².

В начале апреля 1877 г. Аткинсон, замещавший уехавшего в отпуск посланника, направил Эвартсу пространное сообщение с подробным анализом той ситуации, которая сложилась в России в канун войны с Турцией. «Поскольку попытки к мирному разрешению Восточного вопроса провалились с таким треском, в России больше не остается каких-либо надежд избежать войны и приготовления ведутся в спокойной, деловой манере, что очень отличается от энтузиазма, который на протяжении прошлого года, как тогда казалось, несколько раз грозил немедленным конфликтом.

Небольшая, но разумная партия вплоть до последних дней неизменно верила в то, что войны можно было избежать, — писал он, — но даже самые упорные сторонники этой партии уступили логике создавшегося положения и теперь никто не верит, что мир еще возможен, если не произойдет какого-нибудь дипломатического чуда или отступления Турции, на что ничто в ее нынешнем поведении не указывает. Наоборот, вызывающий отказ Порты от Лондонского протокола можно назвать настоящим поворотным моментом к крушению переговоров о мире», — отмечал Аткинсон. «Россия уже зашла так далеко, что вопрос свелся к простому подчинению Турции ее требованиям либо до, либо после обращения к оружию», — продолжал он. «Россия принимает вызов с решимостью, но с очевидным сожалением, и тут даже не помышляют о поисках путей избежать войны путем признания менее того, что было потребовано от Турции.

Наиболее разумные русские осознают, что война означает приостановку национального прогресса, паралич растущего производства страны и, возможно, даже возобновление попыток заговоров и бунтов со стороны недовольных подданных», — писал американский дипломат далее. — «Здеш-

¹ G. H. Voker to H. Fish; March 2, 1877 // FRUS. 1877. P. 467—468.

² Цит.: *Куропятник Г. П.* Россия и США. С. 274—275.

нее мнение заключается в том, что, хотя результат войны должен стать разрушительным для Турции в смысле изменения ее границ и освобождения, более или менее полного, ее христианских подданных, схватка будет короткой и жестокой, но что почти наверняка возникнут внешние осложнения и что они могут привести к долгой и сложной серии конфликтов; что поскольку мир в Европе окажется однажды нарушенным, существует серьезная опасность, что ее карта никогда больше не вернется к ее нынешним очертаниям»¹. «С точки зрения снаряжения, русские и турецкие силы, вероятно, практически равны, — продолжал Аткинсон, — и превосходная дисциплина русских войск противостоит безрассудному, фанатичному мужеству турок. Работа по обеспечению наступающих русских колон будет невозможна без чрезвычайной организации и расходов, а страна, в которой будет происходить борьба, практически лишена фуража и провизии и недостаточно обеспечена средствами сообщения.

Тем не менее война с любым результатом, кроме поражения России, будет более предпочтительна для страны, чем дальнейшее продолжение напряжения ее расходов и тревожная неопределенность, вызванные мобилизацией большой армии на границе, и на протяжении нескольких недель звучало мнение, что выбор лежит между войной или скорой демобилизацией», — сообщал американский дипломат. «Какое бы сожаление не вызывала бы война, особенно в данном случае — поскольку какие бы иные причины она не имела, война должна ускорить разрушение Турецкой империи и принести по крайней мере временный вред России, — было бы невозможно доверять бумажным реформам турецких экспериментаторов с целью урегулировать дела христиан в Турции так, как человечность и цивилизованность требуют, чтобы они были урегулированы, и Россия, с неохотой выполняя свое обещание распространить покровительство ее меча на эти угнетенные народы, я полагаю, совершенно свободна от амбиций расширить свою собственную территорию, и это убеждение не ослабнет, даже если итоги борьбы будут казаться противоречащими ему», — заключал Аткинсон².

Не прошло и месяца после успокаивающих заверений Боукера, как, вопреки его предсказаниям, Русско-турецкая война все же началась. «Император выехал из столицы 20-го этого месяца (8 апреля по старому стилю. — В. Н.) в Кишинев», — докладывал Аткинсон. Объявление войны было к тому моменту готово, но еще не передано для публикации. «Об армии говорят как о пребывающей в боевой готовности и полной энтузиазма», —

¹ H. Atkinson to W. M. Evarts; April 16, 1877 // FRUS. 1877. P. 468–469.

² Ibid. P. 469.

подчеркивал он¹. Война была объявлена 12 (24) апреля 1877 г. На следующий день Аткинсон писал Эвартсу, что «война является популярной по своей цели. Она с хорошей стороны характеризует русских, поскольку они не позволяют себе вдаваться в героику по поводу предстоящих схваток и рассматривают войну как суровое испытание своих обязательств, которые могут быть выполнены только в результате тяжелой борьбы и принесения жертв»². Он отмечал «укрепление и без того хорошего морального состояния русских войск. Нельзя переоценить ревностную личную преданность долгу русского солдата», добавлял американский дипломат³. При этом он был убежден, что «Цель России в войне – борьба за принципы, а не за территории»⁴.

В июле Боукер докладывал госсекретарю, что «значительные силы русской кавалерии почти без сопротивления перешли через Балканы и утвердились в Казанлыке, установив таким образом контроль над одним из основных проходов через эти горы». В донесении сообщалось также о других успехах русских войск на Балканах и надеждах на будущие победы. Вместе с тем Боукер сообщал о русских неудачах на азиатском театре военных действий. «Для русских результат кампании в Малой Азии оказался провальным», – заключал он⁵. Лейтенант Грин, прибывший в августе 1877 г. в расположение русской армии на Балканах, обратил внимание на ее высокие потери от огня американских винтовок Пибоди, которыми была вооружена турецкая пехота и которые не уступали винтовкам Бердана, принятым на вооружение в отдельных частях русской армии. Грин отмечал, что большое число потерь объяснялось также приверженностью русских к штыковому бою и их пренебрежением к устройству полевых укреплений. Наряду с этим он сообщал об отсутствии координации и стратегического планирования в действиях российского командования⁶.

Боукер, со своей стороны, писал, что поначалу многие в России воспринимали начавшуюся войну как легкую прогулку в направлении Константинополя, а элементарные правила стратегии попросту не принимались в расчет⁷. Но, как докладывал посланник в сентябре 1877 г., «военные неудачи России

¹ H. Atkinson to W. M. Evarts; April 23, 1877 // FRUS. P. 469–470.

² Цит. по: *Куропятник Г. П.* Россия и США. 1877. С. 286.

³ Там же. С. 292.

⁴ Там же. С. 278.

⁵ G. H. Boker to H. Fish; July 18, 1877 // FRUS. 1877. P. 473–474.

⁶ *Saul N. E. Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914.* Lawrence, 1996. P. 117–119.

⁷ *Ibid.* P. 119.

на Балканах показали необходимость бóльших и более серьезных усилий с ее стороны, чтобы восстановить свой престиж как державы первого класса среди стран Европы»¹. Не следует верить британским газетам, предупреждал он, поскольку события «очень медленно, но верно приведут к исходу, который не может быть подвергнут сомнению, как бы ни отодвигался по времени». «Каждый, кто знает терпеливый и не отступающий перед трудностями и опасностями характер» русского народа, — продолжал Боукер, — «не может сомневаться, что своим медленным и тяжким путем он придет к цели». При этом ни одна держава не сможет помешать России, полагал он. Такой державой не может быть даже Англия, «поскольку там, где в настоящее время ведется война, она не может использовать свои разбросанные военные силы, даже если бы хотела этого»².

В конце 1877 г. Боукер сообщал о возвращении императора с театра военных действий: «Поскольку общественное возбуждение, порожденное недавними большими победами русского оружия, еще не утихло в сознании публики, императора встречали с необычайным общественным энтузиазмом, и его продвижение от железнодорожной станции в свой дворец напоминало современную имитацию древнего триумфа»³. Незадолго до этого посланник направил в Вашингтон сообщение о состоянии российских финансов, обратив особое внимание на трудности с кредитованием России, которые вынуждали правительство прибегать к дополнительным налогам⁴. Сообщая об исполнении бюджета 1876 г., Боукер писал: «Без сомнения, очень значительные расходы производились в том году в предвидении войны, которая разразилась весной 1877 г., и поэтому Россия имеет основания поздравить себя с тем, что расходы превысили поступления на столь малую сумму»⁵.

Сообщая об ослаблении российской валюты во время войны, генеральный консул США в Петербурге Дж. Помуц отмечал, что «в действительности бумажный рубль стоит на 30% меньше, чем прежде»⁶. В следующем донесении он писал, что снижение внутреннего спроса в России привело к падению импорта иностранных товаров, а «экспорт значительно превысил объем

¹ Цит. по: *Куропятник Г. П.* Россия и США. С. 290.

² Там же. С. 292–294.

³ G. H. Boker to W. M. Evarts; December 24, 1877 // FRUS. 1878. P. 754.

⁴ G. H. Boker to W. M. Evarts; October 25, 1877 // Ibid. P. 749.

⁵ G. H. Boker to W. M. Evarts; December 20, 1877 // Ibid. P. 753.

⁶ G. Pomutz to W. Hunter; January 22, 1878 // National Archives Microfilm Publications. Microcopy 81. Despatches from United States Consuls in St. Petersburg, 1803–1906 (далее – DUSC). Washington, 1963. Roll 8.

импорта на протяжении этого разрушительного года войны. Это нетрудно понять, если вспомнить, что стоимость коммерческого бумажного рубля между 1-м октября и взятием Плевны к концу прошлого ноября упала до неслыханно низких показателей», и это, «конечно, достаточная причина побудить людей покупать только абсолютно необходимые товары. Такой обменный курс никогда прежде не был известен в России», — подчеркивал Помуц¹.

Военные успехи России породили угрозу возникновения англо-русской войны, в связи с чем еще в ноябре 1877 г. Грин докладывал в Вашингтон, что русская «армия вступит в войну с Англией с чуть меньшим энтузиазмом по сравнению с тем, с каким была начата война с Турцией»². В феврале 1878 г. американский офицер подвел итоги боевых действий, придя к заключению: «Кампания привела к тому, что Россия стала абсолютным хозяином на поле брани в Турции и обладает такой огромной военной силой, что могла бы легко двигаться дальше». Касаясь проблем мирного урегулирования в своем майском донесении, Грин отмечал, что «русские воздержались от занятия высот к западу и северу от Константинополя и вдоль Босфора, что было в то время вполне в их возможностях». Причина заключалась в том, полагал он, что у российских дипломатов «не было никаких сомнений, что захват Дарданелл или Босфора означал бы немедленную войну с Англией»³. Тем временем турки спешно укрепили оборону столицы и подтянули свежие силы. «Теперь Константинополь и Галлиполи находятся под надежной защитой», — заключал Грин. «Оба пункта уже не находятся более на милости у русских войск, как это было три месяца назад. Вся военная обстановка полностью изменилась»⁴. Таким образом, русская армия утратила те сильные позиции, которые она имела после перемирия, в то время как турки усилили оборону своей столицы⁵.

В то же время поверенный в делах США в Петербурге У. Хоффман докладывал в Вашингтон, что Восточный вопрос определенно принял более мирный характер. Миссия графа Шувалова в европейские столицы представлялась ему вполне успешной, поэтому появились все основания надеяться на скорое открытие мирного конгресса⁶. В своем докладе о состоянии

¹ G. Pomutz to W. Hunter; January 23, 1878 // DUSC. Roll 8.

² Цит. по: *Куропятник Г. П.* Россия и США. С. 302.

³ Там же. С. 294–295.

⁴ Там же. С. 297–298.

⁵ *Saul N. E. Concord and Conflict.* P. 120.

⁶ W. Hoffman to W. M. Evarts; May 23, 1878 // FRUS. 1878. P. 760.

русско-американской торговли в период войны Хоффман особо отметил, что обесценивание русской валюты сильно ударило по американским экспортерам. В заключении он писал, что «прошедшая война и нынешняя неопределенность относительно будущего и вызванное этим обесценивание рубля настолько подавили всю торговлю, что дела, за исключением тех, которые производятся за счет правительства, ведутся в очень ограниченных масштабах»¹. В июле 1878 г. генконсул Помуц сообщал, что «за все двенадцать лет, что я нахожусь на этом посту, для этого коммерческого сообщества никогда не было столь тяжелых времен, чем в настоящее время». Бумажный рубль, писал он, «равный примерно 66 центам в американской золотой валюте, упал – через несколько снижающихся стадий в течение последней войны» до 46 центов².

Бывший секретарь дипломатической миссии США в Петербурге Бэйард Тэйлор во время войны получил назначение посланником в Берлин и стал очевидцем состоявшегося там международного конгресса. Он отмечал, в частности, что физическое состояние князя Горчакова «ставит Россию в невыгодное положение в этом кризисе»³. Подводя итоги конгресса, Тэйлор докладывал, что «в той или иной степени решение вопроса не удовлетворительно ни для одной из заинтересованных сторон». Берлинский договор, заключал он, «не устанавливает прочной основы для мира»⁴.

Лейтенант Грин, возвратившийся в Петербург осенью 1878 г., констатировал, что эйфория, порожденная началом войны с Турцией, прошла, а военные тяготы и итоги Берлинского конгресса вызвали резкую перемену в общественных настроениях. В связи с этим он отмечал, что русские «очень любят заниматься критикой и абстрактными дискуссиями, но их критицизм часто носит в высшей степени алогичный, если не сказать истерический характер». Сформировавшееся на такой основе «общественное мнение» и стало главным фактором, вовлекшим Россию в войну, полагал Грин. Ее начало было встречено с энтузиазмом, хотя «публика в целом очень слабо понимала, что война означает». Последовавшие затем неудачи развернули «общественное мнение» в прямо противоположную сторону. Газетные обвинения в адрес армии, отмечал американский офицер, по своей злобности превосходили даже измышления английской прессы. «Пессимистический дух», широко

¹ Report, by Mr. Hoffman, secretary of legation at St. Petersburg, on the trade between the United States and Russia // *Commercial Relations of the United States with Foreign Countries*, 1878. P. 1014–1016.

² G. Pomutz to W. Hunter; July 16, 1878 // DUSC. Roll 8.

³ B. Taylor to W. M. Evarts; June 17, 1878 // FRUS. 1878. P. 222.

⁴ B. Taylor to W. M. Evarts; July 15, 1878 // Ibid. P. 227.

распространившийся в период осады Плевны, сохранился даже после успехов, достигнутых русскими войсками на завершающем этапе войны. А за время, прошедшее после Берлинского конгресса, «общество в целом совершенно потеряло голову и в обстановке всеобщего смещения идей и бессмысленной критики всего хода войны агрессивная революционная партия или нигилисты, которые стремятся разрушить все существующие формы социального порядка, нашли шанс для себя». Причина такого поворота в умах, заключал Грин, — «безответственный и непрактичный характер русского критицизма и общественного мнения, склонность к обсуждению скорее абстрактных идеалов, чем конкретных идей, и лихорадочные смены моментов радости и уныния, в которые они впадают по мере развертывания событий»¹. У него не было сомнений в том, что Россия вступила в один из глубочайших кризисов в своей истории. Грин допускал, что там могла произойти «другая Французская революция». «Это великая и во многих отношениях уникальная фаза национального развития», — заключал американский наблюдатель².

В своем отчете Грин подробно описал ход военных действий, уделив особое внимание событиям, связанным с упорной борьбой за Плевну. Он отметил, что затянувшаяся осада города привела к тому, что на протяжении полугода дела великой империи велись из безвестной деревушки в чужой стране³. Но как только препятствие в виде Плевны было преодолено, весь характер кампании совершенно изменился, и русская армия провела самое блестящее, по мнению американского офицера, наступление во всей военной истории со времен Наполеона. Именно в ходе зимней кампании 1877/78 гг. Россия уничтожила военную мощь Османской империи, подчеркивал Грин. Главная заслуга в таком исходе войне принадлежала русскому солдату с его «почти безграничным терпением и выносливостью»⁴. Американский офицер стремился донести до своих соотечественников русский взгляд на Восточный вопрос, который он считал «в основном» правильным в отличие от британского, более известного американцам. Между тем, указывал Грин, британская пресса публиковала «крайне предвзятые, пристрастные и порой фальшивые сообщения о восточных делах»⁵. Россия, заключал он, имела «моральное превосходство над Англией» в Восточном вопросе, поскольку англичане

¹ *Greene F. V. Sketches of Army Life in Russia.* New York, 1880. P. 238–244.

² *Ibid.* P. 247–250.

³ *Greene F. V. The Russian Army and Its Campaigns in Turkey in 1877–1878.* New York, 1879. P. 314.

⁴ *Ibid.* P. 366–369.

⁵ *Greene F. V. Sketches of Army Life in Russia.* P. 252–253.

выступали на стороне угнетателей против угнетенных, продлевая их страдания под турецким игом¹.

Экономические итоги войны подвел новый генеральный консул США в Петербурге У. Х. Эдвардс. В своих донесениях он приводил подробные данные об импорте и экспорте России, ее бюджете, изменениях в курсах обмена акций и различных ценных бумаг в Петербурге на протяжении двух военных лет². Много места в его посланиях занимало описание тяжелого положения, в котором оказалось сельское хозяйство России в 1870-е гг., особенно в послевоенный период. Вице-консул США Г. М. Хаттон подготовил позднее пространный «доклад об общем состоянии дел в Российской империи», показав в нем отдаленные последствия войны для России. Даже частичное восполнение тяжелых потерь, понесенных в результате последней войны на Востоке, оказалось совершенно ужасным по своим последствиям для такой сравнительно бедной страны, как Россия, указывал он. Обязательства, порожденные событиями прошедшей войны, чреватые очень серьезной и тяжелой ответственностью, отмечал Хаттон. Результаты этого уже проявились во множестве сложностей, отразивших «финансовые затруднения, под бременем которых империя изнемогает долгое время». Россия, подчеркивал он, подошла к пределам своих финансовых возможностей. Цены на предметы первой необходимости выросли по всей империи в самой чрезмерной степени, стагнация торговли привела к закрытию многих больших фабрик, использовавших множество рабочих рук, повсюду господствовала нищета. Факты выводят на передний план во всем живом трепете нищету настоящего и вероятный ужас будущего положения, писал Хаттон. Нынешние тяжелые времена проявлялись в стагнации почти всех видов торговли и производства по всей империи и вызывали необходимость экономить до такой степени, которая прежде была неизвестна населению, заключал американский наблюдатель³.

¹ Ibid. P. 378–380.

² W. H. Edwards to W. Hunter; October 22, 1878; February 7, April 30, & September 8, 1879 // DUSC. Roll 9.

³ G. M. Hutton to W. Hunter; February 24, 1881 // DUSC. Roll 10.

В. В. Познахирев

Политика правительства Александра II в отношении турецких военнопленных в 1877–1878 гг.

В статье освещаются основные направления политики российского правительства в отношении османских военнослужащих, попавших в плен во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Раскрыты особенности правового режима содержания пленных, сделан вывод о том, что их пребывание на территории Российской империи во многом способствовало сближению народов России и Турции.

Ключевые слова: Военное министерство, Министерство внутренних дел, театр военных действий, Положение о военнопленных, пункт интернирования, репатриация, Русско-турецкая война.

Vitaliy V. Poznakhirev

The policy of Alexander II's Government for Turkish prisoners of war in 1877–1878

The paper report highlights the key policies of the Russian Government on the Turkish prisoners of war during the Russian-Turkish War of 1877–

Познахирев Виталий Витальевич (Санкт-Петербург) – АНО ВО «Смольный институт Российской академии образования», кафедра гуманитарных дисциплин, доцент; кандидат исторических наук.

Vitaliy V. Poznakhirev – Smolny Institute of the Russian Academy of Education, Department of Humanities, Associate Professor; Ph.D. (History).

vvkr@list.ru

© В. В. Познахирев, 2019

1878. Rapporteur examines characteristics of the legal regime of prisoners of war maintenance and concludes that staying of Turks within the territory of the Russian Empire has greatly contributed to bring together peoples of Russia and Turkey.

Keywords: War Office, Ministry of the interior, theater of operations, regulation on prisoners of war, point of internment, repatriation, Russian-Turkish War.

Политика правительства Александра II в отношении военнопленных противника в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стала непосредственным продолжением той линии, которой военно-политическое руководство Российской империи придерживалось в отношении османских (и не только) пленников, по крайней мере со времен императрицы Анны Иоанновны. В более широком смысле предпосылками формирования указанной политики следует считать как отечественный опыт XVIII – первой половины XIX в., так и ряд иных факторов, среди которых выделим два.

1. В середине XIX столетия в Европе все более ярко стала проявляться тенденция к гуманизации положения военнопленных, зародившаяся еще в эпоху Великой французской революции 1789–1799 гг. Именно в этот период ведущими державами подписана Женевская конвенция об охране и облегчении участи больных и раненых воинов на войне (1864) и Санкт-Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль (1868). (Существовали и другие проекты, которые не удалось претворить в жизнь, например Брюссельская декларация о кодификации законов и обычаев войны 1874 г.)
2. В середине XIX в. европейская общественность стала уделять положению военнопленных более пристальное внимание. Это было связано, с одной стороны, с развитием средств массовой информации, превратившихся в значимый инструмент формирования общественного мнения. С другой стороны, в ходе ряда войн того времени (Датско-прусская 1864 г., Австро-прусская 1866 г. и особенно Франко-прусская 1870–1871 гг.) воюющие стороны не переставали упрекать друг друга в самом варварском отношении к пленным противника.

Названные предпосылки определили две основные цели политики Петербурга в отношении османских пленников:

- 1) продемонстрировать мировому сообществу способность России обеспечить не просто приемлемый, а беспрецедентно высокий уровень

содержания даже столь сложной категории военнопленных, как представители одной из могущественнейших держав Востока;

- 2) сформировать в Оттоманской империи положительный имидж России и тем самым способствовать скорейшей нормализации и успешному развитию послевоенных русско-турецких отношений.

Главнейшим средством достижения указанных целей стал, как нам представляется, тот режим военного плена, который Петербург сформировал до конца 1877 г. и который мы считаем одним из наиболее совершенных не только в отечественной, но и, возможно, во всей мировой истории.

Правовую основу указанного режима составили нормативные акты:

- «Правила, которыми Россия, основываясь на заключенных договорах и общепринятых принципах международного права, намерена руководствоваться по случаю войны с Турцией, как в отношении неприятеля и его подданных, так и нейтральных держав и нейтральной торговли» от 11 мая 1877 г.¹;
- «Положение о военнопленных Восточной 1877 года войны» от 2 июля 1877 г.²

Реализация российской политики в отношении турецких военнопленных обеспечивалась следующими факторами:

- российское общество (в первую очередь его наиболее образованная и культурная часть) либо так или иначе разделяло позицию власти, либо по крайней мере не оказывало ей сколько-нибудь существенного противодействия;
- несмотря на высокий уровень взаимной жестокости воюющих, отношение русских военнослужащих к пленным соответствовало статусу последних и отличалось терпимостью, с элементами уважения и сочувствия (другими словами, система стандартов поведения, социальных ценностей и культурных традиций личного состава действующих армий оказалась настолько устойчивой и консервативной, что не претерпела существенной деформации даже при столкновении с наиболее отвратительными реалиями войны).

Содержательная часть рассматриваемой политики в основном изложена в упомянутом выше «Положении о военнопленных». Российский законодатель впервые в отечественной истории:

- изъял пленников из подчинения должностным лицам Министерства внутренних дел и передал их в распоряжение органов Военного министерства;

¹ Правительственный вестник. 1877. 14 мая. С. 1.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 52. № 57530.

- максимально приравнял все виды обеспечения военнопленных (включая транспортное) к обеспечению «соответствующих чинов нашей армии»;
- установил, что «военнопленные подлежат действию российских военных постановлений и уставов и подсудны военным судам»;
- унифицировал условия пребывания в России различных категорий пленных османов, практически полностью отказавшись от их многоплановой дифференциации на христиан и магометан; «природных турецких подданных» и иностранцев, принявших службу Оттоманской империи; перебежчиков и лиц, плененных «с оружием в руках», и проч.;
- положил в основу трудового использования пленных принцип, согласно которому «право Правительства (российского. – *В. П.*) требовать работы от пленного не должно оскорблять в пленном чувство его достоинства, как воина и как подданного; работа, от него требующаяся, не только не должна изнурять его здоровье, она не должна унижать его воинского звания и, главное, не должна иметь прямого отношения к военным действиям, направленным против его отечества или его союзников»¹;
- запретил лицам, «которым вверен надзор за военнопленными», «брать их на собственные работы, хотя бы за плату и по добровольному соглашению»;
- исключил привлечение военнопленного к уголовной ответственности за совершенный побег и многое другое.

В совокупности все это позволило органам российского военного управления принять около 100 тыс. турецких военнопленных. (Чтобы оценить значение этого числа, скажем иначе: в 1877–1878 гг. во власти России оказалось примерно столько же военнослужащих противника, сколько за все предыдущие русско-турецкие войны, вместе взятые (!), и едва ли не в два раза больше, чем за все годы Первой мировой войны². Количество османских пленников оказалось если не беспрецедентным в отечественной истории, то сопоставимым разве что с числом военнопленных Великой армии Наполеона.)

К сказанному необходимо добавить, что турок расквартировывали лишь в пределах в европейской части страны, за исключением Карелии, Прибалтики и Поморья. Правда, в 1878 г. острая нехватка свободных казарменных помещений вынудила Военное министерство частично исключить из данного

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 38. Д. 152. Л. 33.

² Познахирев В. В. Оттоманские военнопленные в России в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: монография. СПб., 2017. С. 16.

списка Прибалтийские губернии. Сделано это было даже вопреки возражениям самого Александра II¹.

Нельзя также не обратить внимание на то, османских солдат и унтер-офицеров размещали в казармах российских военнослужащих². Пленные офицеры, в свою очередь, арендовали квартиры у частных лиц, получали примерно такое же жалованье, как и русские офицеры, и обладали практически полной свободой передвижения³.

В целом мы считаем, что цели правительства Александра II в отношении турецких военнопленных были достигнуты, что подтверждается следующими фактами.

1. «Положение о военнопленных» 1877 г. оказалось составленным настолько качественно, что обеспечило стабильность законодательства в рассматриваемой сфере на целые десятилетия. Порядок управления военнопленными, разработанный в 1877 г., практически без изменений применялся и в Русско-японскую войну (1904–1905), и в Первую мировую (1914–1918).
2. В 1877–1878 гг. представители враждующих народов впервые смогли выстроить такую систему социальных связей, которая дала основания серьезно усомниться в глубине и непримиримости существующих между ними исторических, культурных и религиозных различий.
3. В 1877–1878 гг. пленные османы фактически избегали побегов, а тем более любых форм коллективного неповиновения российским властям, достаточно типичных для них в Крымскую войну и в годы предыдущих вооруженных конфликтов между Россией и Портой.
4. В 1877–1878 гг. турецкие пленники стали в массовом порядке оказывать помощь местному населению в борьбе с пожарами, чего ранее они почти никогда не делали. Причем пожары тушили не отдельные энтузиасты, а едва ли не все пленные, расквартированные в том или ином населенном пункте. Более того, пожары османы тушили без денежного вознаграждения, без приказа и даже без просьбы.
5. В ходе Первой мировой войны на Кавказском фронте уже не отмечалось и тени той взаимной жестокости, которая была свойственна в ходе военных действий русским и туркам в XVIII–XIX вв.
6. Около 150 тыс. российских беженцев, оказавшихся в Стамбуле в 1921 г., несмотря на свое очевидно беспомощное состояние, чувствовали себя в относительной безопасности.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 38. Д. 153. Л. 218.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047. Л. 21–22.

³ ЦГИА СПб. Ф. 861. Оп. 1. Д. 1245. Л. 35.

А. В. Манахова

Российская империя и Александр II в статьях британской прессы во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Статья посвящена образам России и императора Александра II, созданным британскими военными корреспондентами, которые были допущены на театр боевых действий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Журналисты, ставшие очевидцами событий, имели возможность повлиять на мнение британского общества об этой кампании.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Александр II, Российская империя, пресса Великобритании, военные корреспонденты, британские корреспонденты, образ Александра II.

Манахова Ангелина Васильевна (Москва) – ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», факультет журналистики, кафедра зарубежной журналистики и литературы, соискатель.

Angelina V. Manakhova – Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Researcher.

angelina-manakhova@yandex.ru

© А. В. Манахова, 2019

Angelina V. Manakhova

The Russian Empire and Alexander II in the articles of British press during the Russian-Turkish war of 1877–1878

The paper is devoted to the images of Russia and the Emperor Alexander II, created by British war correspondents who were admitted to the theater of military operations of the Russian-Turkish war of 1877–1878. Journalists who were witnessed the events had the opportunity to influence the opinion of British society about this campaign.

Keywords: Russian-Turkish war 1877–1878, Alexander II, Russian Empire, press of Great Britain, war correspondents, British correspondents, image of Alexander II.

После объявления Русско-турецкой войны зарубежные и отечественные издания стали обращаться к российскому командованию с просьбами допустить корреспондентов на театр боевых действий. Эта кампания была одним из главных информационных поводов, поэтому присутствие своего представителя в штабе действующей армии способствовало повышению спроса на издание. Разумеется, были и другие цели: к примеру, заинтересованная в ходе войны страна под видом журналистов могла отправить в распоряжение военных частей шпионов. Еще одной причиной отправки корреспондентов на Балканы был интерес западных военных специалистов: им необходимо было увидеть армию Российской империи после военных реформ 1860–1870-х гг. Этим можно объяснить тот факт, что среди допущенных корреспондентов были и британские полковники.

Всего на театр войны были допущены 14 журналистов, представлявших 11 британских газет и иллюстрированных журналов: «Таймс» (The Times), «Дейли Ньюс» (The Daily News), «Скотсман» (The Scotsman), «График» (The Graphic), «Иллестрейтед Лондон Ньюс» (The Illustrated London News), «Стандард» (The Standard), «Манчестер Гардиан» (The Manchester Guardian), «Морнинг Эдвертайзер» (The Morning Advertiser), «Норт Бритиш Дейли Мейл» (The North British Daily Mail), «Глазго Хералд» (The Glasgow Herald), «Эко оф Лондон» (The Echo of London). Для определения образов России и Алексан-

дра II нами были проанализированы лондонские издания («Таймс», «Дейли Ньюс», «График», «Иллестрейтед Лондон Ньюс», «Стандард»), имевшие большую, в сравнении с провинциальными изданиями, аудиторию и влияние. Также при анализе мы обращали внимание на симпатизировавшую Турции газету «Дейли Телеграф» (The Daily Telegraph), чей корреспондент не был допущен в штаб. Под образом Российской империи в данном контексте мы понимаем не образ страны в ее географических рамках, а образ государства в условиях военных действий.

Для изучения материалов нами было выделено несколько ключевых событий Русско-турецкой кампании.

1. 12 (24)¹ апреля 1877 г. – объявление войны Александром II в Кишиневе.
2. 15 (27) июня 1877 г. – форсирование Дуная в районе Зимницы под командованием генерала М. И. Драгомирова.
3. 28 ноября (10 декабря) 1877 г. – капитуляция Османа-паши и падение Плевны.

Предвоенный период и первые дни после объявления войны

Еще до подписания Александром II манифеста об объявлении войны Османской империи некоторые британские издания оценивали шансы обеих империй на победу. Так, описывая современное состояние Российской империи, газета «Дейли Ньюс» упоминала, что страна «имеет железнодорожное сообщение почти по всей части европейских владений; сильную, хорошо организованную армию, великолепную артиллерию, огромное количество осадных принадлежностей, большие склады военных и провиантских запасов, отлично устроенный госпитальный и амбулаторный штат, перевязочные средства; все необходимое при новейшем способе ведения войны, чего она не имела в 1827 и 29 гг., ни даже в Крымскую войну. Турция, напротив, несколько не подвинулась вперед с тех пор»². «Таймс» также оценивала силы двух стран, замечая, что империи практически похожи, но «отличительная черта Турции от России заключается в превосходстве морских сил Турции»³.

Иллюстрированный журнал «График» задавался вопросом: «Как кто-то может предположить, что гуманность, свобода и религиозные чувства будут

¹ В скобках указаны даты по новому стилю.

² Хроника войны. Свод корреспонденции английской газеты «Дейли Ньюс»: в 2 т. / пер. В. Сарычевой. Т. 1. СПб., 1878. С. 91.

³ The Times. 1877. Apr. 10.

иметь что-то общее с империей, глубоко равнодушной ко всему этому?»¹. Четко давая понять, на чьей он стороне, журнал называл Россию «могущественным врагом Турции, способным напасть на страну ради удовлетворения своих амбиций»².

К личности Александра II издания обратились после манифеста об объявлении войны. Корреспондент «Дейли Ньюс» присутствовал при этом событии: «Император обратился к войскам с речью, которая была принята с величайшим энтузиазмом, единодушным приветственным криком собравшейся толпы. Солдаты, не умолкая, кричали „ура“, бросая шапки, кивера, кепи в воздух, между тем как мирное население приходило почти в исступление от восторга и одушевления. Такого я никогда не слышал прежде и вряд ли услышу когда-нибудь в другой раз»³.

«Стандард» рассказала о причинах, подвигнувших царя на войну, и, будто иронизируя, закончила: «Манифест сопровождался обращением к небесам: „Да благословит Небо наши доблестные орудия“ и „Мы просим Небеса помочь нам пересечь турецкую границу“»⁴.

Журнал «График» продолжал писать в явно антироссийском духе: «Россия сорвала все планы Англии по мирному урегулированию конфликта... Царь, разумеется, утверждает, что объявил войну ради благородных целей. Он притворяется, будто идет выручать славян из-под невыносимого ига султана. Мир должен быть готов к тому, что царь займет не принадлежащие ему территории»⁵.

Форсирование Дуная и взятие Плевны

Для обеспечения успешного форсирования Дуная и расстройтва турецкого флота были атакованы османские суда: 11 мая⁶ был взорван турецкий корвет «Лютфи-Джелиль», а 26 мая минные катера лейтенантов Ф. В. Дубасова и А. П. Шестакова потопили вражеский монитор. Любопытно сравнить описание последнего события в «Дейли Телеграф» и в «Таймс». Не допущенная на театр войны газета не могла скрыть факт победы русских, о поражении турок она написала, прибегнув к эпитетам: «Легко себе представить, какое

¹ The Graphic. 1877. Apr. 21.

² Там же.

³ Хроника войны... С. 103.

⁴ The Standard. 1877. Apr. 26.

⁵ The Graphic. 1877. Apr. 28.

⁶ Здесь и далее даты указаны по григорианскому календарю.

уныние должно теперь охватить оттоманский флот на Дунае. Адмиралтействам предстоит теперь заняться вопросом, как предохранить эти могущественные суда от гибели в бою с этими микроскопическими врагами»¹. «Таймс» иначе оценила произошедшее: «Гибель турецкого монитора есть событие огромной важности. Нравственное действие этого удара, нанесенного туркам русскими, будет значительно; перед страхом взлететь каждую минуту на воздух от невидимого снаряда не устоит мужество турок»². «Дейли Телеграф» сообщала о незначительных потерях турецких войск, противостоявших практически целой армии: «У турок ранены пять человек и убита одна лошадь. Со стороны русских принимало участие значительное количество лодок и шесть пароходов»³.

Различаются и рисунки, которые публиковались в допущенных на войну изданиях. На обложке одного из номеров журнал «График» разместил иллюстрацию, где были изображены в большом количестве погибшие российские солдаты в лодках и за бортом, на переднем плане не было ни одного выжившего, на заднем показаны невредимые турки, стреляющие по русским. Также журнал опубликовал зарисовки из Рушука: спасаясь от бомб, по улицам бежали дети, женщины и старики, один из боеприпасов попал в госпиталь, показаны разрушенные здания консульства и правительства.

Журнал «Иллестрейтед Лондон Ньюс» публиковал не столь «говорящие» рисунки, а на проанализированных нами обложках не помещал изображения мертвых людей, чаще всего это были зарисовки местности. Печатались работы как российских, так и турецких художников. Бомбардировки изображены не так кроваво, как в «Графике», и если все-таки читатель видел мертвых солдат, то это были и русские, и турки. Из «русских» картин любопытна та, на которой Александр II в Зимнице дает сигарету пленному турку. Она, на наш взгляд, подчеркивает дружелюбие российской армии, в «Графике» такую иллюстрацию встретить было невозможно. Другой рисунок намекал на зверства турецкой стороны и в какой-то степени напоминал о событиях в артиллерийской школе⁴: турки на лошадях замахивались кнутами на детей, которые перетаскивали пушки.

Чтобы лучше понять симпатии иллюстрированных журналов, достаточно увидеть, как показаны турецкие и русские лагеря. Судя по изображению

¹ The Daily Telegraph. 1877. May 28.

² The Times. 1877. May 28.

³ The Daily Telegraph. 1877. June 19.

⁴ «Таймс» сообщала о смерти одного из учеников турецкой артиллерийской школы после избиений.

художника «Графика», турки жили в больших шатрах, вокруг не было никакой грязи. Русские солдаты спали в грязи на земле, начальник штаба сводной казачьей дивизии генерал-майор М. Д. Скобелев – на деревянной доске. У «Иллестрейтед Лондон Ньюс» оттоманский лагерь изображен так же, как и русский, – это обычные белые палатки. Даже если это соответствовало реальности, публикация таких рисунков на одной полосе явно говорит о симпатии «Графика» к турецкой стороне. Еще одна замеченная в этом журнале особенность: если речь идет о русской армии, на рисунке обязательно изображен хотя бы один мертвый человек.

Бомбардировки и последующая успешная переправа стали первым серьезным эпизодом Русско-турецкой кампании, описанным в зарубежных и российских газетах. Следующими широко освещенными в зарубежной прессе событиями стали взятие русскими Плевны и капитуляция военного министра Турции Османа-паши.

Большинство английских газет после сообщения о падении города советовали Турции заключить мир. Все издания можно условно разделить на те, в которых акцент был сделан на новости о взятии Плевны и, следовательно, успехе российской армии, и те, в которых главной фигурой стал раненый герой Осман-паша.

О стойкости турок в дни штурма Плевны писали даже издания, симпатизировавшие России. «Дейли Ньюс» сообщила, что турки умирали от холода и голода, «но победа русских заслуживает уважения, она оплачена дорогой ценой»¹. Нейтральная «Иллестрейтед Лондон Ньюс» восхищалась османской армией: «После пяти месяцев героической борьбы турецкая нация доказала, что, каковы бы ни были ее недостатки, она по-прежнему сохраняет свою отвагу»². «График» опубликовал статью о том, как российское командование с криками «Браво, Осман!» приветствовало капитулировавшего министра. Это же было изображено на рисунке. На другой иллюстрации был нарисован М. Д. Скобелев, спешащий в бой с шашкой, а перед ним – его мертвые казаки.

Падение Плевны и капитуляция Османа-паши в освещении английской и американской прессы стали знаковыми событиями, не получившими однозначной оценки: газеты оценили как успех российской армии, так и смелость турецкой. Разумеется, принявшие сторону Турции издания делали акцент на героизме военного министра и на жертвах турецкой армии. Но пророссийские газеты также не умалчивали о заслугах Османа-паши. Зарубежные

¹ The Daily News. 1877. Dec. 11.

² The Illustrated London News. 1877. Dec. 15.

корреспонденты сообщали в редакции об «удивительном великодушии» русских солдат по отношению к турецкой армии под Плевной.

Британские журналисты в своих заметках сообщали о передвижениях Александра II по театру войны, российским корреспондентам это было запрещено. Михаил Газенкампф, занимавшийся работой с корреспондентами, рассказывал о таком случае: граф А. В. Адлерберг и Д. А. Милютин выразили великому князю Николаю Николаевичу – старшему, главнокомандующему действующей армией, неудовольствие из-за отсутствия каких-либо сведений об императоре в отечественной прессе. Великий князь обратился с этим вопросом к Газенкампфу, он пояснил Николаю Николаевичу – старшему, что по существующим цензурным правилам не позволялось упоминать в статьях ни о чем, касающемся Александра II и членов императорской фамилии, без предварительного разрешения министра императорского двора. Стоит отметить, что это не единственное различие в работе отечественных и зарубежных корреспондентов. Российское командование часто отдавало предпочтение британцам, сообщая им эксклюзивные сведения и приглашая на Главную квартиру. Так, например, Арчибальд Форбс, корреспондент «Дейли Ньюс», был лично представлен Александру II в качестве очевидца событий на Шипке: «Император не заботился об удобном расположении. Я видел палатку младшего офицера в Уимблдоне более богато обставленную, чем место пребывания царя всея Руси»¹. Журналист писал об обеспокоенности Александра II снабжением армии продовольствием. Все это описано с присутствием Форбсу пафосом.

Выводы

Британские корреспонденты, в зависимости от представляемого ими издания и личных взглядов, создавали противоположные образы Российской империи. Некоторые газеты, например провинциальная пресса, либеральная «Дейли Ньюс», писали о храбрости и подвигах русских солдат, о военных успехах. Но при этом они могли и критиковать Россию, например сообщать о взяточничестве, журналисты не создавали идеального образа страны. Туркофильские же издания одаривали Россию и российских подданных эпитетами «варварский», «зверский», «микроскопический враг», использовали «говорящие» антитезы, не отдавали должное заслугам России, умалчивали

¹ The war correspondence of the “Daily News”, 1877: with a connecting narrative forming a continuous history of the war between Russia and Turkey, including the letters of Mr. Archibald Forbes. London, 1878. P. 421.

об успехах страны или даже давали ложные сведения. На страницах иллюстрированных журналов публиковались кровавые картины. И разумеется, такие рисунки обычно были красочнее текста.

Россия в британской прессе представала страной, маскирующей за идеей спасения братьев-славян свои планы по распространению собственного влияния на Балканах, страной либо с храбрыми солдатами, готовыми погибнуть ради угнетаемого народа, либо с солдатами-варварами, устраивавшими расправы над турками.

Что касается образа Александра II, издания, даже туркофильские, не создавали в материалах образ царя-варвара или царя варваров, не надеяли его ни положительными, ни отрицательными эпитетами. Когда речь заходила о политике, чаще всего пресса использовала понятия «Россия», «Англия», а не имена правителей империй и военачальников.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

А. Ю. Петров, А. Н. Ермолаев

Н. А. фон Глен. Воспоминания

Николай Александрович фон Глен (1833–1899) был уроженцем Енисейской губернии. В службу вступил в 1849 г. в Сибирский линейный № 15 батальон. В 1854 году был участником первого сплава по Амуру под командованием Н. Н. Муравьева. Затем в чине подпоручика в составе сводного отряда, состоящего из солдат 14-го и 15-го линейных батальонов, был направлен в Русскую Америку для усиления местного гарнизона. Командовали отрядом, состоящим из 100 солдат, всего два офицера – Н. А. фон Глен и подпоручик А. Е. Баранов.

В Русской Америке Глен находился до 1859 г. Его воспоминания были записаны военным врачом Николаем Константиновичем Эповым в 1895 г. во Владивостоке, где Глен проживал после выхода в отставку. В 1899 г. Эпов отправил воспоминания Глена в журнал «Русская старина», но они так и не были опубликованы. Ныне они хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН в фонде архива журнала «Русская старина» (РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 650. Л. 1–15). Только в 1998 г. первая часть

Петров Александр Юрьевич (Москва) – ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», профессор; ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», профессор; ФГБН «Институт всеобщей истории Российской академии наук», главный научный сотрудник; доктор исторических наук.

alaska13@yandex.com

Ермолаев Алексей Николаевич (Кемерово) – ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», кафедра отечественной истории, профессор; доктор исторических наук.

Исследование выполнено в РГУ им. С. А. Есенина за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01567).

© А. Ю. Петров, А. Н. Ермолаев, 2019

воспоминаний (Л. 1–9), касающаяся службы Глена в Восточной Сибири, была опубликована Н. П. Матхановой¹.

Ниже мы публикуем вторую часть воспоминаний Н. А. Глена, касающуюся его службы в Русской Америке (Л. 10–14). Эти мемуары служат важным источником по изучению историко-культурного наследия России в северной части Тихого океана*.

* * *

2 сентября [1854 г.] мы должны были отправиться на Ситху. В первом эшелоне пошел я на «Камчатке» под командой Риделя². Второй эшелон должен был отправиться на «Меньшикове» позже под командой штурманского офицера Бензimana Николая Христофоровича³. Плыли мы до Ситхи целый месяц и в Ново-Архангельск пришли 2 октября. Еще за неделю до прихода нас поразило состояние погоды: солнце было совершенно не видно за дождями и туманами. В Ситхе также погода оказалась постоянной. По метеорологическим наблюдениям ясных дней в году наблюдается не более тридцати. Порт Ново-Архангельск расположен на острове, на каменистой возвышенной** местности. Высокие горы, окружающие его, покрыты густым хвойным лесом с громадными деревьями, которые брались для постройки судов и корабельных мачт. Одна из гор была вулканом, очень недавно потухшим. Называлась она, кажется, Эскум⁴. Из дичи в лесу водились только козы, утки и гуси. Изобилие рыбы было невероятным, особенно сельдей. Когда был лов сельдей, то волны выбрасывали на берег целые горы этой рыбы, загнивавшей и заражавшей воздух. Кроме сельдей ловились омары, чавыча (рыба), камбала и палтус. Последняя рыба была самой любимой, никогда не приедавшейся, особенно при полном отсутствии мяса. Мясо привозили из Сан-Франциско два раза в год – к Рождеству и на Пасху. Изредка удавалось у индейцев купить косули. Я застал только три коровы, молоко которых отпускалось только больным по рецепту врачей. Сено привозилось прессованное также из Сан-Франциско. Из огородных овощей поспевал только картофель и в парниках

* *Петров А. Ю.* Уступка Аляски: дискуссионные вопросы российско-американской сделки 150-летней давности // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 103–120.

** Вставлено над строкой.

редиска. Из ягод была только малина. Но совершенно водянистая, без запаха и без вкуса. Даже больным отпускалась солонина. Мы же разнообразили свой стол консервированными продуктами, ветчиной, сыром и баночными. Один раз открыли банку с презервованным зайцем. Вместо зайца оказался крот. Но что было дешево, так это вина. Красное французское вино (кларет) продавалось по 20 копеек бутылка. За шампанское платили 4–5 франков. Конечно, самый разнообразный стол был у губернатора, где мы все и столовались. По праздникам приглашались командиры судов. Общество разделялось на почетных и полупочтенных. Почетными считались все служащие европейцы, а полупочтенными – креолы, шкипера, штурманы, служащие в конторе Русско-Американской компании⁵, но родившиеся от смеси европейцев с туземцами. Губернатором был контр-адмирал Воеводский Степан Васильевич⁶, лет 45, добрый, приветливый и пользовавшийся общей любовью. Правитель канцелярии был Рутковский и управляющим конторой компании Костромитинов⁷.

Город был построен в одну улицу из дерева. Был собор, миссионерская церковь, клуб, семинария, которой заведовал Архимандрит о. Петр⁸. Священников было двое: благочинный протоирей Литвинцев⁹ и св. Виноградов¹⁰. Дом губернатора был построен на скале, так что к нему надо было добираться по лестнице. На верху его дома, на вышке, был устроен маяк. Улица была узкая, каменистая и только потому относительно не грязная. Для ходьбы все-таки были устроены деревянные тротуары. Единственным местом гуляния была пристань, где собиралось все общество, как только проглядывало солнце. Лошадей было всего две, и то для надобностей выгрузки. Изредка устраивались танцевальные вечера* у губернатора и в клубе. Музыка была доморошенная, струнная из любителей. Устраивались спектакли и два раза в неделю карточные вечера. Никакой библиотеки и книг не было. Журналы не выписывались. Изредка, случайно попадались только иностранные газеты, но мы их читать не могли. Особенно тяжелое время было во время Крымской кампании. О смерти Государя мы не знали почти целый год. О том, что делается в Крыму, узнавали очень мало, так как известия в иностранных газетах были далеко не полны и не достаточны. Оригинально было у нас чтение иностранных газет. С нами жил естествоиспытатель Миддендорф¹¹, тогда еще молодой человек лет 28. С получением газет мы его затаскивали к себе, употребляя средства довольно энергичные. Он жил на острове, где

* Далее зачеркнута фраза: «Никакой библиотеки и книг не было. Журналы не выписывались».

у него была метеорологическая обсерватория. Мы не давали ему ни шлюпок, ни людей. Он поневоле шел к нам, ложился на диван, закуривал сигару и читал газету прямо по-русски, владея прекрасно и английским, и русским языком. Мы усаживались в кружок и со стаканами кларета внимательно слушали. Миддендорф рассеян был еще больше Невельского¹². Заботился он о себе невероятно мало. Когда предстоял бал, то надо было другим разыскивать фрак и насильно надевать на него, что мы и делали. Сам же он был способен явиться в чем ходил. Один раз он явился усталым и, увидев на окне стакан с красной жидкостью, залпом выпил его. Оказался это медицинский препарат, только что принесенный доктором от больной. Доброты он был необычайной и хотя имел большие средства, но всегда сидел без денег, отдавая деньги всем, кто ни попросит. Мы с ним постоянно школьничали. Когда он кончал читать газеты, мы его обыкновенно сталкивали с дивана. Все мы помещались в клубе в нижнем этаже. В верхнем же были бильярд, танцевальный зал и гостиная. Моряков с адмиралом было четыре: капитан-лейтенант Мацкевич¹³, лейтенанты Верман¹⁴ и Коскуль¹⁵ и штурманский офицер Бензemann, уроженец Ситхи. Мацкевич заведовал портом, а остальные плавали на судах: барки «Нахимов», «Константин» и одной маленькой шхуны, ходившей между Ситхой и островами, отделявшими Беренгово море от океана, по факториям. Большие суда ходили за грузом в Сан-Франциско и снабжали фактории провизией. Кроме того, были кругосветные суда «Камчатка» и «Цесаревич». Были даже пароходы*: колесный** «Николай», ходивший по проливам и буксировавший парусные суда, входившие в залив, и винтовые «Александр» и «Константин». «Цесаревич» по пути в Камчатку был взят англичанами, когда они возвращались назад после неудачной бомбардировки Петропавловска. В 1855 г. они пришли вторично в Камчатку в количестве 6 фрегатов и одного парохода «Вираго» и искали около Петропавловска нашу эскадру, но не только не нашли ее, но даже не нашли и жителей. Тогда эскадра разделилась, и одна половина ее пришла в Ситху. Здесь англичане на рейд не заходили, так как видели, что вооруженных судов не было. Мы послали к ним переводчика, который также сказал, что у нас вооруженных судов нет. Они справились, как мы здесь поживаем и получили ли какие-либо известия. Когда узнали, что мы целый год не имели никаких известий, то снабдили нас газетами, хотя и запоздавшими. Миддендорфу опять была работа. Но он читал нам больше статьи об осаде Севастополя. Когда английские

* Вписано над строкой.

** Далее зачеркнуто слово «пароход».

суда пришли починяться в Сан-Франциско, то американцы устроили им ряд враждебных демонстраций, так что англичане перестали показываться на берегу. Заходили еще к нам американские суда Ледяной компании¹⁶, получавшие у нас лед. Вблизи Ново-Архангельска есть озера, замерзающие в феврале от северного ветра недели на две. Этим временем компания пользовалась и добывала лед день и ночь, нанимая, кроме своих людей, солдат под присмотром офицеров. У компании были устроены пакгаузы с двойными стенами, в промежутках между ними* были набиты опилки. Лед пилили и правильные куски его у нас называли кабанями. Эти кабаны по рельсам доставлялись в пакгаузы. Для компании мы рубили лес для судов и для постройки домов. Эти заработки нас спасли. Мы привезли с собой аттестаты и предъявили их компании, но она нас не приняла, а так как никакого сообщения с Россией не было, то мы и остались без содержания все четыре года с лишним. Когда, возвратившись в Николаевск, я предъявил аттестат и просил о выдаче причитающегося содержания, мне отказали, так как существовал закон, что если аттестаты не будут представлены в известный срок, то они теряют свое значение. Зная этот закон, я при своем представлении в хозяйственном департаменте объяснил, что вследствие полного отсутствия сообщений я не мог их предоставить в свою часть своевременно, даже местопребывание которой мне было неизвестно. Таким образом, я не получил содержание почти за пять лет. Теперь в 1895 году я, прослуживши 40 лет в Сибири безвыездно, уезжаю без прогонов, без пособий, потому что существует закон «уроженцы Сибири не пользуются никакими преимуществами».

На о. Ситха жители состояли из алеутов, привезенных из Якутска, метисов и индейцев. Конечно, больше всего было индейцев разного племени. Это был очень красивый народ, медного цвета, с большими черными глазами и римским носом. Мужчины ходили совсем голые, если не считать одеял, которые они покупали у компании и завертывались в них. Женщины носили короткую юбку и также прикрывались одеялами. Ходили они всегда босиком. На шее мужчины всегда носили кинжалы. Представители индейцев, когда являлись в крепость, одевали штатские платья: бушлаты – короткое пальто темно-синего цвета – и такого же цвета брюки. Солдаты, конечно, свели близкое знакомство с индианками и жили с ними как с женами. За крепостью они устроили себе род небольших сараев, называвшихся бараборами, куда и ходили ночевать. Жен они себе покупали и жили с ними настолько

* Вписано над строкой вместо зачеркнутого слова «которыми».

дружно, что не только не было никаких раздоров, но даже индианки предупреждали нас о различных замыслах своих сородичей. С мужчинами-индейцами отношения у них были далеко не мирного характера. Когда они приходили в крепость, то у них отбирали оружие, состоявшее из ружей и кинжалов. Но иногда они все-таки попадали в крепость с оружием. Однажды индеец, чем-то недовольный, встретил бабу, мывшую белье, и убил ее на месте. По временам губернатор приглашал тоенов (так назывались главы племен, что-то вроде князей). Угощение состояло из рисовой каши и патоки. Все, что оставалось, гости уносили с собой в платках. Для крещеных индейцев построена была миссионерская церковь, стоявшая на горе и имевшая вход снаружи крепости. Мы же входили снутри. Во время богослужения церковь окружала цепь вооруженных солдат. Один раз в церковь пришел тоен со своим калгой (военнопленным рабом) и после принятия причастия что-то повздорил с ним и тут же убил его кинжалом. С умершим тоеном сжигали лучшего из его слуг, предварительно предав его мучительной смерти. Компания пыталась вывести этот обычай, но тщетно. Ходить к ним было не совсем безопасно. На острове Японском, где была у нас метеорологическая станция, они убили у нас двух дровосеков. Мы потребовали виновников, грозя их выгнать вдаль от крепости. Они ответили, что со своей земли не уйдут, и пусть уходят русские, и что земля их, и они здесь хозяева. Тогда из крепости стали стрелять в них холостыми зарядами. Деревня их была возле нашей крепости. Когда они слышали выстрелы, то все высыпали на кошку и стали отвечать нам пулями. Вооружены они были лучше нас, имея бельгийские винтовки, доставленные им англичанами. Мы же палили из кремневых. Первая же их пуля положила одного солдата, стоявшего при орудии. Тогда приказано было стрелять в них картечью. Когда у них оказалось уже несколько убитых, они рассыпались и большая часть их забралась в церковь и оттуда продолжала стрелять. Были ранены офицер и несколько солдат. Тогда приказано было брать церковь приступом. Но церковь с нашей стороны была защищена железными решетками и дверьми. Пришлось разбивать двери ядрами, и только тогда люди кинулись в штыки в церковь. Дикари быстро выбежали и продолжали в нас стрелять из лесу. Во время столкновения всех жителей поместили в дом губернатора, и тревога продолжалась около трех суток. Потом мы вступили в переговоры. Они сказали, что согласны заключить мир, если окажется одинаковое количество убитых и раненых. Поэтому мы вместо раненых показывали больных и даже клали здоровых. Всего убитых у нас было 6 человек и человек 14 раненых. В конце концов мы заплатили контрибуцию одеялами¹⁷.

Когда уехал начальник порта и морские офицеры были в плавании, то адмирал предложил мне исполнять должность* начальника порта. Я отказывался, ссылаясь на полное незнание предстоящего мне дела, но адмирал настаивал, говоря, что в случае затруднения я могу обратиться к нему. Во время моего заведования пришел американец Ледяной компании за льдом. Приходящие суда в случае** бедствий пользовались помощью порта. Бухта Ново-Архангельска открыта с одной стороны, и если оттуда дует ветер, то судам грозила опасность быть выброшенными на берег. Как-то раз такой ветер случился во время прихода американца. Я предупредил его об опасности, приготовив со своей стороны канаты, людей и баркасы. Он мне ответил: «Странно. Вы, пехотный офицер, даете мне советы. Я старый моряк и сам знаю, что мне делать, и советы от пехотного офицера в морском деле не принимаю». Конечно, я сейчас же ушел, но оставил людей готовыми к подаанию помощи и отправил к адмиралу доложить об ответе капитана. Адмирал мне сказал: «Оставьте его в покое, сам придет». И действительно, как только ветер усилился, капитан сейчас же послал ко мне за помощью. Мы принялись за работу и отстояли судно.

Жизнь шла однообразно. Играли в карты в преферанс, танцевали, устраивали любительские спектакли. В [18]59 году я получил разрешение выехать на Амур. На винтовом пароходе «Александр» Русско-американской компании я выехал вместе с адмиралом и его семьей, состоящей из жены и дочери лет 12. Выехали в июне. Мне не хотелось попасть на Амур. Около Аяна «Александр» встретил «Константина», тоже винтовой пароход, который шел на Амур, и я принужден был пересесть. Адмирал передал мне письмо к Муравьеву. Когда я передал письмо, в котором должно быть было писано обо мне, Муравьев благодарил меня за хорошую службу и надеялся, что и здесь я буду служить также. Из Николаевска я поехал в Благовещенск на американском одноколесном пароходе «Козакевич». В Николаевске в это время были уже выстроен дом губернатора, морское собрание, церковь и много частных домов. В Благовещенске через несколько времени я был назначен чиновником особых поручений к губернатору Николаю Васильевичу Буссе¹⁸, который вскоре поручил мне постройку зданий, так как ни инженера, ни архитектора не было и они приехали гораздо позже. Я начал строить дом губернатора, архиерейский, полицию, казармы. На работу

* Далее зачеркнута фраза «капитана над портом».

** Далее зачеркнуто слово «надобности».

выходило до 800 человек солдат. В это же время 7 января 1860 года я женился на подруге жены Буссе.

РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 650. Л. 10–14.

Примечания

1. *Глен Н. А., фон.* Воспоминания // Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / авт.-сост. Н. П. Матханова. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1998. С. 131–137.
2. Ридель Август Вильгельм (1813–1861) – финляндский шкипер, находился на службе Российско-американской компании в 1850-х гг.
3. Бенземан Николай Христофорович (1816–1877) – креол, состоял на службе Российско-американской компании, командовал кораблями.
4. В русских документах этот потухший вулкан именовался Эчкомб (Edgescumbe), совр. Эджком. Высота 940 м над уровнем моря.
5. Официальное и общепринятое название – Российско-американская компания.
6. Воеводский Степан Васильевич (1803–1884) – главный правитель русских колоний в Америке в 1854–1859 гг. Чин контр-адмирала был присвоен ему в 1856 г.
7. Костромитинов Иннокентий Степанович – купеческий сын из Великого Устюга. В 1846–1858 гг. – правитель Новоархангельской конторы Российско-американской компании.
8. Петр (Екатериновский Федор) – сын священника. В 1850-х гг. был ректором семинарии в Ново-Архангельске.
9. Литвинцев Петр Степанович – сын священника. В 1840–1850-х гг. служил в Русской Америке на Кадьяке и в Ново-Архангельске.
10. Виноградов Афанасий – учитель Ново-Архангельской семинарии.
11. Миддендорф Владимир Андреевич (1826–1868) – барон. Служил в Русской Америке, заведовал обсерваторией в 1850-х гг.
12. Невельской Геннадий Иванович (1813–1876) – морской офицер, руководитель Амурской экспедиции.
13. Мацкевич Владимир Ильич (1821–1885) – морской офицер, служил в Российско-американской компании в 1850-х гг. В 1874 г. получил звание контр-адмирала.
14. Верман Фердинанд Карлович (1820–?) – морской офицер, в 1850-х гг. состоял на службе в Российско-американской компании.

15. Коскуль Федор Федорович (1826–1891) – морской офицер, в 1850-х гг. служивший в Российско-американской компании.
16. Имеется в виду Американо-русская торговая компания (АРТК), созданная американскими предпринимателями в 1852 г. для торговли льдом в Сан-Франциско.
17. Столкновение с индейцами тлинкитами у стен Ново-Архангельска произошло в марте 1855 г.
18. Буссе Николай Васильевич (1828–1866) – губернатор Амурской области в 1858–1866 гг.

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

Л. В. Мельникова

Император Александр II и создание Российского общества Красного Креста

В статье рассматриваются предпосылки и обстоятельства появления в России Общества попечения о раненых и больных воинах (с 1879 г. – Российское общество Красного Креста). Проанализирован устав учреждения, определяющий его цели, задачи, структуру и управление. Показана деятельность общества в первые годы его существования, а также во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., ставшей его «боевым крещением» и давшей ему новый импульс для дальнейшего развития.

Ключевые слова: император Александр II, императрица Мария Александровна, Красный Крест, общины сестер милосердия, раненые и больные воины, Русская православная церковь, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Мельникова Любовь Владимировна (Москва) – ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук», Центр истории религии и Церкви, ведущий научный сотрудник; кандидат исторических наук.

Liubov V. Melnikova – The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Centre for the History of Religion and Church, Leading Researcher; Ph.D. (History).

melnikova-lv@mail.ru

© Л. В. Мельникова, 2019

Liubov V. Melnikova

The Emperor Alexander II and the creation of the Russian Red Cross Society

The article discusses the prerequisites and circumstances of the creation in Russia of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers (since 1879 – the Russian Red Cross Society). The author analyzes the charter of this institution, which defines its goals, objectives, structure and management. The article shows the activities of the Society in the early years of its existence, as well as during the Russian-Turkish war of 1877–1878, which became its “baptism of fire” and gave it a new impetus for further development.

Keywords: Emperor Alexander II, Empress Maria Alexandrovna, Red Cross, communities of sisters of mercy, wounded and sick warriors, Russian Orthodox Church, Russian-Turkish war of 1877–1878.

Среди преобразований эпохи императора Александра II, так или иначе затронувших общественные и армейские структуры, одним из наиболее важных стало создание Российского общества Красного Креста, или, как оно называлось в момент учреждения, Общества попечения о раненых и больных воинах. Идея возникла не в одночасье и не у самого Александра II. Предыстория заняла полтора десятка лет.

Прообразом Общества Красного Креста стала Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых и больных воинах, основанная в октябре 1854 г., во время Крымской войны, по инициативе и на средства великой княгини Елены Павловны. В утвержденных императором Николаем I документах об учреждении этой организации подчеркивалось, что она создается «на время военных действий» с целью «содействия медицинскому начальству в военных госпиталях при уходе за ранеными и больными, а также облегчения их страданий посредством христианского утешения»¹. В течение Крымской войны в общину были приняты 163 женщины, которые, пройдя краткий курс обучения и принеся соответствующую присягу, в составе шести отрядов отправились в Крым, где под руководством главного врача Н. И. Пирогова, подвергаясь постоянной опасности, ухаживали за ранеными воинами в осажденном Севастополе, Симферополе, Перекопе, Бельбеке, Бахчисарае.

¹ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Л. 40, 42.

Со временем часть сестер была командирована также в Херсон, Николаев, Або и Гельсингфорс (ныне Хельсинки)¹. После войны Елена Павловна доби- лась разрешения императора Александра II превратить Крестовоздвижен- скую общину из временного учреждения в постоянное. В уставе общины, утвержденном императором в мае 1870 г., были расширены ее цели («уход за больными в лечебных заведениях, лечение бедных, вспомоществование бед- ным и сиротам» и др.), при этом особо оговаривалось, что в военное время она «принимает участие в уходе за ранеными и больными в госпиталях, бли- жайших к месту военных действий»².

Деятельность в годы Крымской войны «сестер Креста», как называла чле- нов своей общины Елена Павловна, имела огромное историческое значение как первый в мире опыт применения женского труда при уходе за ранеными непосредственно на театре военных действий. Тем самым Крестовоздвижен- ская община предвосхитила основную гуманистическую идею международ- ного движения Красного Креста, возникшего в 1860-е гг.

Основателем Красного Креста традиционно считается швейцарский предприниматель и общественный деятель Ж. А. Дюнан, ставший в июне 1859 г. очевидцем страшных бедствий, которые претерпели раненые в Соль- феринской битве. В 1862 г. он опубликовал брошюру «Воспоминания о Соль- ферино», где ярко описал «изнанку» войны и высказал идею создания си- стемы добровольных медицинских обществ для оказания помощи раненым во время военных действий. Одним из первых обратил внимание на эту книгу Центральный комитет Женевского общества попечения об общественных пользах и нуждах, назначивший комиссию для изучения вопроса о возмоз- жности претворения идей Дюнана в жизнь. Под председательством генерала Г.-А. Дюфура комиссия разработала соответствующую программу, для обсу- ждения которой в 1863 г. в Женеве была созвана международная конферен- ция. Прибывшие на нее представители 17 европейских государств (Россию представляли великая княгиня Елена Павловна и великий князь Константин Николаевич) поддержали положение о создании обществ попечения о ране- ных и больных воинах, а также постановили ходатайствовать перед прави- тельствами о признании нейтральными и неприкосновенными в военное время лазаретов с ранеными, врачебно-санитарного персонала и лиц добро-

¹ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* Крестовоздвиженская община сестер по- печения о раненых как прообраз Красного Креста // *Российская история.* 2009. № 5. С. 119–134; *Мельникова Л. В.* Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. С. 133–161.

² Устав Крестовоздвиженской общины сестер милосердия // *Уставы и правила общин сестер милосердия.* СПб., 1879. С. 1–2.

вольной помощи. 10 августа 1864 г. уполномоченные 12 государств подписали Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, узаконившую отмеченные положения и заложившую основу для дальнейшего развития международного гуманитарного права. В качестве «общеизвестной и однообразной» эмблемы, свидетельствующей о международной защите и нейтралитете, конвенция установила «красный крест на белом поле». Его следовало изображать на флагах, помещаемых на полевых лазаретах и транспортах раненых (наряду с национальными флагами), и на нарукавных повязках врачебно-санитарного персонала¹. Эта эмблема, являющаяся также символом христианской любви и гуманности, вскоре дала название всему международному движению и национальным обществам, взявшим на себя заботу о раненых воинах.

Постепенно к Женевской конвенции присоединились практически все европейские государства, Россия – в 1867 г.² В то же время в стране было учреждено Общество попечения о раненых и больных воинах, переименованное в 1879 г. в Российское общество Красного Креста. Отметим, что еще до переименования общества как в частных, так и в официальных документах оно часто называлось Красным Крестом. Инициатором создания организации выступил лейб-медик Ф. Я. Карель, сумевший увлечь своей идеей фрейлину императрицы, баронессу М. П. Фредерикс и ее близкую подругу М. С. Сабину, преподававшую при дворе музыку великому князю Сергею Александровичу и великой княжне Марии Александровне. 15–16 декабря 1866 г. придворные дамы обратились с этим предложением к императрице, а Ф. Я. Карель – к императору. В результате Александр II поддержал инициативу своего лейб-медика и разрешил приступить к составлению устава общества, а государыня Мария Александровна согласилась принять учреждаемую организацию под свое покровительство.

3 мая 1867 г. император Александр II утвердил устав общества попечения о раненых и больных воинах. Главной его целью провозглашалось «содействие во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами и доставление им, по мере средств своих, как врачебного, так и всякого рода вспомоществования». Для достижения этой цели следовало накапливать денежные и материальные средства (за счет взносов членов

¹ См.: Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867–1875 гг.: Систематический сборник материалов. Т. 1. Киев, 1881. Приложение № 1. С. 1–4.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42, ч. 2. СПб., 1871. № 44992 (Указ Сената от 29 сентября 1867 г. о декларации касательно приступления России к заключенной в Женеве 10 августа 1864 г. конвенции об облегчении участи раненых во время войны).

общества и сбора пожертвований), заниматься подготовкой сестер и братьев милосердия, а также «заботиться о приглашении на военное время духовных пастырей разных исповеданий для религиозного пособия и утешения страждущих»¹.

Все члены общества делились на несколько категорий: учредители (вносившие в пользу организации ежегодно не менее 10 руб. или одновременно не менее 200 руб.), почетные члены (представители императорской фамилии, а также духовные и светские лица, способствовавшие успешному развитию деятельности общества), члены-благотворители (сделавшие значительные денежные пожертвования), действительные члены (вносившие ежегодно не менее 3 руб. или одновременно не менее 50 руб.) и соревнователи (жертвовавшие суммы меньшего размера).

Администрация общества была представлена Главным управлением, находившимся в Санкт-Петербурге и заведовавшим всеми делами организации, и местными управлениями, располагавшимися в столичных и губернских городах и решавшими соответствующие вопросы в пределах своих губерний. Для содействия местным управлениям учреждались также Дамские комитеты².

Определенное участие в становлении Общества попечения о раненых и больных воинах приняла Русская православная церковь. В мае 1867 г. с призывом вступать в учреждаемое общество обратился к россиянам митрополит Московский Филарет (Дроздов). Почетными членами общества стали несколько церковных иерархов, в том числе митрополиты Московский Филарет, Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский), Киевский и Галицкий Арсений (Москвин), Литовский и Виленский Иосиф (Симашко). Московский Дамский комитет возглавила игуменья Вознесенского монастыря Паисия. Именно этот комитет уже в 1867 г. на базе четырех московских женских монастырей (Вознесенского, Алексеевского, Страстного и Зачатьевского) начал процесс подготовки сестер Красного Креста, приняв на свое иждивение 24 изъявивших на то желание женщин³.

Почин игуменьи Паисии вскоре был подхвачен другими дамскими комитетами и местными управлениями. В 1868–1875 гг. обучением сестер милосердия при военных госпиталях, городских и земских больницах занимались уже 32 учреждения общества (13 дамских комитетов и 19 местных управлений). Правда, подготовить им удалось лишь 131 сестру Красного Креста⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42, ч. 1. СПб., 1871. № 44519.

² Там же.

³ Основание Российского общества Красного Креста... С. 123.

⁴ Там же. С. 126.

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Общество попечения о раненых и больных воинах начинает создавать собственные общины сестер милосердия. В 1868 г. в ведение Московского Дамского комитета перешла община «Утоли моя печали», основанная в 1865 г. княгиней Н. Б. Шаховской. В ноябре 1870 г. совместными усилиями пятого и второго петербургских дамских комитетов в столице была открыта община Святого Георгия. В дальнейшем были учреждены следующие общины: Мариинская в Иркутске (1871), Смоленская (1872), Екатерининская в Новгороде (1873), Мариинская в Ярославле (1874), Тифлисская (1875), Благовещенская в окрестностях Ялты (1875) и др. Благовещенская община сестер милосердия была основана стараниями упомянутых баронессы М. П. Фредерикс и М. С. Сабининой. Первая предоставила в распоряжение этого заведения свое имение Джемиет на южном берегу Крыма, а последняя стала его настоятельницей.

Все эти общины руководствовались собственными уставами или временными правилами, сходными в общих чертах. Управлялись они, как правило, местными дамскими комитетами, избиравшими начальниц для непосредственного руководства сестрами и для заведывания хозяйством. Цель заведений заключалась в попечении о раненых и больных воинах в военное время и в уходе за больными в военных госпиталях и гражданских больницах – в мирное.

Всего в 1876 г., то есть накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., ставшей «боевым крещением» российского Красного Креста, в России насчитывалось не менее 18 общин сестер милосердия. Девять из них находились непосредственно в ведении Общества попечения о раненых и больных воинах (Красного Креста)¹, три состояли в ведении Святейшего Синода и под местным начальством епархиальных архиереев² и шесть являлись «частными благотворительными» (то есть были созданы по инициативе и на средства представителей Императорского дома и знатных дворянских родов)³.

¹ Утоли моя печали (Москва, 1865, в ведении Красного Креста с 1868 г.), Александро-Мариинская (Аккерман, 1868), Святого Георгия (Санкт-Петербург, 1870), Мариинская (Иркутск, 1871), Смоленская (Смоленск, 1872), Екатерининская (Новгород, 1873), Мариинская (Ярославль, 1874), Тифлисская (Тифлис, 1875), Благовещенская (Ялта, 1875).

² Иоанно-Ильинская (Псков, 1868), Владычне-Покровская (Москва, 1870), Иосифовская (Екатеринославская губерния, 1873).

³ Свято-Троицкая (Санкт-Петербург, 1844), Стурдзовская (Одесса, 1850), Община сестер милосердия Литейной части (Санкт-Петербург, 1853), Крестовоздвиженская (Санкт-Петербург, 1854), Покровская (Санкт-Петербург, 1858), Марии Магдалины (Псковская губерния, 1865).

Крестовоздвиженская община и общины Красного Креста были ориентированы в основном на уход за ранеными и больными воинами, а епархиальные и частные общины преследовали более широкие благотворительные цели.

Помимо создания общин, в которых сестры милосердия жили и работали в течение многих лет (практически постоянно), Общество попечения о раненых и больных воинах продолжало готовить так называемых сестер Красного Креста, составлявших своеобразный резерв на случай войны. Пройдя соответствующий курс обучения («не более двух лет») и выдержав экзамен («испытание»), сестры Красного Креста могли вернуться к обычному образу жизни или работать в госпиталях и больницах, дав при этом непереносимое обязательство в случае открытия военных действий «во все время таковых» «прослужить в распоряжении общества». 31 января 1875 г. «Правила о сестрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами» были официально утверждены министром внутренних дел А. Е. Тимашевым¹.

Несмотря на все старания Красного Креста, накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оказалось, что Россия не располагает достаточным количеством женского медицинского персонала. В ноябре 1876 г. председатель Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах А. К. Баумгартен запросил у Главного военно-госпитального комитета программу ускоренной подготовки сестер. Согласно этой программе срок обучения сестер Красного Креста был сокращен до 6–8 недель. Они должны были освоить различные виды перевязок, научиться основным принципам ухода за больными и ранеными, познакомиться с разными формами наружных травматических повреждений (ушибами, контузиями, переломами, ранами) и внешними проявлениями внутренних болезней (тифа, рожи, гангрены и др.). Обязательными требованиями к кандидаткам были «терпение и самоотверженность в работе»².

Значительное содействие Красному Кресту в деле массовой подготовки медицинского персонала оказала Русская Церковь силами православных обителей – сначала женских, а затем и мужских. 24 ноября 1876 г. «ввиду мобилизации войск действующей армии» Святейший Синод по желанию императрицы Марии Александровны предписал всем женским монастырям и общинам озаботиться немедленной подготовкой, по мере средств, «из подвижающихся в обителях лиц, способных к правильному уходу за больными и ранеными», отрядов «сердобольных сестер», которые «в случае надобности,

¹ Правила о сестрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами // Основание Российского общества Красного Креста... Приложение № 23. С. 190–196.

² См.: Сестры милосердия России. СПб., 2005. С. 206–207.

могли бы быть отправлены в военные лазареты»¹. 3 марта 1877 г. к подготовке из монахов и послушников отрядов «сердобольных братьев» были приглашены епархиальные архиереи и настоятели ставропигиальных мужских монастырей². Согласно отчету обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого, с конца 1876 г. по конец 1877 г. изъявили готовность посвятить себя на это служение 710 насельниц из 95 женских обителей и 200 монахов и послушников из 43 мужских монастырей³. Женские обители, согласно указу Синода от 24 ноября 1876 г.⁴, изготовили за этот период для Красного Креста «десятки тысяч пудов» корпии, бинтов, белья и других лазаретных принадлежностей на сумму свыше 300 тыс. руб.⁵

Необходимо отметить, что монахини и монахи, откликнувшиеся на призывы Святейшего Синода, не составляли каких-то особых отрядов «сердобольных сестер» и «сердобольных братьев». Все они поступили в распоряжение Общества попечения о раненых и больных воинах, прошли подготовку по ускоренной программе и в составе санитарных отрядов Красного Креста были распределены по военно-временным госпиталям.

12 апреля 1877 г., в день подписания Александром II манифеста об объявлении войны Турции, императрица Мария Александровна обратилась к Главному управлению Общества попечения о раненых и больных воинах с рескриптом, в котором подчеркнула, что для общества «настало время исполнить святое свое призвание». Она также выразила уверенность в том, что ее подданные окажут Красному Кресту самую широкую поддержку: «Нужды больных и раненых воинов будут велики и многообразны; но я знаю, как велик дух братской любви и благотворительности, искони живущий в русском народе. Я уверена, что и теперь, когда наше храброе войско идет стать грудью против врага, за освобождение поработенных и угнетенных собратий, не оскудеет дающая рука и горячее чувство народное не ослабеет

¹ Определение Святейшего Синода от 24 ноября 1876 г. об изготовлении отрядов сердобольных сестер для отправления в лазареты, имеющие устроиться внутри империи // Церковный вестник. 1876. № 48. Ч. Офиц. С. 211.

² Определение Святейшего Синода от 3–15 марта 1877 г. об образовании в мужских монастырях отрядов сердобольных братьев // Церковный вестник. 1877. № 13. Ч. Офиц. С. 96–97.

³ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1877 год. СПб., 1878. С. 21–22.

⁴ Определение Святейшего Синода от 24 ноября 1876 г. об изготовлении в женских монастырях и общинах разных предметов, потребных для лазаретов, имеющих устроиться внутри империи // Церковный вестник. 1876. № 48. Ч. Офиц. С. 211–212.

⁵ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 20.

во всех сословиях и во всех краях нашего обширного отечества. Всякое даяние будет благо, всякое приношение, и великое, и малое, равноценно пред Богом, как жертва любви, всех нас связующей воедино, во имя Христова»¹.

Императрица оказалась права. Представители всех сословий русского общества массово вносили посильную лепту в пользу Красного Креста. Активное участие в этом процессе принимало духовенство, которое не только само совершало пожертвования на военные нужды, но и побуждало к этому своих прихожан. Еще весной 1876 г., в соответствии с указом Святейшего Синода от 4 марта 1876 г., во всех храмах в число кружек для сбора пожертвований, разносимых в православных церквях при богослужениях, были включены кружки для сбора подаваний в пользу Общества Красного Креста. Первоначально по существовавшим правилам они обносились по очереди с другими кружками, предназначенными для сбора на иные богоугодные цели (не более одной каждый раз), то есть через довольно значительный промежуток времени, а затем, с конца ноября 1877 г. до окончания войны, — без очереди при каждом богослужении².

6 мая 1877 г. Святейший Синод пригласил «к пожертвованиям на санитарные нужды действующей армии, как церкви и приходское духовенство, так, в особенности, ставропигиальные и прочие монастыри». Тем же указом Синод подал пример духовенству, препроводив в распоряжение Главного управления Общества Красного Креста на упомянутые цели 100 тыс. руб.³, за что вскоре получил благодарность императора Александра II⁴, а затем и императрицы Марии Александровны⁵. Через несколько дней, 11 мая 1877 г., члены и присутствующие Святейшего Синода постановили «жертвовать на военные надобности, впредь до окончания настоящей войны России с Турцией» все получаемое ими в Синоде жалованье⁶. Личный пример показали

¹ Высочайший рескрипт Главному управлению Общества попечения о раненых и больных воинах // Церковный вестник. 1877. № 15. Ч. Офиц. С. 103.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 170; Определение Святейшего Синода от 23 ноября 1877 г. о разрешении обнашивать в церквях при каждом богослужении кружки для сбора пожертвований в пользу больных и раненых воинов // Церковный вестник. 1877. № 50. Ч. Офиц. С. 212.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 102; Определение Святейшего Синода от 6–9 мая 1877 г. о пожертвованиях по духовному ведомству в «Общество Красного Креста» // Церковный вестник. 1877. № 20. Ч. Офиц. С. 143.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 353. Л. 115.

⁵ Там же. Л. 133.

⁶ Там же. Л. 102–102об.; Определение Святейшего Синода от 11–13 мая 1877 г. о пожертвованиях, сделанном членами и присутствующими Святейшего Синода на военные надобности // Церковный вестник. 1877. № 20. Ч. Офиц. С. 143.

и многие преосвященные: в частности, епископ Архангельский и Холмогорский Макарий (Миролюбов) пожертвовал 2 тыс. руб., митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов), архиепископ Литовский и Виленский Макарий (Булгаков), епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман (Осецкий) – по 1 тыс. руб. каждый¹. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на нужды больных и раненых воинов духовенство пожертвовало 720 тыс. руб.² Всего же в России за этот период представителями всех сословий в пользу Красного Креста было собрано около 14 млн руб.

В 1877–1878 гг. Общество попечения о раненых и больных воинах стало главным центром частной помощи на войне. Его уполномоченные находились при штаб-квартире действующей армии. Общество взяло на себя следующие функции: распределение сестер по госпиталям, снабжение госпиталей хозяйственным и медицинским имуществом, формирование летучих отрядов для оказания помощи на перевязочных пунктах во время сражений, устройство эвакуационных пунктов, открытие самостоятельных (не подчиненных военному ведомству) лазаретов, организацию транспортов и санитарных поездов.

Во время войны 1877–1878 гг. на средства общества в Российской империи для эвакуированных больных и раненых воинов было устроено 238 лазаретов на более чем 20 тыс. кроватей³, на театре военных действий – 30 госпиталей⁴. Что касается санитарных поездов, то первоначально общество собиралось довести их количество до 10, но потом план был перевыполнен: к концу 1877 г. было организовано уже 24 поезда⁵. Каждый из них, носивший, как правило, имя одного из членов Российского императорского дома, прошел соответствующие испытания и был оборудован всем необходимым. Эти комфортабельные поезда существенно отличались от используемых во время войны для перевозки раненых. Последние обычно состояли из товарных вагонов, в которые была настлана солома⁶. Помимо поездов для эвакуации больных и раненых воинов Красный Крест организовал также санитарную флотилию, ходившую по Дунаю. Необходимые для этого суда – два реморкера (буксирных парохода) «Александр» и «Мария» и шесть барж – были

¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 15.

² Там же. С. 18–19; РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 620. Л. 145–145об.

³ Заметки по вопросам, относящимся к деятельности Общества Красного Креста в минувшую войну 1877–1878 гг. СПб., 1879. С. 32.

⁴ Красный Крест, его задачи, деятельность и организация // Иллюстрированный календарь Красного Креста на 1898 г. СПб., 1898. С. 86.

⁵ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 40. Л. 1об.; Д. 38. Л. 265.

⁶ Гурьев В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. С. 3–4.

арендованы им у Императорского Королевского Австрийского пароходного общества «Ллойд». Суда курсировали с апреля по сентябрь 1878 г. между Видином, Никополем, Рушуком, Журжево, Силистрией, Черноводами и Тульчей и доставляли эвакуируемых в Браилов или Рени для передачи их на санитарные поезда. На судах и поездах Красного Креста по распоряжению императрицы Марии Александровны работали сестры Благовещенской общины¹.

Под эгидой Красного Креста во время войны находились практически все общины сестер милосердия, независимо от их ведомственной принадлежности. Наиболее подготовленными и, соответственно, внесшими наибольший вклад в оказание квалифицированной медицинской помощи войнам русской армии были Крестовоздвиженская, Святого Георгия, Свято-Троицкая, «Утоли моя печали» и Благовещенская общины, в начале войны отправившие свои отряды на театр военных действий².

Ускоренные курсы по подготовке сестер Красного Креста в годы войны прошли около 3000 женщин разных сословий³. Около 1300 из них были отправлены на театр военных действий, остальные работали в тылу в военновременных госпиталях⁴.

Участники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оставили в своих письмах и воспоминаниях немало положительных отзывов о деятельности Красного Креста. В частности, священник 9-го гренадерского Сибирского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего полка, благочинный 3-й гренадерской дивизии Вахв Гурьев, прикомандированный в августе 1877 г. к подвижному дивизионному лазарету, на страницах своих писем называет Красный Крест «общим другом и благодетелем русской армии», «истинно-христианским», «великим и святым учреждением»⁵. Священник с благодарностью повествует о том, как в начале ноября 1877 г., в тяжелое для лазарета, в котором он служил, время, когда не хватало всего самого необходимого, летучий отряд Красного Креста доставил туда четыре телеги полезных вещей: белье, фуфайки, шапки, полушубки, сапоги, валенки, байковые одеяла, спирт, коньяк, чай, сахар, консервы, табак, махорку и различные аптечные материалы. «Но что всего важнее, — пишет

¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 17. Л. 122 об–123 об.

² Подробнее об этом см.: *Мельникова Л. В.* Общины сестер милосердия и женские православные монастыри во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Российская история.* 2016. № 6. С. 28–45.

³ *Сестры милосердия России.* С. 207.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ *Гурьев В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. С. 80, 138, 193, 277.

Вахх Гурьев, — Красный Крест привез с собой свое христиански сострадающее, братское сердце, полное самого теплого участия к горькой судьбине наших страдальцев», в результате чего лазарет «совершенно переродился, просиял»¹. Отец Вахх обращает внимание также на то, что «деятели Красного Креста, раздавая свою щедрую помощь, везде предлагали ее от высочайшего имени государыни императрицы; а это имело громадный, широчайший смысл»². Забота и внимание императорской четы были чрезвычайно важны для раненых и больных воинов, действуя на них более чем благотворно. По наблюдению графа Н. П. Игнатьева, одно появление императора Александра II в госпиталях «преобразовывало стонущих, капризных и еледвигающихся страдальцев в улыбающихся молодцов»³. Следует отметить, что государь, пробывший на Дунайском театре военных действий в течение полугода (с 25 мая по 3 декабря 1877 г.), посещал госпитали очень часто, скромно называя себя «братом милосердия»⁴.

После войны 1877–1878 гг., подводя итоги своей деятельности, российский Красный Крест констатировал, что израсходовал на военные нужды 16 млн 788 тыс. руб. На его поездах и судах было перевезено более 100 тыс. больных и раненых воинов. В госпиталях общества, находившихся на театре военных действий, лечилось около 18 тыс., в лазаретах внутри империи — 116 268 человек⁵.

17 октября 1878 г. военный министр Д. А. Милютин выразил благодарность А. К. Баумгартену, уполномоченным и членам Общества Красного Креста за самоотверженную деятельность в тылу действующей армии.

19 февраля 1878 г., в день подписания Сан-Стефанского мирного договора, император Александр II учредил знак отличия Красного Креста «в награду особам женского пола, которые, посвятив себя попечению о раненых и больных воинах, своею деятельностью и рвением на сем поприще оказывают особенные заслуги и известны при том своими высокими нравственными качествами»⁶. Награда жаловалась императрицей с соизволения

¹ Там же. С. 281–282.

² Там же. С. 282.

³ *Игнатьев Н. П.* Походные письма 1877 года. Письма к Е. Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. М. Хевролиной. М., 1999. С. 139.

⁴ *Захарова Л. Г.* Александр II // Российские самодержцы, 1801–1917. 2-е изд. М., 1994. С. 207.

⁵ Красный Крест, его задачи, деятельность и организация. С. 85–86.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 53, ч. 1. СПб., 1880. № 58217.

императора, по их собственному «благоусмотрению» или по представлениям министерств и главных управлений, к ведомству которых принадлежали представляемые лица. Знак имел две степени: первая, или высшая, представляла собой эмалевый красный крест в золотом ободке с круговой надписью «За попечение о раненых и больных воинах», вторая — такой же крест в серебряном ободке с той же надписью. Обе степени носились на левой стороне груди, в петлице, на ленте ордена Святого Александра Невского. Знак жаловался последовательно: сначала второй степени, потом — первой, однако в особых случаях награждение могло производиться сразу знаком высшей степени¹.

За заслуги в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. знаком отличия Красного Креста были награждены несколько сотен сестер милосердия, в том числе 71 — первой степени. 13 марта 1879 г. Александр II учредил еще один знак Красного Креста, предназначенный для лиц обоего пола, которые принимали участие в деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он представлял собой эмалевый красный крест в овальном серебряном ободке в виде ленты, перевязанной на бант и увенчанной императорской короной. На левой и правой сторонах ленты — выпуклые цифры «1877» и «1878». Знак также предназначался для ношения на левой стороне груди².

Императрица Мария Александровна решила выразить свое особое благоволение общинам сестер милосердия, занимавшимся попечением о раненых и больных воинах, как на театре военных действий, так и внутри России. В ноябре 1879 г. «в воспоминание усердных трудов и сердобольного служения во время минувшей войны» она пожаловала девяти общинам (Свято-Троицкой, Святого Георгия, Покровской, Крестовоздвиженской, Владычне-Покровской, «Утоли моя печали», Иосифовской, Иоанно-Ильинской и Благовещенской) по честной иконе Спасителя в серебряном позолоченном ободке с изображением Красного Креста и соответствующей надписью³.

В заключение следует подчеркнуть, что в ходе войны 1877–1878 гг. Общество попечения о раненых и больных воинах помогло Военно-медицинскому ведомству спасти жизни тысяч солдат и офицеров, а также убедительно показало правильность и необходимость применения частной помощи на войне. Успешно пройдя «боевое крещение», это учреждение, в 1879 г. переименованное в Российское общество Красного Креста, получило мощный импульс для дальнейшего развития и процветания.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 53, ч. 1. СПб., 1880. № 58217.

² Там же. Т. 54, ч. 1. СПб., 1881. № 59404.

³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 79, 213.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С. Л. Алексеев, Е. А. Багрин

Всероссийская конференция «Эпоха Великих реформ» в Президентской библиотеке

В 2018 г. отмечалось 200-летие со дня рождения российского императора Александра II, известного своей реформаторской деятельностью. Эта дата нашла отражение в целом ряде значимых научных и культурных событий в России и за рубежом: открывались выставки, проходили конференции, круглые столы и другие научные мероприятия. Празднование юбилея вошло в число приоритетных проектов Русского исторического общества.

Ключевые слова: Александр II, юбилейные мероприятия, Российское историческое общество.

Алексеев Станислав Леонидович (Санкт-Петербург) – ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», начальник научно-методической службы.

Stanislav L. Alexeev – Presidential Library, Leader of the Scientific and Methodological Department.

alexeev@prlib.ru

Багрин Егор Андреевич (Санкт-Петербург) – ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», научный сотрудник научно-методической службы, кандидат исторических наук.

Egor A. Bagrin – Presidential Library, Researcher of the Scientific and Methodological Department; Ph.D. (History).

bagrin@prlib.ru

© С. Л. Алексеев, Е. А. Багрин, 2019

Stanislav L. Alekseev, Egor A. Bagrin

All-Russian conference “The Epoch of Great Reforms” in the Presidential Library

In 2018 it was celebrated the 200th anniversary of the birth of the Russian Emperor Alexander II, known for his reform activities. This date was reflected in a number of significant scientific and cultural events in Russia and abroad, as an exhibitions, conferences, round tables, and other scientific events. The celebration of the anniversary was among the priority projects of the Russian Historical Society.

Keywords: Alexander II, anniversary events, Russian Historical Society.

В мае 2018 г. Президентская библиотека провела несколько мероприятий, посвященных 200-летней годовщине со дня рождения императора Александра II. Состоялось занятие видеолектория «Знание о России», посвященное внешней политике России второй половины XIX в., демонстрировались тематические электронные выставки. Значительным вкладом в череду событий юбилейного года стала прошедшая 24–25 мая Всероссийская научная конференция с международным участием «Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие».

В конференции приняли участие более 60 специалистов из научных и образовательных организаций, учреждений культуры, среди которых Санкт-Петербургский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт российской истории РАН и многие другие. В ходе заседаний обсуждались вопросы, связанные с личностью императора Александра II и его окружением. В докладах были раскрыты темы, затрагивающие отдельные аспекты внешней и внутренней политики, культуры и общественной жизни России. Особое внимание было уделено Великим реформам, их значению для развития России в годы царствования Александра II и его преемников.

В рамках конференции состоялся круглый стол «Личные библиотеки императоров России: вопросы сохранения в цифровой среде», на котором обсуждались проблемы и опыт реконструкции состава личных библиотек императоров, приоритеты отбора документов для оцифровки. Участники

познакомились с результатами деятельности Президентской библиотеки по выявлению изданий с экслибрисами российских императоров и членов их семей в фондах отечественных библиотек, архивов и музеев.

Материалы конференции легли в основу научных сборников Президентской библиотеки в серии «Электронный архив»: «К 200-летию императора Александра II. Архивные документы по российской истории в научных исследованиях и публикациях»¹ и «Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие» (в двух частях)².

На портале www.prilib.ru в свободном доступе представлены подборки материалов, посвященные эпохе и личности Царя-освободителя, видным государственным и общественным деятелям того времени (А. М. Горчакову, М. Н. Муравьеву, К. П. Победоносцеву, Ф. Н. Плевако, М. Н. Каткову и др.).

Прошедшие в России юбилейные мероприятия в честь императора Александра II отражают неизменность общественного интереса к изучению эпохи и личности государя-реформатора.

Мероприятия, прошедшие в России в 2018 г. в честь 200-летия Александра II

Международные и всероссийские научные конференции

- Вторая научно-практическая конференция «Карамзинские чтения», приуроченная к 200-летию юбилею императора Александра II, «Александр II и его эпоха». Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург, 16 мая 2018 г. URL: <http://www.fgurgia.ru/object/1648725259>.
- Всероссийская научная конференция с международным участием «Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие (к 200-летию со дня рождения Александра II)». Президентская библиотека. Санкт-Петербург, 24–25 мая 2018 г. URL: <https://www.prilib.ru/afisha/1156082>.
- «Император Александр II: личность и эпоха. К 200-летию со дня рождения Е. И. В.». Российская академия художеств, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Дом ученых им. М. Горького РАН

¹ <https://www.prilib.ru/item/1174411>

² <https://www.prilib.ru/item/1180972>

и др. Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2018 г. URL: <https://www.rah.ru/news/detail.php?ID=34500>.

- «Александр II: два века в памяти России (1818–2018)». Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт российской истории РАН, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена, Государственный Эрмитаж, Российское историческое общество, Государственный музей-заповедник «Петергоф». Санкт-Петербург, 17–19 декабря 2018 г. URL: <http://www.spbiiran.pw.ru//научная-конференция-ii-александр-ii-два>.

Выставки

- «Александр II. Освободитель». Государственный исторический музей. Москва, 4 апреля – 15 октября 2018 г. URL: <https://shm.ru/shows/11394>.
- «Разбуженная Россия», выставка, посвященная 200-летию со дня рождения императора Александра II. Дом ученых им. М. Горького РАН. Санкт-Петербург, 11 апреля – 5 мая 2018 г. URL: дворцы-сады-парки.рф/razbuzhennaya-rossiya.
- «Император Александр II. Воспитание просвещением». Российская государственная библиотека. Москва, 25 апреля – 22 августа 2018 г. URL: <https://alexander2.rsl.ru>.
- «Александр II в Царском Селе. „Наконец я дома...“», выставка, посвященная 200-летию со дня рождения императора. Музей-заповедник «Царское Село». Пушкин, 31 июля – 31 декабря 2018 г. URL: <http://www.museum.ru/N70547>.
- «„Тернистый путь Свободы“. Император Александр II и его эпоха. К 200-летию со дня рождения». Федеральное архивное агентство, Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург, 17 октября – 14 декабря 2018 г. URL: <http://www.tzar.ru/news/1542113156>; <http://www.fgurgia.ru/object/1832816890>.

Список сокращений

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека России
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИСРО РАО – Институт стратегии развития образования Российской академии образования
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская академия наук
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
РГБ – Российской государственной библиотеки
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНБ – Российская национальная библиотека
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

Научное издание

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ: ИСТОРИЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Часть 2

Сборник научных трудов

Серия «Электронный архив»

Выпуск 4

Ведущий редактор: *Н. М. Казимирчик*

Дизайн обложки: *Е. И. Буркова*

Корректоры: *М. О. Прилуцкая, М. В. Скворцова*

Техническое редактирование

и компьютерная верстка: *Г. А. Филичева*

Подписано в печать 30.09.2019. Формат 70 × 100¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,375.
Зак. № 158. Тираж 25 экз.

ISBN 978-5-6042137-4-2

9 785604 213742

Издание подготовлено и отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3

www.prlib.ru

Уважаемые участники конференции!

Приглашаем вас стать авторами сборника статей Президентской библиотеки серии «Электронное законодательство». Выпуск 9 выйдет в свет в I квартале 2020 года. Присылайте научные материалы (статьи и сообщения) по теме конференции до 1 ноября 2019 года по адресу: knyaginina@prlib.ru.

Президентская библиотека заключает с авторами лицензионные договоры об объеме прав на использование их произведений, предоставляет бесплатный доступ к электронным копиям научных изданий на портале www.prlib.ru/publication_sbornik. Авторы статей не получают гонораров и не несут материальных затрат на публикацию.

Статьи, научные сообщения и другие материалы должны содержать фамилию, имя и отчество (при наличии) автора и сведения о нем (место работы/учебы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание), название, аннотацию, перечень ключевых слов, постраничные сноски, подписи к иллюстрациям (при наличии), списки литературы и источников. Иллюстрации передаются отдельными файлами с разрешением 300 dpi. Сведения об авторе, название, аннотация, ключевые слова даются также на английском языке.

Объем статей, обзоров, отчетов – от 0,35 до 1 авторского листа (40 000 знаков с пробелами). Объем научного сообщения, рецензии и т. д. – до 0,35 авторского листа.

Сборники Президентской библиотеки индексируются в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Все материалы рецензируются.

Серия
«ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ»
Выпуск 4

WWW.PRLIB.RU

